

ISSN 0205-9592

Том 45, Номер 1

Январь - Февраль 2024

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НАУКА

— 1727 —

Российская академия наук

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 45 №1 2024 Январь - Февраль

Б.Ф. Ломов, чл.-корр. АН СССР- основатель и главный редактор с 1980-1988 гг.,
А.В. Брушлинский, чл.-корр. РАН-главный редактор с 1988-2002 гг.

Выходит 6 раз в год
ISSN: 0205-9592

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор академик РАН А.Л. Журавлев

Редакционная коллегия:

И.О. Александров (Москва),
Л.Г. Дикая (Москва), Т.П. Емельянова (Москва),
Т.В. Корнилова (Москва), Д.А. Леонтьев (Москва), В.Ф. Петренко (Москва),
Л.М. Попов (Казань), В.В. Рубцов (Москва),
В.Е. Семенов (Санкт-Петербург), Е.А. Сергиенко (Москва), Д.В. Ушаков (Москва),
М.А. Холодная (Москва), В.Д. Шадриков (Москва), А.В. Юревич (Москва)

Редакционный совет:

К.А. Абульханова-Славская (председатель, Москва),
Ю.П. Зинченко (Москва), С.Б. Малых (Москва),
В.В. Знаков (Москва), И.В. Имададзе (Грузия),
А.А. Крылов (Санкт-Петербург),
В.А. Моляко (Украина), Т.Н. Ушакова (Москва), И.А. Фурманов (Беларусь),

Заведующая редакцией М.А. Сафонова

*Адрес редакции: 129366 Москва, И-366, Ярославская ул., 13
Тел.: 8(495) 683-53-20, 8(495) 683-58-10
e-mail: journ@ipras.ru*

Москва
ФГБУ «Издательство «Наука»

СОДЕРЖАНИЕ

Том 45, № 1, 2024

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Уровень выраженности горизонтальной абнотивности как детерминанта командной работы профессионалов

М. М. Кашапов, О. Ю. Ангелова, Т. О. Подольская, М. В. Прохорова

5

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Дефициты смыслового чтения у молодых взрослых: проявление несформированности понятийного мышления

О. В. Шербакова

19

Конструктивные и деструктивные аспекты эмпатии как следствие ее многомерной природы

М. А. Холодная, Е. В. Соловьева

32

Субъективные оценки при решении “инсайтных” задач

А. С. Власова, М. А. Левшина, Э. С. Шипилова, Д. В. Косолапова

46

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Отношение к ногтям в качестве репрезентации границы телесного Я

Т. А. Ребеко

53

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Особенности физиологического обеспечения целенаправленного поведения людей с различными индивидуально-типологическими характеристиками

С. С. Перцов, А. В. Клименко

65

ПСИХОЛОГИЯ И ИНТЕРНЕТ

Субъектно-ориентированное сравнение у разных категорий пользователей социальных сетей

Н. Г. Артемцева, Е. С. Самойленко

78

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

Психометрический анализ русскоязычной версии опросника “The Vengeance Scale”: опросник мстительности и прощения

Э. В. Колыванова, С. Н. Ениколопов

88

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Сергей Васильевич Кравков — психолог и психофизиолог: вехи научной биографии (к 130-летию со дня рождения)

О. Г. Носкова

98

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Выразительность речи и голоса: к 95-летию со дня рождения В.П. Морозова

А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова

107

ДИСКУССИЯ

Анализ современных понятий в психологии: ответ участникам дискуссии

А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко

114

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

X юбилейная международная конференция молодых ученых “Психология — наука будущего”

С. В. Тарасов

124

Международная юбилейная научная конференция “Проблемы социальной и экономической психологии: итоги и перспективы исследований”

А. Е. Воробьева

129

CONTENTS

Vol. 45, No. 1, 2024

SOCIAL PSYCHOLOGY

- The Degree of Horizontal Abnотivity as a Determinant of Experts' Teamwork
M. M. Kashapov, O. Yu. Angelova, T. O. Podolskaya, M. V. Prokhorova 5
-

COGNITIVE PSYCHOLOGY

- Semantic Reading Deficits in Young Adults: Lack of Conceptual Thinking
O. V. Shcherbakova 19
- Constructive and Destructive Aspects of Empathy as a Consequence of Its Multidimensional Nature
M. A. Kholodnaya, E. V. Solovyeva 32
- Subjective Assessments for Solving "Insight" Tasks
A. S. Vlasova, M. A. Levshina, E. S. Shipilova, D. V. Kosolapova 46
-

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

- The Attitude to Nails as a Representation of the Boundary of the Bodily Self
T. A. Rebeko 53
-

PSYCHOPHYSIOLOGY

- Features of Physiological Support for Goal-Directed Activity of People with Various Individual Typological Characteristics
S. S. Pertsov, A. V. Klimenko 65
-

PSYCHOLOGY AND THE INTERNET

- Subject-Oriented Comparison of Different Categories of Users of the Digital Environment
N. G. Artemtseva, E. S. Samoylenko 78
-

METHODS AND PROCEDURES

- Psychometric Analysis of the Russian Language Version of the Questionnaire "The Vengeance Scale":
Questionnaire of Revenge and Forgiveness
E. V. Kolivanova, S. N. Enikolopov 88
-

HISTORY OF PSYCHOLOGY

- Sergey V. Kravkov as a Psychologist and Psychophysiolgist: Milestones of Scientific Biography
(to the 130th Anniversary of the Birth)
O. G. Noskova 98
-

MEMORABLE DATES

- The Expressiveness of Human Speech and Voice: On the 95th Anniversary of the Birth of V.P. Morozov
A. L. Zhuravlev, N. D. Pavlova 107

DISCUSSION

Analysis of Modern Concepts in Psychology: The Answer to the Debaters

A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko

114

SCIENTIFIC LIFE

X Anniversary International Conference of Young Scientists “Psychology — the Science of the Future”

S. V. Tarasov

124

International Anniversary Scientific Conference “Problems of Social and Economic Psychology:
Research Results and Prospects”

A. E. Vorobieva

129

УДК 159.9.072

УРОВЕНЬ ВЫРАЖЕННОСТИ ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ АБНОТИВНОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА КОМАНДНОЙ РАБОТЫ ПРОФЕССИОНАЛОВ

© 2024 г. М. М. Кашапов^{1,*}, О. Ю. Ангелова^{2,**},
Т. О. Подольская^{2,***}, М. В. Прохорова^{2,****}

¹ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»;
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, Россия.

²ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»;
603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, стр. 2, Россия.

* Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии.
E-mail: smk007@bk.ru

** Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий
и инструментальных методов в экономике.

E-mail: oangelova@mail.ru

*** Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры университетского
менеджмента и инноваций в образовании.

E-mail: podolskaya79@yandex.ru

**** Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления.
E-mail: personalgerente@mail.ru.

Поступила 27.10.2022

Аннотация. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью поиска новых методов и приемов организационной работы в условиях высокой скорости жизни и энтропии современного общества. Целью работы является выявление роли и характера влияния горизонтальной абнотивности на эффективность и специфику восприятия командной работы. Механизм горизонтальной абнотивности состоит в выявлении потенциала равных по социальному и профессиональному статусу участников совместной деятельности и оказании им поддержки в самореализации и достижении успеха. Эмпирическое исследование, в котором приняли участие 192 респондента, проводилось с помощью батареи опросных методик, позволяющих собрать сведения о респондентах, оценить уровень их горизонтальной абнотивности и включенности в командную работу, ее особенности и эффективность в представлении участников исследования. С помощью статистических методов и качественного анализа определялась роль горизонтальной абнотивности в детерминации эффективности и особенностей протекания командной работы. Результатом исследования стало описание нового вида абнотивности, способствующего выявлению творческого потенциала равных по статусу участников совместной деятельности и оказанию им поддержки в самореализации и достижении успеха. Указанный вид абнотивности именуется «горизонтальным». Установлено, что уровень выраженности горизонтальной абнотивности влияет на вовлеченность субъектов профессиональной деятельности в командную работу и детерминирует ее эффективность и особенности восприятия. Впервые описаны закономерности функционирования горизонтальной абнотивности: чем сильнее она выражена, тем чаще субъект деятельности становится членом какой-либо команды; уровень выраженности горизонтальной абнотивности субъекта деятельности, включенного в команду, положительно влияет на оценку эффективности ее работы, помогая в раскрытии способностей каждого участника. Выводы: основные и дополнительные роли, которые выполняют в команде умеренно- и высокоабнотивные субъекты, различаются. Уровень выраженности горизонтальной абнотивности детерминирует эффективность и особенности протекания командной работы.

Ключевые слова: горизонтальная абнотивность, умеренно-абнотивные, высокоабнотивные, командные роли, командная работа, проявление способностей, одаренность, самореализация одаренной личности, эффективность деятельности.

DOI: 10.31857/S0205959224010017

Современный мир, характеризующийся значительной степенью неопределенности и высокой скоростью изменений во всех сферах, требует новых способов работы в организациях — происходит замещение жестких иерархичных кадровых структур на гибкие проектные команды, что повышает значимость таких вопросов, как управление командами, совершенствование методов командообразования, увеличение эффективности управленческой и кроссфункциональной коммуникации между смежными подразделениями. Конкурентными преимуществами организации становятся: гибкость, ориентированность на результат, умение быстро и адекватно перестроиться в зависимости от текущей ситуации. К аналогичным выводам приходят А.Л. Журавлев, Т.А. Жалагина, Е.А. Журавлева [7]. Социальная психология, занимаясь изучением групповой деятельности, динамики групповых процессов, может помочь решить встающие перед компаниями вопросы. Кроме того, изучение командной работы в организациях вносит вклад в развитие представлений о социализации современного профессионала в условиях новой экономики. Вместе с тем социально-психологические предпосылки формирования эффективной команды остаются недостаточно разработанными в научной литературе в контексте современных вызовов.

В связи с этим необходимо уделить особое внимание изучению факторов успешности командной работы (под успешностью мы понимаем достижение командой целевых показателей) [3; 21; 25; 26]. Термин “команда” имеет много определений, но ключевым моментом является то, что участники работают вместе для достижения общей цели [13]. Как отмечает С. Литтлджон [24], эффективное взаимодействие возможно только при наличии смыслового компонента в психологическом, социальном и культурном плане. Наиболее значимым фактором, способствующим росту эффективности деятельности, является вовлеченность членов команды [23].

Вопросы изучения командной работы во многом опираются на теорию коллективного субъекта С.Л. Рубинштейна [15, с. 106], положения которой предполагают наличие у группы способности к совершению совместных действий. В этой связи А.Л. Журавлев выделяет управление как одну из важнейших форм проявления коллективного субъекта [8].

У каждого члена команды формируется групповая роль, которая обусловлена личными качествами индивидуума и ситуацией, при этом формальный статус и профессиональная принадлежность уходят на второй план и не являются

ведущими при определении роли в команде [2]. В свою очередь, М. Белбин¹ описывает типичные паттерны поведения членов команды по отношению к другим участникам, которые могут иметь двунаправленное влияние на эффективность команды. Подбор роли, наиболее соответствующей конкретному участнику и задачам команды, позволит оптимизировать состав команды, определить сильные стороны членов команды и нивелировать слабые стороны за счет других участников коллектива [28].

В работе А.В. Сидоренкова и Е.Ф. Бороховского [16] исследовано влияние на эффективность командной работы таких характеристик группы, как половозрастной состав, продолжительность работы в группе, средний возраст работников. К основным факторам успешной работы команды относят [18]: состав команды, ее численность, сплоченность и компетенции участников команды; цели и задачи, их принятие и понимание участниками; вовлеченность, удовлетворение личных интересов всех участников команды; стиль руководства командой, его соответствие ситуации; внешнее окружение, внутрикорпоративные коммуникации и межгрупповые связи, командные нормы, уровень взаимного доверия. Согласно шестифакторной модели командной работы М. Хоекала и Х. Гемуендена [22], эффективность деятельности ИТ-компаний зависит от особенностей коммуникации, координативности, сбалансированности вкладов членов команды, их взаимной поддержки, максимальных усилий и сплоченности. Наряду с факторами, повышающими эффективность команды, изучаются и причины снижения результативности коллективной работы. Именно дисфункциональная коммуникация может быть тем барьером, который не дает команде раскрыться в полной мере, когда слабая социальная коммуникация оказывает негативное влияние на эффективность предпринимательской деятельности [5].

Согласно модели И. Штайнера [27], отражающей соотношение между индивидуальными способностями игроков команды и взаимодействием между ними, индивидуальная способность — наиболее важный компонент для команды. Для того чтобы обеспечить ее качественный состав, важно уметь видеть потенциал одаренности среди коллег.

В психологической науке используется понятие “абнотивность”, которое можно определить как интеллектуальную способность учителя к адекватному восприятию, осмыслению, пониманию и принятию креативного ученика, способность

¹ URL: www.belbin.com/belbin-team-roles.htm.

заметить одаренного ребенка и оказать необходимую психолого-педагогическую поддержку в развитии его творческого потенциала [10–12]. Этимология данного термина обращается к английским словам “note” (обращать внимание) и “about” (вокруг), что складывается в “ab(out)not(e)ivity”. Традиционно этот термин применяется по отношению к умению педагога увидеть творческие способности учеников и развивать их, т.е. абнотивность в данном случае реализуется в рамках иерархии, по вертикали. При этом абнотивность преподавателя может оказать существенное влияние на профессиональное становление обучаемых, особенно одаренных [1], и является необходимой частью педагогической одаренности [19]. Понятие абнотивности не следует ограничивать рамками ситуаций обучения и воспитания, в которые включены разные по возрасту, жизненному и профессиональному опыту, статусу субъекты. Проблема раскрытия потенциала каждого работника для достижения целей организации и подразделения стоит и в трудовом коллективе. Несмотря на то что управление талантами представляет один из наиболее популярных трендов HR-менеджмента последнего десятилетия [14], обладающий одаренностью оптант может столкнуться с проблемами при трудоустройстве, а действующий работник — не получить поддержки при выдвижении рационализаторских предложений, внедрение которых столь необходимо для получения конкурентных преимуществ организации. Если в школе одаренный ученик всего лишь задает учителю неудобные вопросы, проверяя компетентность второго [19], то куда сложнее приходится коллегам талантливого сотрудника, который подвергает жесткой критике привычные, но уже устаревшие методы работы и технологии, отказывается от выполнения рутинных задач. Не каждый способен искренне обрадоваться достижениям своих коллег.

Принятие и поддержка таких выдающихся людей требуют наличия у коллег особого качества. Психологическое свойство, которое представляет готовность к такому сотрудничеству с одаренными членами команды, в которого выявляется, поддерживается и реализуется их потенциал на пути достижения общей цели, называется нами **горизонтальной абнотивностью**. Это свойство, проявляющееся при взаимодействии и взаимоотношениях приблизительно равных по ключевым показателям (возрасту, стажу, опыту, должности, статусу) сотрудников трудового коллектива, членов спортивной команды, представляет собой сложную по своей природе характеристику, в структуре которой тесно переплетены когнитивный, социальный и эмоционально-регулятивный компоненты,

играющие разные роли. Первый компонент включает в себе психологические знания и понимание поведения одаренного сотрудника. Второй отражает готовность к построению взаимоотношений, коммуникации с одаренным работником. И наконец третий предполагает проявление эмпатии по отношению к одаренному коллеге. Способность увидеть потенциал, возможности и таланты среди коллег из разных функциональных подразделений или сфер деятельности позволяет создать высокоэффективную команду. Уровень выраженности горизонтальной абнотивности может быть описанным в качественных показателях и подлежащим измерению.

Абнотивный член команды способствует выявлению творческого потенциала равных по статусу участников совместной деятельности и оказанию им поддержки в самореализации и достижении успеха. Феномен горизонтальной абнотивности можно отнести к мезоуровню теории жизнеспособности профессионала социокультурного подхода Ю. Бронфенбреннера [6].

Для определения роли и характера влияния горизонтальной абнотивности на эффективность и специфику восприятия командной работы нами выполнено эмпирическое исследование. Были поставлены как теоретические цели исследования — сформулировать рабочее определение описываемого авторами конструкта — “горизонтальной абнотивности”, так и практические — выявить роль и характер влияния горизонтальной абнотивности на эффективность и специфику восприятия командной работы. Проведенный авторами теоретический анализ привел к выдвижению гипотезы, которая проверялась в ходе эмпирической части исследования: уровень горизонтальной абнотивности детерминирует эффективность и особенности восприятия командной работы субъектами совместной деятельности.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Схема проведения исследования. Теоретический анализ, составляющий первый этап данной работы, позволил определить ключевую методологию исследования, которой стали концепция абнотивности, раскрывающая возможности эффективного обучения и воспитания одаренных обучаемых [1; 10], а также теория ролей Р.М. Белбина [4; 20], что позволило сформулировать указанную выше гипотезу. На втором этапе исследования был подготовлен инструментарий — батарея опросных методик. На третьем этапе исследования производился опрос респондентов. Эмпирическая выборка

носила случайный характер. На четвертом этапе исследования производился количественный и качественный анализ данных. Сначала было найдено распределение всех участников исследования по шкале “абнотивность”. В дальнейшем на основе полученного распределения выделены контрастные группы умеренно- и высокоабнотивных участников. На пятом, завершающем этапе исследования осуществлялось обсуждение полученных результатов, формулирование выводов.

Участники исследования (размер, репрезентативность, процедура формирования). В опросе приняли участие 192 человека (138 женщин и 54 мужчины). Средний возраст участников исследования составил 28 лет. Большинство (138 человек) получили высшее образование, 18 человек защитили ученую степень, 37 респондентов окончили среднюю школу. Сферы профессиональной деятельности участников исследования совершенно различны (рис. 1). 45% участников исследования обладали управленческим опытом, средняя продолжительность которого составила 7.7 года.

Методы исследования. Для сбора данных использовалась батарея опросных методик. Первый инструмент этого комплекса позволил оценить уровень выраженности горизонтальной абнотивности. Для этой цели авторы модифицировали методику Ю.А. Адушевой, М.М. Кашапова [11]. Модифицированная

методика “ГорА”, как и оригинальная, включала в себя 36 прямых утверждений, по отношению к которым респондент мог выразить определенную степень согласия или несогласия, выбрав один из четырех вариантов ответа: “полностью соглашусь”, “скорее соглашусь”, “скорее не соглашусь”, “полностью не соглашусь”. Каждый вариант ответа оценивался от 4 баллов (в случае полного согласия) до 1 балла (в случае полного несогласия). Ниже приведены примеры используемых в методике утверждений: “Мне нравится открывать новые для себя факты, касающиеся моей профессиональной деятельности”, “Я всегда поддерживаю коллег в их стремлении узнать больше”. Полученные при оценке степени согласия респондента с 36 утверждениями баллы суммировались. В итоге каждый участник исследования мог получить от 36 до 144 баллов. Для дальнейшего статистического анализа использовалась шкала “сырых” оценок.

Вторая часть батареи методик включала в себя четыре вопроса, связанных с работой респондента в команде. Первый вопрос был направлен на выявление субъективного восприятия респондентом влияния команды на проявление способностей. Второй определял принадлежность респондента к той или иной команде. На третий и четвертый вопросы отвечали только те респонденты, которые считали себя частью какой-либо команды. Методологической основой для двух

Рис. 1. Распределение респондентов по сферам деятельности

последних вопросов послужила модель Р.М. Белбина [4; 20], в которой выделено девять ролей: исследователь ресурсов, командный игрок, координатор, генератор идей, оценщик, специалист, мотиватор, исполнитель, контролер. Каждая роль в опроснике была представлена через выполняемую функцию, что снижало социальную желательность ответа. Например, функция контролера описана как “тщательно проверяю командную работу на предмет ошибок, обеспечивая высокие стандарты качества”. В ответе на третий вопрос респондент выбирал основную функцию, которую он выполняет в команде, а давая обратную связь на четвертый пункт — дополнительную.

Третья часть батареи методик позволила собрать общие сведения о респондентах: пол, возраст, уровень образования, сфера профессиональной деятельности, наличие опыта управленческой деятельности и его продолжительность. Ответ на вопрос о сфере профессиональной деятельности предлагал респондентам возможность выбрать из 15 вариантов или указать собственный ответ.

Для обработки данных применялись методы описательной статистики и коэффициент ранговой корреляции Спирмена (R), метод контрастных

групп и непараметрический критерий Манна—Уитни (U), однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Количественная обработка данных производилась с применением программного обеспечения Statistica 10.0.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе суммирования ответов респондентов на вопросы модифицированной методики абнотивности получен средний балл — 114, стандартное отклонение — 17. Минимальный балл — 80, максимальный — 144. Медиана составила 115.5. Наиболее часто повторяемый результат (мода) равен 120. Распределение итоговой суммы баллов респондентов имеет незначительную правостороннюю асимметрию (рис. 2), поэтому на следующих шагах обработки данных использовались непараметрические методы обработки.

Между уровнем выраженности горизонтальной абнотивности и наличием команды, к которой принадлежит респондент, существует достоверно значимая положительная связь ($r = 3.11$; $p = 0.05$). Чем сильнее выражена горизонтальная абнотивность, тем с большей вероятностью человек включен

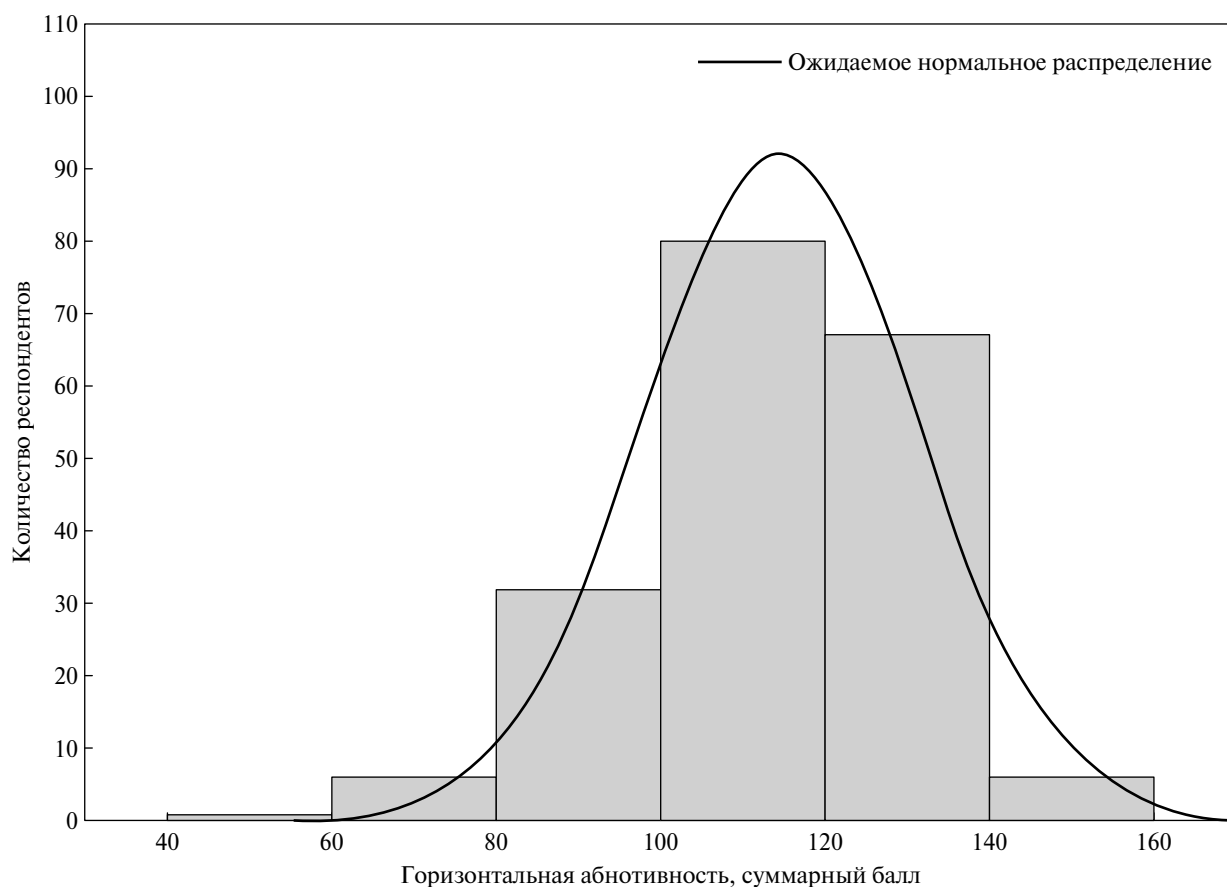

Рис. 2. Распределение суммарной первичной оценки респондентов

в состав какой-либо команды. Сходные по смыслу результаты получены с применением критерия Манна—Уитни: между группами респондентов, входящими и не входящими в состав команды, существуют достоверно значимые различия ($U = 3376.50$ и $p = 0.033^*$; здесь и далее * — уровень значимости $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$). Респонденты, входящие в состав команды, обладают более высокими показателями горизонтальной абнотивности, чем те, кто действует самостоятельно (рис. 3).

Положительное влияние принадлежности к команде было доказано при применении однофак-

торного дисперсионного анализа (рис. 4). Респонденты, включенные в состав той или иной команды, имеют достоверно более высокие показатели горизонтальной абнотивности, чем независимо действующие субъекты ($F = 4.161$; $p = 0.042$). Можно говорить о том, что работа в составе команды умеренно детерминирует проявление горизонтальной абнотивности ($R = 0.1463$).

Характер влияния, оказываемого командой, положительный. Между уровнем выраженности горизонтальной абнотивности и влиянием команды на проявление способностей ее участников

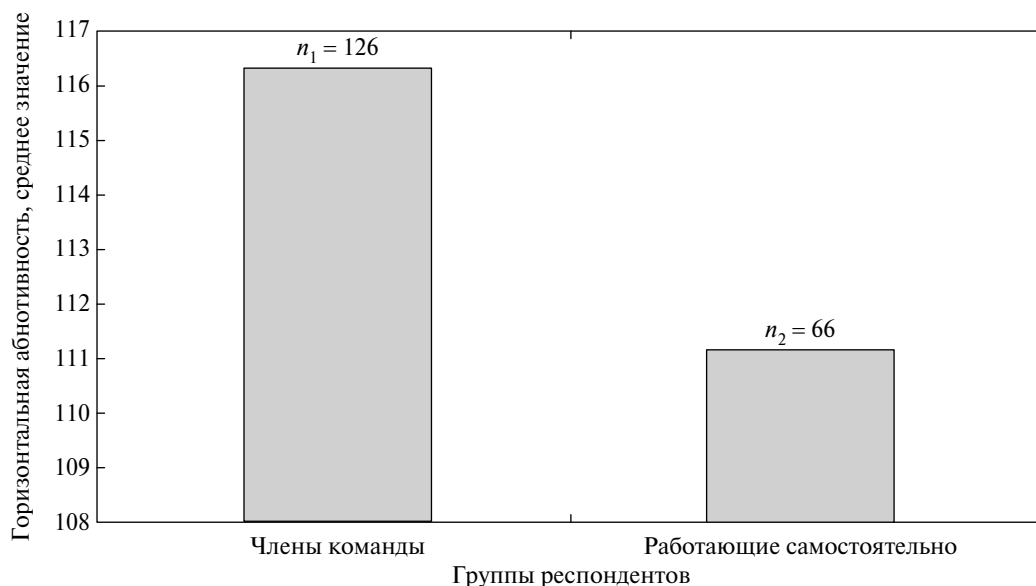

Рис. 3. Средний балл выраженности суммарной оценки горизонтальной абнотивности двух групп респондентов

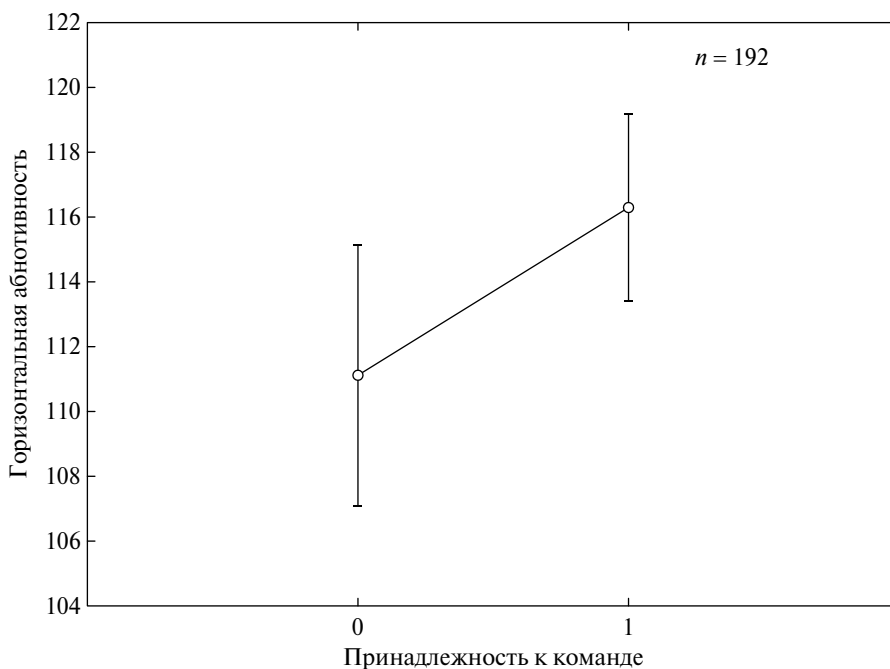

Рис. 4. ANOVA. Роль принадлежности к команде в развитии горизонтальной абнотивности

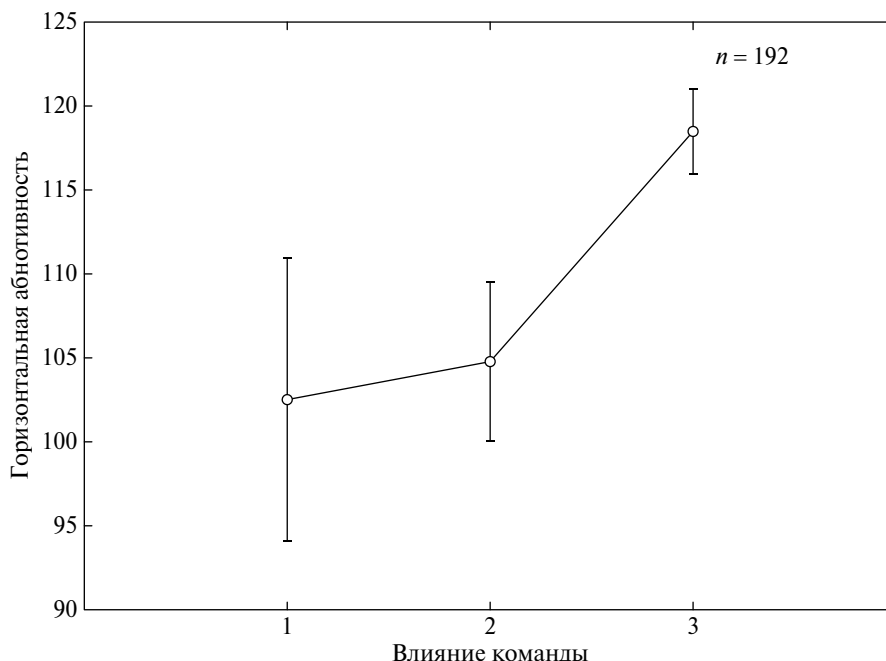

Рис. 5. ANOVA однофакторный. Влияние команды на горизонтальную абнотивность

установлена достоверная значимая положительная связь ($r = 3.338$; $p = 0.05^*$), однако не очень сильная. При повышении уровня абнотивности влияние команды на самореализацию участника возрастает. Можно объяснить это следующим образом. Абнотивность предполагает открытость, способность гибко реагировать на внешние стимулы, а соответственно, впитывать то положительное воздействие, которое может оказать команда. Благодаря этому субъект совместной деятельности приобретает благоприятную возможность реализации собственных ресурсов, а в случае необходимости может организовать поиск недостающих ресурсов. Положительный характер влияния команды на проявление горизонтальной абнотивности удалось также подтвердить с помощью однофакторного дисперсионного анализа (рис. 5). Установлены достоверные различия между уровнем выраженности горизонтальной абнотивности и положительным влиянием команды ($F = 16.99$; $p = 0.000^{**}$). В восприятии респондентов команда помогает им проявлять свои способности, что отражает и коэффициент детерминации ($R = 0.386$).

На следующем шаге исследования выделены две контрастные группы, каждая из которых включала по 29 респондентов, или 16% от общей выборки участников, получивших наименьшие и наибольшие баллы. Первую группу, в которую вошли респонденты, набравшие от 56 до 97 баллов, можно условно обозначить “умеренно-абнотивные”. Вторую группу, которая образована участниками, набравшими от 133 до 144 баллов, можно наименовать

“высокоабнотивные”. Последняя группа более склонна активно включаться в командную работу, чем первая (рис. 6). При сравнении контрастных групп между собой по включенности их представителей в состав команды различий не было установлено ($U = 300.00$ и $p = 0.271$).

Респонденты, входящие в контрастные группы, по-разному оценили влияние команды на проявление их способностей (рис. 7). Установлены достоверно значимые различия между высоко- и умеренно-абнотивными респондентами во влиянии команды на проявление способностей ($U = 168.00$ и $p = 0.000^{**}$). Если оценка влияния команды на проявление способностей умеренно-абнотивных участников близка к нормальному распределению, то высокоабнотивные участники определяют роль команды в основном положительно.

Представители контрастных групп, которые включены в командную работу, позитивно оценивают успешность своих команд. Однако высокоабнотивные респонденты оценивают эффективность команд выше, чем умеренно-абнотивные участники (рис. 8). Между представителями контрастных групп установлены достоверно значимые различия ($U = 93.00$ и $p = 0.002^{**}$). Сравнительный анализ проводился только среди умеренно- и высокоабнотивных респондентов, входящих в состав команд.

Таким образом, высокоабнотивные респонденты более активно, чем умеренно-абнотивные, вовлекаются в командную работу, выше оценивают успешность своей команды и ее роль в проявлении

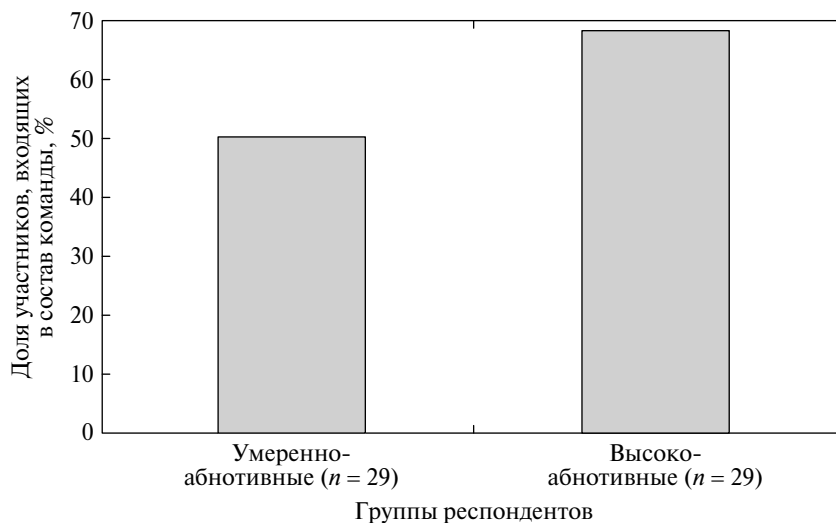

Рис. 6. Вовлеченность в командную работу среди контрастных групп респондентов

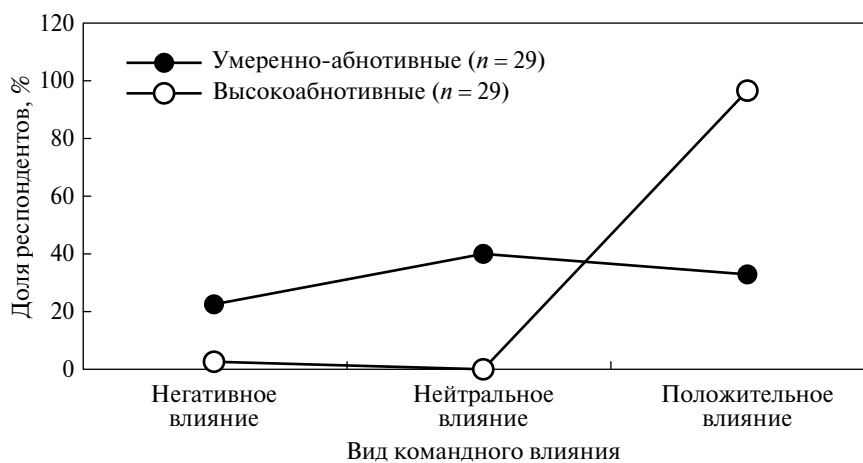

Рис. 7. Влияние команды на проявление способностей среди контрастных групп респондентов

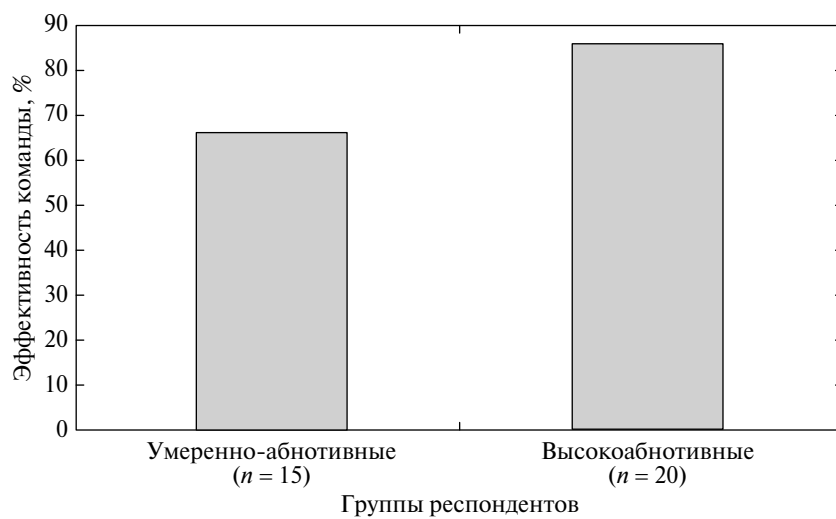

Рис. 8. Относительная эффективность команды

их способностей. Все это подводит к выводу о том, что горизонтальная абнотивность выступает тем психическим качеством субъекта, которое детерминирует эффективность командной работы. Объяснение этого можно проследить в выборе командных ролей (по Р.М. Белбину).

Умеренно-абнотивные респонденты в команде стараются захватить лидерство. Это их основная

роль. Если они не могут захватить лидерство, то становятся координаторами или оценщиками (рис. 9).

Перечисленные роли в большей мере сосредоточены на достижении командного результата в заданных условиях, нежели на раскрытии потенциала участников, что позволяет усилить ресурсные возможности команды.

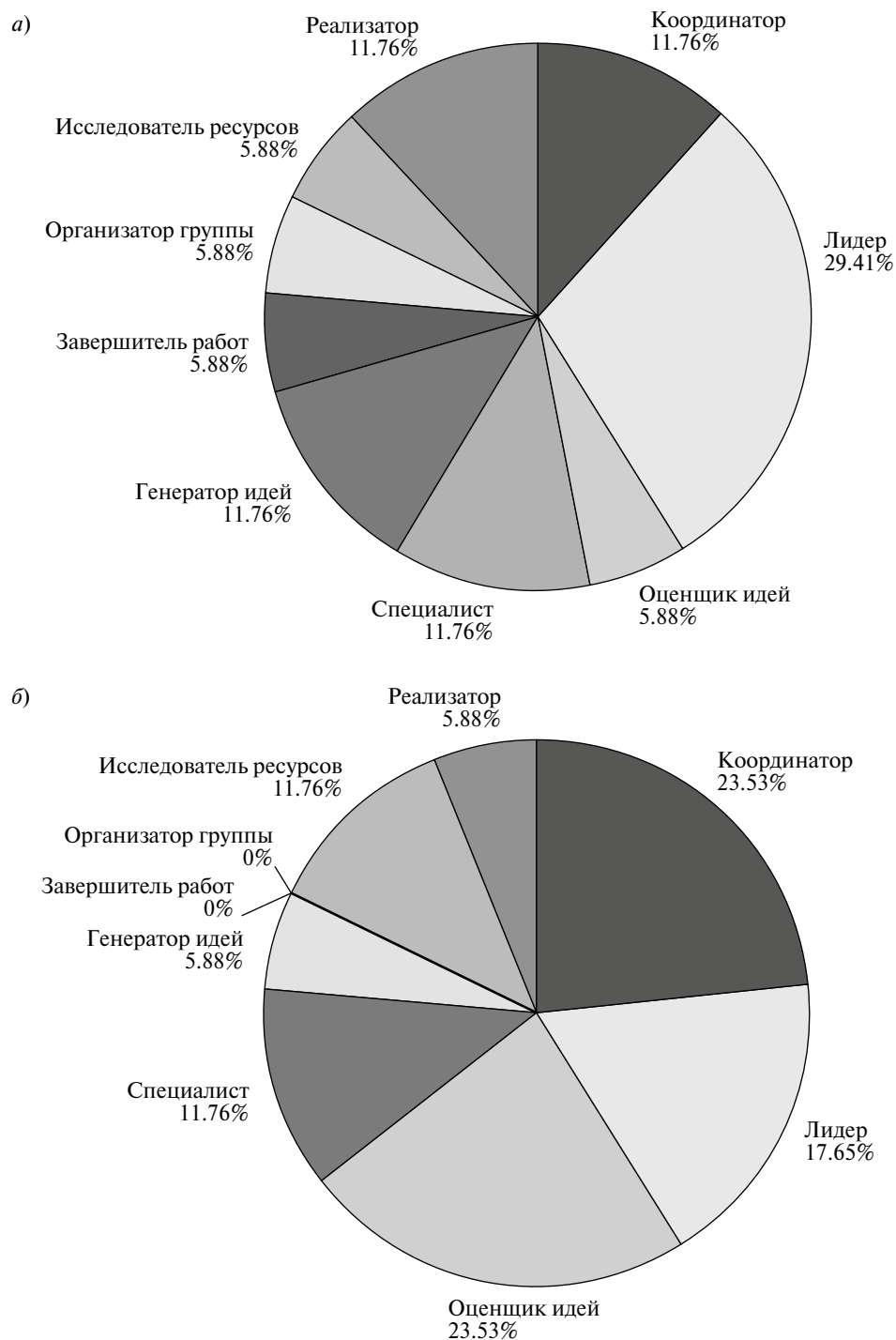

Рис. 9. Выбор умеренно-абнотивными респондентами основных (а) и дополнительных (б) командных ролей

Высокоабнотивные участники прежде всего стремятся занять позицию исследователя ресурсов, для них важно выделить зоны развития на основе выявления потенциала каждого участника (рис. 10, а). Роль лидера высокоабнотивные члены команды рассматривают в качестве дополнительной (рис. 10, б), принимая ее на себя в том случае, если именно эта роль позволяет наилучшим образом раскрыть потенциал каждого участника.

Социально-демографические и профессиональные характеристики не оказывают непосредственного воздействия на проявление горизонтальной абнотивности субъектов деятельности. Достоверно значимых связей между полом, возрастом, уровнем образования, сферой профессиональной деятельности, а также наличием опыта управления и уровнем выраженности горизонтальной абнотивности не обнаружено. Различия в проявлениях горизонтальной

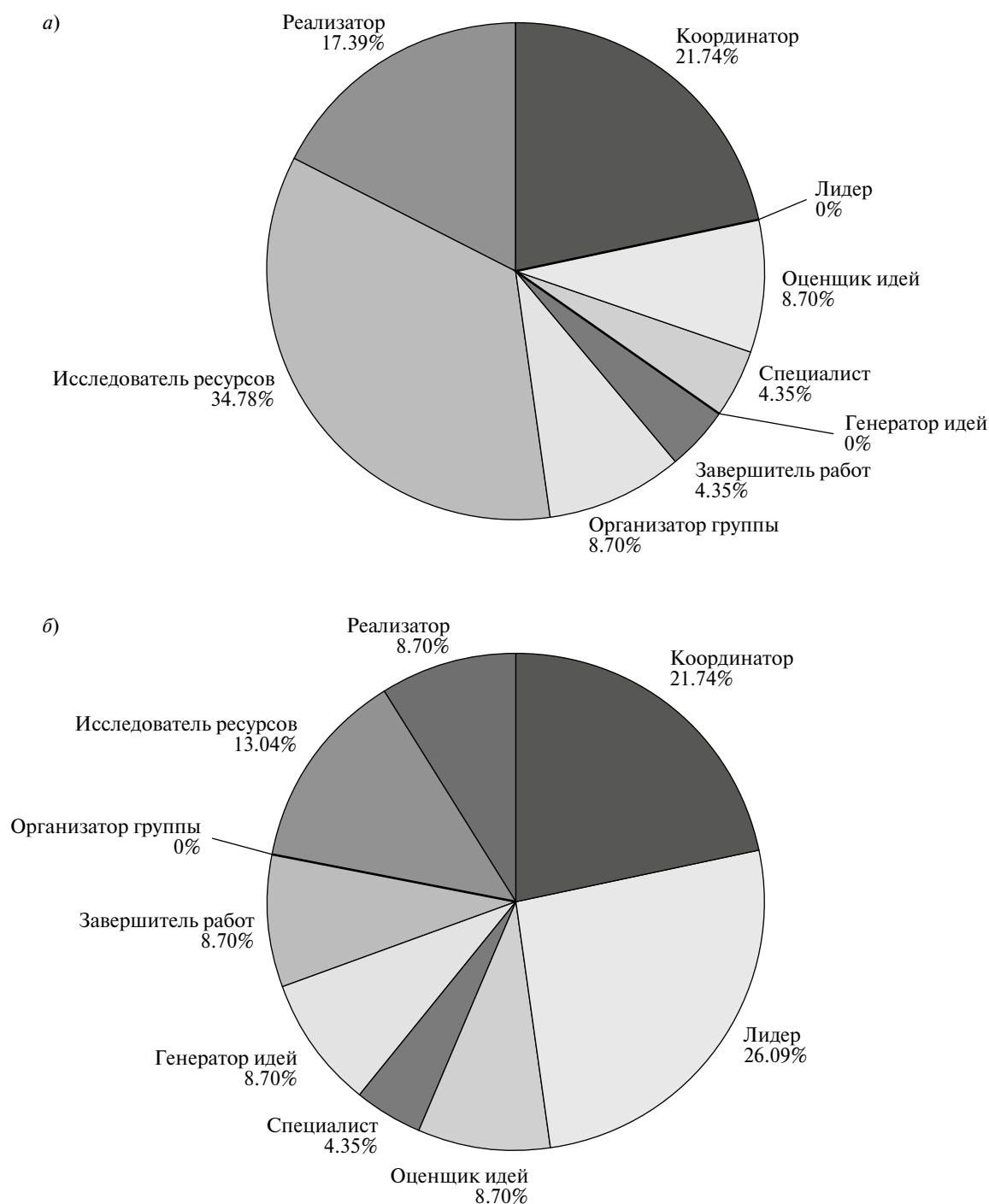

Рис. 10. Выбор высокоабнотивными респондентами основных (а) и дополнительных (б) командных ролей

абнотивности между разными социальными, демографическими и профессиональными группами не установлены, что вполне объяснимо на основе выбранной методологии исследования. Для более точной интерпретации полученных результатов следует провести генетический анализ формирования абнотивности, что представляет собой предмет самостоятельного исследования.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В ходе проведенного исследования нашла подтверждение выдвинутая гипотеза о влиянии уровня горизонтальной абнотивности на эффективность и особенность восприятия командной работы субъектами совместной деятельности. Полученные результаты позволяют не только расширить научное представление о таком психологическом свойстве, как абнотивность, но и об особенностях протекания командной работы. Уровень выраженности горизонтальной абнотивности субъекта деятельности положительно влияет на его вовлеченность в командную работу, способствуя ее эффективному протеканию. Высокоабнотивные участники команды склонны принимать на себя те роли, которые с наибольшей вероятностью помогут выявить и раскрыть как их собственный потенциал, так и потенциал других субъектов совместной деятельности. Результаты исследования могут быть учтены при разработке и построении столь популярных тренингов лидерства и командообразования [9].

Перспективы дальнейших исследований в этом направлении могут быть связаны с раскрытием генезиса формирования горизонтальной абнотивности и возможностями развития этого качества, объяснением механизма принятия на себя той или иной командной роли субъектами совместной деятельности. Вместе с тем интересным представляется исследование взаимодействия горизонтальной абнотивности и аттракции на основе модели групповой сплоченности, представленной в работе А.В. Сидоренкова, А.Л. Мондрус [17].

ВЫВОДЫ

Абнотивность представляет собой психологическое качество, которое не только проявляется в педагогической деятельности учителя и в условиях семейного воспитания, но и находит отражение в профессиональном взаимодействии коллег, членов команды, т.е. среди равных по статусу людей. Горизонтальная абнотивность (так авторы обозначили данный вид психологического качества)

способствует выявлению потенциала равных по статусу участников совместной деятельности, оказанию им поддержки в самореализации и достижении успеха.

Уровень выраженности горизонтальной абнотивности влияет на вовлеченность субъектов деятельности в командную работу и детерминирует восприятие особенностей ее протекания. Чем сильнее выражена горизонтальная абнотивность, тем чаще субъект деятельности становится частью какой-либо команды. Уровень выраженности горизонтальной абнотивности субъекта деятельности, включенного в команду, положительно влияет на оценку эффективности ее работы и роли в раскрытии способностей каждого участника.

Высокоабнотивные субъекты более активно вовлекаются в командную работу, принимая на себя в первую очередь роль исследователя ресурсов, а во вторую — роль лидера. Эффективность выполнения командной работы они оценивают на очень высоком уровне. Высокоабнотивные профессионалы считают, что команда помогает им раскрыть свой творческий потенциал.

Умеренно абнотивные субъекты в равной степени склонны как к участию в команде, которую они могут сами сформировать, приняв на себя роль лидера, так и к индивидуальной работе. Кроме лидерской роли умеренно-абнотивные участники могут выполнять функции оценщика или координатора команды, работу которой они оценивают на уровне выше среднего. В восприятии этой группы команда по-разному может влиять на их самореализацию: как препятствовать, так и способствовать проявлению их способностей либо не оказывать никакого воздействия.

Таким образом, свойство горизонтальной абнотивности оказывает влияние на успешную самореализацию внутри коллектива, способствуя проявлению и раскрытию творческого потенциала одаренных личностей. Это отражается как на личных результатах, так и на эффективности команды в целом, обеспечивая повышение конкурентоспособности организации следующим образом: абнотивность позволяет создать условия, которые становятся средством самоактуализации и самореализации творческого потенциала субъекта деятельности. Обобщение полученных эмпирических результатов позволило описать критерии и показатели, характеризующие уровень горизонтальной абнотивности. Под критериями понимаются качества, свойства, признаки изучаемого объекта, которые дают возможность судить о его состоянии и уровне развития, под показателями — количественные или качественные характеристики сформированности

каждого качества, свойства, признака изучаемого объекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ангелова О.Ю., Прохорова М.В., Подольская Т.О., Фортунатов А.Н. Специфические аспекты формирования профессиональных планов одаренными подростками // Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы: сборник материалов Всероссийской научной конференции ЯрГУ, 8–10 октября 2020 г. / Отв. ред. А.В. Карпов. Ярославль: ЯрГУ: Филигрань, 2020. С. 333–336.
2. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. За рубежом социальная психология XX столетия. Теоретические подходы. М.: Аспект Пресс, 2001. 286 с.
3. Бедерникова И.В., Чугунова Л.Н. Факторы успешной командной работы // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 12. № 1. С. 222–227.
4. Белбин Р.М. Типы ролей в командах менеджеров. М.: НИРРО, 2003. 232 с.
5. Гольман Т.И., Архипова И.В., Бэйти В. Влияние социальных коммуникаций на эффективность управленческой деятельности // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 2 (43). С. 252–254.
6. Дикая Л.Г., Махнач А.В., Лактионова А.И. Индивидуальные и социально, психологические факторы жизнеспособности профессионала // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. XV. № 4. С. 137–146.
7. Журавлев А.Л., Жалагина Т.А., Журавлева Е.А. Взаимодействие субъекта труда и организационной среды как предмет психологического исследования в условиях глобальных изменений (вместо введения) // Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.А. Жалагиной, Е.А. Журавлевой, Т.И. Короткиной. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2019. С. 4–10.
8. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
9. Зверев Д.А., Штроо В.А. Спрос на тренинговые услуги по командообразованию в современных российских организациях // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 1. С. 182–198.
10. Кашапов М.М. Абнотивность как характеристика профессионализации мышления педагога // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 2. № 2. С. 137–147.
11. Кашапов М.М. Психология творческого мышления: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2017. 436 с.
12. Кашапов М.М. Ресурсная готовность педагога к работе с одаренными обучаемыми // Человеческий фактор: социальный психолог. 2019. № 2 (98). С. 90–101.
13. Кениг О., Шаттенхофер К. Введение в групповую динамику. М.: Институт консультирования и системных решений, 2014. 176 с.
14. Полевая М.В., Дзапалла С., Камнева Е.В. Управление талантами: трактовка, систематизация, опыт // Управленческие науки. 2018. Т. 8. № 4. С. 104–111.
15. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–108.
16. Сидоренков А.В., Бороховский Е.Ф. Связь формальных характеристик рабочих групп с их субъективно оцениваемой эффективностью // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 18–30.
17. Сидоренков А.В., Мондрус А.Л. Эмпирическое обоснование модели групповой сплоченности // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 45–58.
18. Чернов Е.С. Основные факторы создания успешной команды в организации // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2014/01/3462> (дата обращения: 12.06.2021).
19. Шадриков В.Д., Мазилов В.А., Слепо Ю.Н. Психология педагогических способностей: монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2021. 219 с.
20. Belbin R.M. A reply to the Belbin Team-Role Self-Perception Inventory by Furnham, Steele and Pendleton // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 1993. V. 66. № 3. P. 259–260.
21. Cooren F. et al. Communication, organizing and organization: An overview and introduction to the special issue // Organization studies. 2011. V. 32. № 9. P. 1149–1170.
22. Hoegl M., Gemuenden H.G. Teamwork quality and the success of innovative projects: A theoretical concept and empirical evidence // Organization science. 2001. V. 12. № 4. P. 435–449.
23. Kang M., Sung M. How symmetrical employee communication leads to employee engagement and positive employee communication behaviors: The mediation of employee-organization relationships // Journal of Communication Management. 2017. V. 21. № 1. P. 82–102.
24. Littlejohn S.W. Theories of human communication. Belmont, CA: Wadsworth, 1992. 417 p.
25. Mendo-Lázaro S., Polo del Rio M.I., Iglesias D., Felipe-Castano E., del Barco B.L. Construction and validation of a measurement instrument for attitudes towards teamwork // Frontiers in psychology. 2017. V. 8. Art. 1009. P. 1–10.
26. Schoeneborn D. Organization as communication: A Luhmannian perspective // Management Communication Quarterly. 2011. V. 25. № 4. P. 663–689.
27. Steiner I.D. Group Process and Productivity. N.-Y.: Academic Press, 1972. 204 p.
28. Stoica M.M. The Internal Communication-The Road to a Performing Organization // EIRP Proceedings. 2021. V. 16. № 1. P. 224–232.

THE DEGREE OF HORIZONTAL ABNOTIVITY AS A DETERMINANT OF EXPERTS' TEAMWORK

M. M. Kashapov^{1,*}, O. Yu. Angelova^{2,**}, T. O. Podolskaya^{2,***}, M. V. Prokhorova^{2,****}

¹Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl;
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1, Russia.

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
603022, Nizhny Novgorod, Gagarin av., 23, bldg. 2, Russia.

*ScD (Psychology), Professor, Head of the Department of Pedagogy and Educational Psychology.
E-mail: smk007@bk.ru

**PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Information Technology and Instrumental Methods in Economics.
E-mail: oangelova@mail.ru

***PhD (Sociology), Associate Professor, Associate Professor of the Department
of University Management and Innovation in Education.
E-mail: podolskaya79@yandex.ru

****PhD (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management Psychology.
E-mail: personalgerente@mail.ru.

Received 27.10.2022

Abstract. Actuality of the problem is conditioned by the necessity of searching new methods and techniques of organizational work in the high life speed environment and entropy of modern society. Objective is to identify the role and nature of the influence of horizontal abnotivity on the effectiveness and specificity of the perception of teamwork. Mechanism of horizontal abnotivity consists in revealing potential of equal in social and professional status of participants of cooperate activity and giving them support in self-realization and achieving success. The empirical investigation, in which 192 respondents took part, was carried out, by means of set of questionnaire techniques, that allow to collect general data about the respondents, evaluate the level of their horizontal abnotivity and involvement into teamwork, its peculiarities and efficiency in the participants' conceptualization. By means of statistics methods and qualitative analysis the role of the horizontal abnotivity in determination efficiency and peculiarities of teamwork process was stated. Result of the study is the description of a new type of abnotivity, which assists in disclosing creative potential of equal in status participants of cooperate activity and offering them support in self-realization and achieving success. This type of abnotivity is called "horizontal". It is stated that the level of expression of horizontal abnotivity impacts involvement of the subjects of professional activity into teamwork and determines its efficiency and peculiarities of its perception. For the first time principles of operation of horizontal abnotivity are described: the higher it is expressed the more often the subject of activity becomes a member of a team; the level of horizontal abnotivity expression of a subject of activity, included into a team, positively affects the evaluation of efficiency of its work, helping in revealing the abilities of each member. Conclusions: the main and additional roles, that moderately and highly abnotive subjects play in a team, differ. The degree of horizontal abnotivity determines efficiency and peculiarities of teamwork.

Keywords: horizontal abnotivity, moderately abnotive, highly abnotive, team roles, teamwork, manifestation of abilities, giftedness, self-realization of a gifted person, efficiency of activity.

REFERENCES

1. Angelova O.Yu., Prohorova M.V., Podol'skaya T.O., Fortunatov A.N. Specificheskie aspekty formirovaniya professional'nyh planov odarennymi podrostkami. Yaroslavskaya psihologicheskaya shkola: istoriya, sovremennost', perspektivy: sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii YArGU, 8–10 oktyabrya 2020 g. Ed. A.V. Karpov. Yaroslavl: YarGU: Filigran', 2020. P. 333–336. (In Russian)
2. Andreeva G.M., Bogomolova N.N., Petrovskaya L.A. Zarubezhnaya social'naya psihologiya XX stoletiya. Teoreticheskie podhody. Moscow: Aspekt Press, 2001. 286 p. (In Russian)
3. Bedernikova I.V., Chugunova L.N. Faktory uspeшной komandnoj raboty. Vestnik SPbGU. 2010. Ser. 12. Vyp. 1. P. 222–227. (In Russian)
4. Belbin R.M. Tipy rolej v komandah menedzherov. Moscow: HIPPO, 2003. 232 p. (In Russian)

5. *Gol'man T.I., Arhipova I.V., Bejti V.* Vliyanie social'nyh kommunikacij na effektivnost' upravlencheskoj deyatelnosti. *Missiya konfessij*. 2020. V. 9. № 2 (43). P. 252–254. (In Russian)
6. *Dikaya L.G., Mahnach A.V., Laktionova A.I.* Individual'nye i social'no-psihologicheskie faktory zhiznesposobnosti professional. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2018. V. XV. Vyp. 4. P. 137–146. (In Russian)
7. *Zhuravlev A.L., Zhalagina T.A., Zhuravleva E.A.* Vzaimodejstvie sub"ekta truda i organizacionnoj sredy kak predmet psihologicheskogo issledovaniya v usloviyah global'nyh izmenenij (vmesto vvedeniya). Sub"ekt truda i organizacionnaya sreda: problemy vzaimodejstviya v usloviyah globalizacii. Eds. A.L. Zhuravlev, T.A. Zhalagina, E.A. Zhuravleva, T.I. Korotkina. Tver: Tverskoj gos. un-t, 2019. P. 4–10. (In Russian)
8. *Zhuravlev A.L.* Kollektivnyj sub"ekt: osnovnye priznaki, urovni i psihologicheskie tipy. *Psihologicheskii zhurnal*. 2009. V. 30. № 5. P. 72–80. (In Russian)
9. *Zverev D.A., Shtroo V.A.* Spros na treningovyje uslugi po komandooobrazovaniju v sovremennyh rossijskix organizacijah. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*. 2019. V. 10. № 1. P. 182–198. (In Russian)
10. *Kashapov M.M.* Abnotivnost' kak harakteristika professionalizacii myshleniya pedagoga. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*. 2019. V. 2. Vyp. 2. P. 137–147. (In Russian)
11. *Kashapov M.M.* Psihologiya tvorcheskogo myshleniya: uchebnoe posobie. Moscow: INFRA-M, 2017. 436 p. (In Russian)
12. *Kashapov M.M.* Resursnaya gotovnost' pedagoga k rabote s odarennymi obuchaemymi. *Chelovecheskij faktor: social'nyj psiholog*. 2019. № 2 (98). P. 90–101. (In Russian)
13. *Kenig O., Shattenhofer K.* Vvedenie v gruppovuyu dinamiku. Moscow: Institut konsul'tirovaniya i sistemnyh reshenij, 2014. 176 p. (In Russian)
14. *Polevaya M.V., Dzapalla S., Kamneva E.V.* Upravlenie talentami: traktovka, sistematizaciya, opyt. *Upravlencheskie nauki*. 2018. V. 8. № 4. P. 104–111. (In Russian)
15. *Rubinshtejn S.L.* Princip tvorcheskoj samodeyatelnosti. *Voprosy psihologii*. 1986. № 4. P. 101–108. (In Russian)
16. *Sidorenkov A.V., Borohovskij E.F.* Svyaz' formal'nyh harakteristik rabochih grupp s ih sub"ektivno ocenivaemoj effektivnost'yu. *Psihologicheskii zhurnal*. 2020. V. 41. № 1. P. 18–30. (In Russian)
17. *Sidorenkov A.V., Mondrus A.L.* Empiricheskoe obosnovanie modeli gruppovoj splochnosti. *Psihologicheskii zhurnal*. 2012. V. 33. № 2. P. 45–58. (In Russian)
18. *Chernov E.S.* Osnovnye faktory sozdaniya uspešnoj komandy v organizacii. *Ekonomika i menedzhment innovacionnyh tekhnologij*. 2014. № 1. [online]. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2014/01/3462> (date of access: 12.06.2021). (In Russian)
19. *Shadrikov V.D., Mazilov V.A., Slepko Yu.N.* Psihologiya pedagogicheskix sposobnostej: monografiya. Yaroslavl: RIO YAGPU, 2021. 219 p. (In Russian)
20. *Belbin R.M.* A reply to the Belbin Team-Role Self-Perception Inventory by Furnham, Steele and Pendleton. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 1993. V. 66. № 3. P. 259–260.
21. *Cooren F. et al.* Communication, organizing and organization: An overview and introduction to the special issue. *Organization studies*. 2011. V. 32. № 9. P. 1149–1170.
22. *Hoegl M., Gemuenden H.G.* Teamwork quality and the success of innovative projects: A theoretical concept and empirical evidence. *Organization science*. 2001. V. 12. № 4. P. 435–449.
23. *Kang M., Sung M.* How symmetrical employee communication leads to employee engagement and positive employee communication behaviors: The mediation of employee-organization relationships. *Journal of Communication Management*. 2017. V. 21. № 1. P. 82–102.
24. *Littlejohn S.W.* Theories of human communication. Belmont, CA: Wadsworth, 1992. 417 p.
25. *Mendo-Lázaro S., Polo del Río M.I., Iglesias D., Felipe-Castano E., del Barco B.L.* Construction and validation of a measurement instrument for attitudes towards teamwork. *Frontiers in psychology*. 2017. V. 8. Art. 1009. P. 1–10.
26. *Schoeneborn D.* Organization as communication: A Luhmannian perspective. *Management Communication Quarterly*. 2011. V. 25. № 4. P. 663–689.
27. *Steiner I.D.* Group Process and Productivity. N.-Y.: Academic Press, 1972. 204 p.
28. *Stoica M.M.* The Internal Communication-The Road to a Performing Organization. *EIRP Proceedings*. 2021. V. 16. № 1. P. 224–232.

УДК 159.9

ДЕФИЦИТЫ СМЫСЛОВОГО ЧТЕНИЯ У МОЛОДЫХ ВЗРОСЛЫХ: ПРОЯВЛЕНИЕ НЕСФОРМИРОВАННОСТИ ПОНЯТИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ¹

© 2024 г. О. В. Щербакова

*Центр нейроэкономики и когнитивных исследований Института когнитивных нейронаук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
101000, г. Москва, пер. Кривоколенный, д. 3, под. 2
Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник.
E-mail: o.scherbakova@gmail.com*

Поступила 24.05.2023

Аннотация. В статье представлен обзор исследований, посвященных проблеме полноты понимания переносного смысла вербальных текстов современными молодыми взрослыми. На материале текстов различных жанров показано, что значительная часть взрослых здоровых людей, формально обладающих высоким интеллектуальным и образовательным статусом, испытывают затруднения при реконструкции смысла текстов, связанные: 1) с выделением основных идей; 2) дифференциацией главных и второстепенных смысловых элементов; 3) переформулированием ключевых положений прочитанного без потери или искажения его смыслового содержания; 4) самостоятельным построением когнитивной репрезентации текста; 5) сопоставлением между собой представленных в тексте сведений и выведением на их основе нового знания; 6) оперированием традиционными культурными кодами; 7) осуществлением метакогнитивного контроля над собственными субъективными проекциями. Описанные затруднения соответствуют допонятийному способу мышления и могут быть преодолены за счет развития навыков обобщения и обратимости мыслительных операций, свойственных понятийному интеллекту. Обсуждаются образовательные практики, предположительно приводящие к формированию описанных дефицитов: упор на озвучивание, а не на понимание текста при обучении чтению; фрагментированный характер подачи информации и преимущественная ориентация на визуально-образные способы представления знаний; цифровизация образования, сопряженная с повышенной когнитивной нагрузкой на читателя при работе с текстами в цифровой среде.

Ключевые слова: понятийное мышление, понимание текста, смысловое чтение, переносный смысл, когнитивные дефициты, метакогнитивная регуляция, полуструктурированное интервью, образовательные практики.

DOI: 10.31857/S0205959224010025

Важной задачей образования является формирование системы когнитивных навыков, которые впоследствии смогут быть применены на ином (по сравнению с учебным) материале и в ситуациях, выходящих за рамки учебного контекста. Самые сложные когнитивные навыки, дающие доступ к пониманию скрытых, неочевидных связей между предметами и явлениями, позволяющие формулировать обобщенные закономерности, выходить за пределы непосредственного чувственного

опыта, а также предсказывать развитие событий на основе имеющейся информации, традиционно связывают со становлением высшей и наиболее эффективной формы мышления — понятийного (ПМ) [7; 29]. Этот вид мышления формируется не спонтанно, за счет естественного созревания нейронального субстрата, а в результате целенаправленного, систематического обучения [8], ориентированного не только на передачу знаний, но и на интеллектуальное воспитание учащихся [10]. Особую роль в этом процессе играет обучение в старшей и высшей школе, неотъемлемой составляющей которого является умение оперировать обобщенными идеями и абстрактными понятиями.

¹ Автор благодарит PhD, проф. Ю.Ю. Штырова за ценные консультации, предоставленные им в процессе подготовки рукописи настоящей статьи, а также Т.Е. Исаеву за часть собранных данных.

Вопреки представлениям Ж. Пиаже о том, что понятийные преобразования должны быть полностью сформированы к взрослому возрасту [24], в ряде исследований было показано, что в реальности даже взрослые образованные люди при решении задач, требующих понятийного рассуждения, делают ошибки, характерные для допонятийного этапа интеллектуального развития [25; 59]. Несмотря на то что подобные работы, во-первых, крайне малочисленны, а во-вторых, были выполнены более 40 лет назад на выборках людей, чей культурный, образовательный и интеллектуальный опыт значительно отличался от того, которым характеризуются современные молодые взрослые, они хорошо соотносятся с актуальной ситуацией. Многие современные авторы полагают, что проблема недостаточной сформированности ПМ у молодых взрослых стоит как никогда остро: понятийные способы рассуждения вытесняются онтогенетически более ранним и менее эффективным “клиповым” мышлением [29; 30], препятствуя усвоению предметно-специфичных знаний [9; 11; 15] и ограничивая возможности установления отдаленных и разнонаправленных семантических связей даже у тех респондентов, которые профессионально занимаются сложной интеллектуальной деятельностью [31].

Одним из показателей ПМ является смысловое чтение. В соответствии с классическими взглядами на периодизацию интеллектуального развития, умение понимать смысл прочитанного, в том числе переносный, ожидается от нормотипично развивающихся детей уже в начальной школе [24]. Если затруднения в понимании смысла высказываний и текстов возникают у взрослых образованных людей, они чаще всего рассматриваются как проявления патологических состояний различного генеза [14; 26]. Несмотря на это, согласно современным данным, сложности с пониманием смысла прочитанного текста наблюдаются у детей не только в начальных классах, но и в более позднем возрасте [3; 39]; при этом отмечается связь сформированности навыков смыслового чтения с развитостью ПМ [32]. А в ряде недавних работ было показано, что схожие проблемы испытывают и здоровые люди, успешно обучающиеся в вузах и обладающие психометрическим интеллектом, превышающим средненормативные показатели [23]. Однако связь между трудностями с пониманием прочитанного и постепенным распадом навыков ПМ анализируется лишь в единичных работах [18].

Дефициты ПМ в целом и смыслового чтения как одного из его проявлений представляют серьезную угрозу как для отдельного индивида, препятствуя

получению образования, затрудняя коммуникацию, мешая пониманию взаимосвязей между событиями и явлениями, так и для общества в целом, делая невозможным его развитие и интеллектуальный прогресс. В связи с этим особую значимость приобретает изучение вопроса о том, насколько сформированным является навык понимания смысла прочитанного у современных взрослых здоровых людей. Настоящая работа преследовала несколько целей: 1) систематизировать данные ряда эмпирических исследований, направленных на диагностику уровня понимания вербальных текстов различных типов современными молодыми взрослыми; 2) описать типичные интеллектуальные затруднения, сопровождающие смысловую реконструкцию прочитанного; 3) обсудить возможные психологические и социальные причины таких затруднений.

ДЕФИЦИТЫ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВ ВЗРОСЛЫМИ ЗДОРОВЫМИ ЛЮДЬМИ. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Взаимодействие с участниками описанных ниже исследований² осуществлялось в индивидуальном режиме на добровольной безвозмездной основе после получения от них информированного согласия. Все участники являлись носителями русского языка как единственного родного, обладали нормальным/скорректированным до нормального зрением, не имели диагностированных психических патологий и заболеваний головного мозга и на момент прохождения исследовательских процедур не принимали психоактивные вещества.

Одна из наших работ [54] была посвящена изучению понимания притч Эзопа. На основе предварительной психологической экспертизы был создан стимульный сет из девяти притч: три набора по три притчи в каждом. Внутри каждого из наборов две притчи были схожи между собой по существенным (смысловым) признакам, а третья была интерферирующей и походила на одну из первых двух по какому-либо второстепенному, несущественному признаку (например, в текстах фигурировали одни и те же персонажи, совершавшие внешне схожие действия).

² Перечисленные ниже исследования были посвящены изучению различных аспектов понимания вербальных текстов. Подробное описание целей, задач и результатов каждого из них можно найти в соответствующих публикациях, ссылки на которые приведены в тексте настоящей статьи. В данной работе результаты, полученные в каждом из исследований, описаны выборочно, с акцентом на тех аспектах, которые имеют первоочередное отношение к ее целям.

Каждому участнику ($n = 17$; 17–24 года) в письменном виде одна за другой предъявлялись притчи всех трех наборов, время на прочтение не ограничивалось. После знакомства с каждой притчей проводилось глубинное полуструктурированное интервью, направленное на определение полноты понимания респондентом смыслового инварианта текста, а также фиксацию субъективных проекций (эмоциональных реакций, эмоционально окрашенных личных воспоминаний и т.п.), сопровождающих когнитивную работу с притчей и создающих потенциальную угрозу для итоговой смысловой репрезентации прочитанного (подробнее о процедуре интервью см. [54]; о субъективных проекциях и их роли в работе процессов понимания — [33; 34]). В конце работы с каждым из наборов респондента просили объединить две притчи из трех и назвать принцип, лежащий в основе совершенного объединения. Все интервью (от 45 до 150 мин каждое) записывались на диктофон и затем были дословно транскрибированы; последующая работа осуществлялась с письменными протоколами³. Полнота понимания каждой притчи коллегиально оценивалась двумя экспертами-психологами на основе следующих критериев:

— 0 баллов — буквальный уровень: респондент пересказывает текст близко к исходному варианту, а его основная идея формулируется конкретно, в терминах описанной в притче истории, возникающие в процессе чтения субъективные проекции подменяют собой работу с исходным текстом;

— 1 балл — житейский (бытовой) уровень: респондент понимает, что описанная в притче история является аллегорией, и способен пересказать исходный текст другими словами, основная идея формулируется в терминах бытовых человеческих отношений, субъективные проекции могут частично встраиваться в смысловую репрезентацию текста;

— 2 балла — высокообобщенный уровень: основная идея притчи формулируется на основе использования абстрактных категорий в терминах общих законов природы или социума, влияние субъективных проекций сведено к минимуму за счет эффективной работы метакогнитивной регуляции.

Результаты показали, что всего 6.5% ответов респондентов соответствовало высокообобщенному уровню понимания притч (2 балла), в котором полностью отражается смысловой инвариант

и который может быть экстраполирован на максимально большое количество ситуаций независимо от их конкретного событийного наполнения. В 1 балл, соответствующий житейскому уровню понимания, было оценено 61.4% ответов, в то время как 32.1% ответов соответствовало самому низкому, буквальному (0 баллов) уровню понимания прочитанного.

Эти результаты — неожиданные с точки зрения традиционных представлений о когнитивных возможностях взрослых интеллектуально сохранных людей (см. [24]) — были реплицированы в исследовании [2], проведенном на более обширной выборке ($n = 60$; 18–32 года). Для повышения валидности экспертных оценок к анализу протоколов интервью были привлечены трое экспертов-психологов, работавших независимо друг от друга ($\alpha = 0.7$ для 83% оценок). Было показано, что высокообобщенному уровню понимания соответствует 15% ответов, среднему — 62, низкому — 23%.

Несмотря на разницу в конкретном соотношении ответов, оцененных в 0, 1 и 2 балла, общая логика их распределения оказалась схожей: в обоих исследованиях минимальное количество интерпретаций соответствовало высокообобщенному уровню понимания, подавляющее большинство ответов — житейскому (бытовому) уровню и около четверти — буквальному уровню, который, согласно ряду авторов, характерен для респондентов с несформированным либо нарушенным ПМ [7].

Другая работа была посвящена изучению особенностей понимания художественного текста с имплицитным смыслом, т.е. таким, который не открыто представлен в тексте, а требует специального извлечения путем сопоставления различных текстовых структур с учетом имеющихся у реципиента фоновых знаний [12]. Совершение таких когнитивных действий требует от читателя умения осуществить максимально сложные интерпретации, основанные на понимании всех смысловых нюансов текста.

В качестве стимульного материала был выбран рассказ Г. Грина «Невидимые японские джентльмены»⁴, для которого на основе предварительного лингвостилистического и пропозиционного анализа описана структура имплицитных смыслов и построена пропозиционная модель [1]. Эти процедуры позволили выделить смысловой инвариант текста, на основе которого были разработаны критерии оценки полноты его понимания респондентами [37]. Далее текст письменно предъявлялся

³ Аналогичный принцип работы с протоколами интервью использовался во всех исследованиях, которые будут описаны далее.

⁴ Грин Г. Невидимые японские джентльмены. Особые обязанности. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2004. С. 338–342.

участникам ($n = 30$; 24–53 года), время на прочтение не ограничивалось. Далее в ходе глубинного полуструктурированного интервью (от 21 до 83 мин) респондентов просили сформулировать смысл прочитанного и проясняли полноту построенной смысловой репрезентации, которая независимо оценивалась двумя экспертами по 5-балльной шкале ($\alpha = 0.9$).

Самое большое количество полученных ответов (41%) соответствовало среднему уровню понимания (2 балла), который предполагал способность респондента выходить на абстрактный уровень обобщения, однако характеризовался неумением выделить смысловой инвариант рассказа, что проявлялось в виде фиксации на дополнительных темах текста при игнорировании основной. Двум самым низким уровням понимания соответствовало 7% (0 баллов) и 28% (1 балл) ответов. На два самые высокие уровня понимания (3 и 4 балла) пришлось по 17 и 7% ответов соответственно. Таким образом, 76% полученных интерпретаций характеризовалось сложностями дифференциации главных и второстепенных смысловых компонентов текста, что свойственно допонятийному способу рассуждения [7; 28].

Наконец в совместной работе с Т.Е. Исаевой в качестве стимульного материала выступал повествовательный текст “Как устроены средневековые витражи”⁵, не имеющий метафорического смысла. После предъявления текста респондентам ($n = 60$; 18–25 лет) полнота его понимания оценивалась: 1) с помощью анкеты, включавшей семь вопросов, за каждый верный ответ начислялся 1 балл; 2) в ходе глубинного полуструктурированного интервью (от 7 до 24 мин), направленного на экспликацию смысловой репрезентации прочитанного. Ответы респондентов на каждый вопрос оценивались экспертом по 3-балльной шкале. Дополнительно респондентов просили дать метакогнитивную оценку своей успешности в смысловой работе с текстом.

Результаты показали, что анкета не вызвала у участников исследования серьезных затруднений: в среднем при ответе на ее вопросы они совершали от 0 до 5 ошибок ($M = 2.4$; $SD = 1.45$). Однако анализ данных, полученных с помощью интервью, позволил сформировать более точное представление о глубине когнитивной обработки текста и качестве построенных в ее результате смысловых репрезентаций прочитанного. Так, однофакторный

дисперсионный анализ показал, что оценки по четырём вопросам интервью значимо различались ($F(3, 177) = 17.90$; $p < 0.01$); при этом попарные сравнения выявили, что оценки за ответы на вопросы “Если обобщить, то о чем этот текст?” и “В чем смысл этого текста?” не различались ($t = 0.61$; $p = 0.542$), однако оценки за ответы на оба этих вопроса отличались от оценок за ответы на вопрос “О чем этот текст?” ($t = 2.68$; $p = 0.009$ и $t = 3.28$; $p = 0.002$) и “Перескажите его, пожалуйста” ($t = 4.40$; $p < 0.001$ и $t = 3.75$; $p < 0.001$); оценки за ответы на вопросы “О чем этот текст?” и “Перескажите его, пожалуйста” также различались между собой ($t = 7.37$; $p < 0.001$). Согласно средним значениям баллов, в которые были оценены ответы, самым легким для респондентов оказался вопрос “О чем этот текст?” ($M = 2.1$; $SD = 0.838$), далее шли “Если обобщить, то о чем этот текст?” ($M = 1.72$; $SD = 0.739$) и “В чем смысл этого текста?” ($M = 1.65$; $SD = 0.777$), а самым сложным стал вопрос “Перескажите его, пожалуйста” ($M = 1.15$; $SD = 0.799$). Таким образом, первый вопрос, для ответа на который достаточно было поверхностно ознакомиться с эксплицитно представленной в тексте информацией, оказался относительно простым для респондентов. При этом следующие три вопроса, которые требовали совершения мыслительных операций более высокого уровня — обобщения и выделения смыслового инварианта, сформулированного своими словами, т.е. тех действий, которые в полной мере становятся доступны только на уровне ПМ, — предполагающих самостоятельный поиск нужной информации и процедуру дедуктивного вывода, вызвали у респондентов заметные затруднения.

Другими словами, если с вопросами анкеты (большинство которых были закрытыми, т.е. позволяли респондентам найти верный ответ путем узнавания, опираясь на заданные извне смысловые структуры) и первым вопросом интервью (тоже не требующим глубокого анализа представленной в тексте информации и в большей степени адресованным проверке мнемических, а не мыслительных навыков) респонденты справлялись относительно хорошо, то вопросы, предполагающие совершение самостоятельной аналитической работы без опоры на внешние подсказки, а также требующие смыслового преобразования текстовой информации и формулирования ее обобщенного инварианта, представляли для них существенное затруднение. Любопытно, что, несмотря на объективные сложности, сопровождающие выход на уровень обобщенного смысла текста, сами респонденты оценивали качество своей когнитивной работы достаточно оптимистично. Так, отвечая на вопрос

⁵ Майзульс М.Р. Как устроены средневековые витражи [Электронный ресурс] // Arzamas. Журнал. 11.10.2017. URL: <https://arzamas.academy/mag/453-vitrzh> (дата обращения: 21.11.2019).

“На сколько процентов, как Вам кажется, Вы поняли текст?”, участники давали оценки от 10 до 90% ($M \geq 61.6$; $Me \geq 65$; $15.8 \leq SD \leq 20.8$), а на вопрос “Как Вы оцениваете свою работу с текстом по 100-балльной шкале?” — от 25 до 100 ($M \geq 72.6$; $Me \geq 70$; $13.5 \leq SD \leq 18.7$).

Схожие результаты были получены в работе, описанной выше [1; 37], где респонденты также были склонны переоценивать успешность собственных когнитивных действий. Вероятно, при работе с художественным текстом со сложной структурой имплицитных смыслов такая переоценка могла быть частично объяснена спецификой стимульного материала, предъявляющего высокие когнитивные требования к реципиенту (наличие определенного культурного тезауруса, навыки чтения художественной литературы и т.п.) и за счет этого ситуативно снижающего эффективность метакогнитивных функций. Однако научно-популярный текст буквального содержания принадлежал к жанру, с которым участники исследования регулярно встречались в своей повседневной интеллектуальной практике. Другими словами, сложности, сопровождающие процесс когнитивной работы с ним и метакогнитивную оценку ее результата, вряд ли были связаны с особенностями самого текста, например спецификой его структуры или стилового решения. Более вероятным объяснением обнаруженных затруднений является недостаточная сформированность когнитивных и метакогнитивных навыков респондентов, сходным образом проявившаяся при работе с текстами, различающимися по своему жанру и содержанию.

Описанные результаты хорошо согласуются с результатами, полученными в работе, которая была посвящена пониманию вербальных шуток (анекдотов) [35]. В ее рамках респондентам ($n = 39$; 18–29 лет) в письменном виде предъявлялась серия из семи шуток, которые были отобраны группой экспертов ($n = 4$) и успешно апробированы ранее [33; 38]. Каждая из шуток дополнительно озвучивалась исследователем. Далее в ходе глубинного полуструктурированного интервью (от 30 до 80 мин) для каждой из шуток четверьмя экспертами ($W = 0.547$; $p = 0.000$) независимо оценивались: 1) уровень “когнитивного” понимания (УПК 1 — УПК 5), зависящий от полноты реконструкции когнитивной структуры текста: от 1 до 5 баллов; 2) уровень “эмоционального” понимания (УПЭ 1 — УПЭ 3), зависящий от полноты эмоционального контакта с описанными в шутке персонажами: от 1 до 3 баллов.

Сопоставление данных, полученных в данном исследовании, с данными, которые были получены

в ходе аналогичной исследовательской процедуры в 2009 г. ($n = 37$; 17–32 года), показало, что средние показатели УПК и УПЭ снизились (4.29 vs. 3.87; $t = 4.01$; $p < 0.001$ и 2.55 vs. 1.82; $t = 8.02$, $p < 0.001$ соответственно). Результаты ANOVA указали на взаимодействие уровней понимания и года, в котором проводилось исследование: в 2017 г. по сравнению с 2009 г. наблюдалось снижение количества ответов, соответствующих УПК 5, за счет увеличения количества ответов, соответствующих УПК 3 ($F(4, 296) = 10.44$; $p < 0.01$ (с поправкой Гринхауса—Гейссера)), и снижение количества ответов, соответствующих УПЭ 3, за счет увеличения тех, что соответствовали УПЭ 1 ($F(2, 148) = 41.30$; $p < 0.01$ (с поправкой Гринхауса—Гейссера)).

Количественные показатели, свидетельствующие об увеличении числа трудностей с пониманием смысла вербальных шуток, возникающих у современных молодых взрослых, были дополнены результатами качественного контент-анализа протоколов интервью (подробнее см. [35]). Было показано, что участники исследования испытывали дискомфорт, связанный с когнитивной структурой анекдота, для понимания которого требуется совершить ряд интеллектуальных операций: удерживать внимание на всех героях анекдота и их действиях по отношению друг к другу, следить за развитием сюжета на протяжении определенного времени, считывать присутствующие в тексте аллюзии на другие тексты и затекстовые события, соотносить описанные в анекдоте конкретные действия персонажей с общим культурным контекстом. Судя по тому, что участники нашего исследования сообщали о своей нелюбви к “лонгридам” и предпочтении более лаконичных, ситуативных и спонтанных форм юмора, не предполагающих сложной нарративной организации и в значительной степени основанных на визуальном контенте (мемов), когнитивная нагрузка, сопряженная с восприятием и пониманием анекдота, являлась для них непомерно большой. Это отражалось как в снижении количественных показателей понимания, так и в субъективной оценке этого сложного с когнитивной точки зрения жанра как неприятного.

ОБСУЖДЕНИЕ

Все описанные выше исследования объединяют общий теоретический подход к рассмотрению понимания как градуального феномена [17; 20] и использованная в них качественно-количественная методология, что позволяет сопоставлять между собой полученные в ходе их проведения результаты.

При этом важно, что описанные работы были выполнены на различных выборках и с использованием разного стимульного материала. Они также преследовали различные цели и отличались друг от друга с точки зрения дизайна, а для измерения полноты понимания прочитанного в них использовались различные методики. Наконец в оценке протоколов интервью принимали участие различающиеся по своему составу и опыту группы экспертов. Все перечисленное дает основание полагать, что результаты, полученные в этих работах и зафиксировавшие дефицит понимания вербальных текстов различных типов, отражают объективные тенденции, а не являются артефактами, связанными с особенностями организации того или иного исследования.

Несмотря на упомянутые различия, описанные работы схожи по своим результатам: продемонстрированный респондентами уровень понимания смысла текста во всех случаях оказался достаточно низким. Во всех представленных исследованиях лишь небольшой процент ответов соответствовал высшим уровням понимания, достижение которых возможно только при наличии сформированного ПМ. Основные сложности, препятствовавшие полной смысловой реконструкции текстов, были связаны: 1) с выделением основных идей текста; 2) дифференциацией главных смысловых элементов от второстепенных; 3) переформулированием ключевых положений прочитанного без потери/искажения его смыслового содержания; 4) самостоятельным (без опоры на заданные извне формулировки) построением когнитивной репрезентации текста; 5) сопоставлением между собой эксплицитно представленных в тексте сведений и выводением на их основе нового знания; 6) оперированием традиционными культурными кодами; 7) осуществлением метакогнитивного контроля над собственными субъективными проекциями, сопровождающими знакомство с текстом.

Особого внимания при этом заслуживает тот факт, что сами участники исследований не проявляли критичности по отношению к результатам своей работы, оценивая их — несмотря на наличие большого количества объективно регистрируемых затруднений — как достаточно высокие. Такое расхождение между объективно низким уровнем понимания текстов и высокой субъективной оценкой своей интеллектуальной деятельности может быть рассмотрено как проявление эффекта Даннинга—Крюгера — метакогнитивного искажения, заключающегося в том, что лицам с низкой компетентностью в какой-либо области свойственно переоценивать собственную результативность при

выполнении соответствующих задач [47]. Такая переоценка, в свою очередь, не позволяет признавать допущенные ошибки и корректировать их, что приводит к формированию замкнутого круга неуспешности и слепоты по отношению к ней. Эта проблема приобретает особую остроту в свете того, что метакогнитивный контроль за процессом чтения является значимым предиктором понимания прочитанного [4].

Полученные результаты позволяют утверждать, что участники наших исследований испытывали сложности не только в области смыслового чтения и понимания переносного смысла прочитанных текстов. По всей видимости, описанные дефициты являются частными маркерами гораздо более системной и серьезной проблемы, которая заключается в дефиците навыков ПМ и метакогнитивной регуляции у современных молодых взрослых, несмотря на их формально высокий интеллектуальный и образовательный статус (на момент участия в исследованиях респонденты являлись студентами, аспирантами или выпускниками различных факультетов СПбГУ и других вузов; все они обладали уровнем *IQ*, соответствующим возрастной норме или превышающим ее, согласно баллам за тест Дж. Равена). Каковы же причины такого противоречия?

Хорошо известно, что показатели психометрического интеллекта нельзя считать надежными предикторами успешности выполнения повседневных интеллектуальных задач [27; 56], в том числе задач на понимание смысла текстов [2; 54]. Вероятно, в основе такой сложной когнитивной процедуры, как понимание смысла текста (в том числе переносного), лежат механизмы, связанные с задействованием понятийных структур и ускользающие от диагностики, основанной на применении традиционных психометрических инструментов. Именно понятийные структуры делают возможной работу ПМ как высшей психической функции, которая созревает в онтогенезе относительно поздно и формируется не сама собой, а только в результате целенаправленного, систематического обучения, опирающегося на изучение научных дисциплин [8]. То же справедливо и в отношении метакогнитивной регуляции [23; 34]. Однако ряд современных интеллектуальных практик и образовательных технологий не только не способствует становлению ПМ, но и прямо препятствует его формированию, затрудняя в числе прочего развитие навыков смыслового чтения.

Во-первых, еще в начальной школе при педагогической оценке техники чтения внимание в первую очередь уделяется таким ее показателям, как

скорость, выразительность и безошибочность, тогда как пониманию прочитанного отводится лишь 4-е место [39]. При таком подходе *понимание прочитанного текста фактически подменяется его “озвучкой”* [6]. Поэтому неудивительно, что многие ученики российских школ имеют сложности с пониманием прочитанного не только в начальной, но и в средней и в старшей школе — вплоть до 11-го класса [3; 39; 40; 52], а также на этапе взрослости [13]. Вероятно, это обстоятельство приводит к тому, что ученики и студенты, которым оказывается сложно понимать учебники традиционного типа, перестают читать их в процессе подготовки к занятиям [55], ожидая, что преподаватель сам перескажет нужный материал и укажет, что именно и где следует прочитать, если самостоятельное обращение к письменным текстам все же окажется необходимым [45].

Во-вторых, особенностью учебных программ, по которым осуществляется преподавание предметных дисциплин в общеобразовательной начальной и средней школе, является их преимущественная *ориентированность на знакомство с фрагментарной, разрозненной, несистематизированной информацией*, которую требуется не столько анализировать и осмысливать, сколько просто запоминать, не совершая какой-либо когнитивной обработки [40]. Отсутствие возможности познакомиться с научным (т.е. строго систематизированным, обобщенным, основанным на анализе родовидовых отношений и выявлении сущностных связей) знанием приводит к тому, что постепенное выстраивание навыков ПМ замещается формированием горизонтальных синкретических связей между отдельными чувственными впечатлениями. Другими словами, *вместо того чтобы* поощрять освоение интеллектуального инструмента, позволяющего *выявлять объективные закономерности и связи*, образовательная система *подталкивает* учеников к формированию связей субъективных — по определению ограниченных и менее эффективных. Такое положение вещей осложняется тем, что последние классы старшей школы в значительной степени оказываются посвящены не столько усвоению наиболее сложной из всей школьной программы абстрактной и обобщенной информации, которое опирается на все то же ПМ, сколько подготовке к сдаче ЕГЭ. При этом последняя часто заключается не в совершенствовании мыслительных операций, позволяющих самостоятельно извлекать нужное знание, а в тренировке механической памяти, позволяющей только воспроизводить уже имеющиеся сведения без их содержательного преобразования. Ситуацию дополнительно усугубляет то, что описанные события приходится

на возраст 14–16 лет, который является сенситивным периодом для выстраивания “верхних этажей” интеллекта, включающих ПМ и метакогнитивную регуляцию. В отсутствие специальных педагогических мероприятий, направленных на развитие этих функций, последние не формируются. Вместо них у учащихся *закрепляется допонятийный и заведомо менее эффективный способ рассуждения*, который затем проявляется и в более позднем возрасте [41].

В-третьих, *переориентация образования с собственно обучения и формирования мышления на самореализацию и развитие личности* [57] привела к намеренному упрощению форм подачи учебного материала, среди которых все большее распространение получают наглядно-образные средства: иллюстрации, инфографика, презентации. Некоторые авторы [58] прямо рекомендуют учителям более активно использовать на уроках мультимедийные форматы. Такая попытка “говорить на языке клиента” на первый взгляд выглядит оправданной. Однако ее существенный недостаток заключается в том, что она опирается на онтогенетически более ранний — образный — способ кодирования информации, который в силу присущей ему конкретности, эмоциональной насыщенности и субъективности проигрывает по своим возможностям появляющемуся в более позднем возрасте вербально-символическому способу — конвенциональному, обобщенному и лежащему в основе мышления с опорой на понятия [7; 22; 28]. Это приводит к тому, что вместо стремления к зоне ближайшего развития учеников поощряют к преимущественному использованию и закреплению уже освоенных ими наглядно-образных способов репрезентации знаний, которые при этом являются *менее эффективными*, чем вербальные. Так, было показано, что, несмотря на субъективную оценку реципиентами иконических текстов как более приятных по сравнению с вербальными, прочитанный сложный материал усваивается ими более полно, если он был представлен не в иконической, а в вербальной форме [4; 50]. Кроме того, читатели чаще оценивают информацию, предъявленную в иконическом виде, как недостоверную по сравнению с информацией, предъявленной вербально [5], а выделение смысловых инвариантов понятий происходит более успешно с опорой на вербальные, а не образные средства репрезентации [36]. Все перечисленное позволяет заключить, что доминирование наглядно-образных средств трансляции знаний способствует формированию дефицитарных способов работы с вербальными текстами и тормозит развитие навыков их понимания.

Наконец, в-четвертых, необходимо учитывать, что значительная часть участников наших исследований относится к поколению “цифровых аборигенов” — людей, родившихся после начала цифровой революции и привыкших получать информацию преимущественно через цифровые каналы [53]. В силу того, что влияние цифровой среды на познавательные функции человека пока еще изучено недостаточно, на данный момент существуют противоречивые данные о характере связей между носителем, на котором предъявлена информация, и когнитивными стратегиями ее обработки, а также качеством понимания [16; 19; 21; 43]. Однако ряд авторов утверждают, что понимание текстов, прочитанных с экрана, оказывается более низким [44; 48], а метакогнитивная оценка понимания характеризуется меньшей точностью, чем при чтении печатных текстов [42]. Это может быть связано с тем, что цифровые тексты, опубликованные в интернет-изданиях, часто содержат гиперссылки, решение о (не)использовании которых читателю необходимо принимать самостоятельно [46]. Такая дополнительная работа повышает сопряженную с чтением когнитивную нагрузку и может приводить к снижению уровня понимания прочитанного [49; 51]. Если перечисленные *особенности чтения с цифрового носителя оказывают негативное влияние на эффективность работы с текстом* у взрослых читателей, обладающих большей когнитивной и метакогнитивной зрелостью, справедливо предположить, что это влияние оказывается еще более пагубным в случае, если речь идет о психике ребенка или подростка, чьи познавательные навыки еще не полностью сформированы — особенно в той их части, которая связана с планированием собственной интеллектуальной деятельности и произвольным управлением ею.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с классическими представлениями о динамике формирования когнитивных функций, проблемы смыслового чтения изучаются сегодня в основном на выборках детей и подростков; исследования понимания смысла прочитанного, выполненные на взрослых здоровых людях, немногочисленны. В наших исследованиях приняли участие 243 человека, общее время проведенных глубинных интервью составило более 200 ч. Полученные данные позволяют говорить о низком уровне понимания смысла прочитанных текстов у современных молодых взрослых. Несмотря на свой формально высокий интеллектуальный и образовательный статус, читатели испытывают трудности

с выделением основных идей текста, разделением главных и второстепенных смысловых элементов, переформулированием ключевых положений прочитанного без потери его смыслового содержания, самостоятельным построением когнитивной презентации текста, выведением на основе представленных в тексте сведений нового знания, оперированием традиционными культурными кодами, осуществлением метакогнитивного контроля над субъективной психической продукцией. Мы склонны объяснять перечисленные сложности особенностями современных интеллектуальных практик и образовательных технологий, которые не только замедляют формирование навыка чтения, но и приводят к недостаточной сформированности всей системы ПМ, приобретающей критическую важность в эпоху глобальных вызовов. Поэтому преодоление указанных дефицитов и развитие мышления, основанного на оперировании понятиями, должны стать приоритетными задачами образования на всех его уровнях. Для формулирования выводов о том, в какой мере современные образовательные практики вносят вклад в формирование описанных нами когнитивных дефицитов, необходимо проведение целенаправленных лонгитюдных исследований влияния образовательной среды на интеллектуальное поведение учащихся на разных этапах обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверьянова В.А., Щербакова О.В.* Между текстом и читателем: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Часть 1 // Вопросы психолингвистики. 2022. № 3 (53). С. 42–61.
2. *Андрющенко Е.А., Гольштейн Ю.Р., Щербакова О.В.* Полнота понимания многозначных текстов у лиц с различным уровнем эмоционального интеллекта и модели психического // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 6. С. 66–80.
3. *Баранова А.В.* К проблеме развития навыков смыслового чтения // Восточно-Европейский научный вестник. 2018. № 1. С. 4–6.
4. *Блинова Е.Н., Щербакова О.В.* Когнитивные механизмы понимания вербальных и иконических текстов // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 66–79.
5. *Блинова Е.Н., Щербакова О.В.* Влияние формата текста на когнитивную оценку достоверности его содержания // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 89–101.
6. *Бугрименко Е.А., Цукерман Г.А.* Учимся читать и писать. М.: Знание, 1994. 160 с.

7. Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 2. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 334 с.
8. Выготский Л.С. Мышление и речь // Психология. М.: ЭКСМО-пресс, 2000. С. 262–511.
9. Гейжан Н.Ф., Бородавко Л.Т. О развитии понятийного и практического мышления курсантов в процессе освоения психолого-педагогических дисциплин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1. С. 140–144.
10. Гельфман Э.Г., Холодная М.А. Психодидактика школьного учебника. Интеллектуальное воспитание учащихся. СПб.: Питер, 2006. 328 с.
11. Гильманов С.А. Профессиональная специфика понятийного мышления // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 9. С. 32–51.
12. Ермакова Е.В. Имплицитность в художественном тексте. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. 48 с.
13. Зайдман И.Н. Проблемы адекватности понимания: как учить слушать и читать текст // Идеи и идеалы. 2017. Т. 2. № 4 (34). С. 161–168.
14. Зейгарник Б.В. Патология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. 244 с.
15. Ильина В.А. Понятийное мышление юриста: к вопросу о приоритетах юридического образования // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2. С. 77–82.
16. Лебедева М.Ю. Стратегии работы с цифровым текстом для решения учебных читательских задач: исследование методом вербальных протоколов // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 244–270.
17. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии: учеб. пособие для вузов. СПб.: Питер, 2004. 320 с.
18. Милевская Т.Е. Новые цели “медленного чтения” на занятиях по русскому языку в высшей школе // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 1501–1505.
19. Миронова К.В., Борисенко Н.А., Шишкова С.В. Понимание текста подростками 11–12 лет в процессе смыслового чтения с электронных и бумажных носителей // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 2. С. 99–110.
20. Морозова Н.Г. О понимании текста // Известия АПН РСФСР. 1947. Вып. 7. С. 191–240.
21. Оганов С.Р., Корнев А.Н. Чтение письменных и электронных текстов детьми 9–11 и 12–14 лет: понимание, скорость и когнитивные механизмы // Чтение в цифровую эпоху: Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции Российской ассоциации дислексии, 15 мая 2018 г. / Под общ. ред. О.А. Величенковой, А.В. Лагутиной. М., 2018. С. 20–24.
22. Осорина М.В. Ментальные пространства как психическая реальность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16 Психология. Педагогика. 2017. Т. 7. № 1. С. 6–24.
23. Осорина М.В., Щербакова О.В., Аванесян М.О. Проблема метакогнитивной регуляции: нормативные требования и непродуктивные паттерны интеллектуальной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12 Психология. Педагогика. Социология. 2011. № 2. С. 32–43.
24. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2004. 192 с.
25. Подгорецкая Н.А. Изучение приемов логического мышления у взрослых. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 149 с.
26. Поляков Ю.Ф. Патология познавательной деятельности при шизофрении. М.: Медицина, 1974. 168 с.
27. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002. 264 с.
28. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012. 288 с.
29. Холодная М.А., Сиповская Я.И. Понятийные способности: теория, диагностика, эмпирика. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. 172 с.
30. Чиханова Е.В., Новикова А.Н. Проблемы развития понятийного мышления обучающихся и пути их преодоления // Актуальные проблемы военной педагогики и психологии в системе военных образовательных организаций: Материалы межведомственной науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2019 г.) / Под ред. А.В. Топорова. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Астерион, 2020. С. 416–423.
31. Шабаловская М.В., Бохан Т.Г., Малкова И.Ю., Галажинская О.Н., Ульянич А.Л. Дефицит мнемического потенциала понятийного мышления как когнитивный барьер в научно-исследовательской деятельности начинающих ученых // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2017. № 1 (15). С. 133–141.
32. Шапкин Н.С., Казанцева В.В. Взаимосвязь понятийного мышления и навыка чтения у учащихся 3–6 классов // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 4 (96). С. 104–108.
33. Щербакова О.В. Когнитивные механизмы понимания комического: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 234 с.
34. Щербакова О.В. Информационно-энергетическая организация некоторых паттернов метакогнитивной регуляции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12 Психология. Педагогика. Социология. 2012. № 3. С. 103–114.
35. Щербакова О.В. Несмешно и непонятно: восприятие жанровых особенностей анекдота современными молодыми взрослыми // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1(39). С. 165–181.

36. Щербакова О.В., Новиковская Н.А. “Как вы яхту назовете, так она и поплывет”? Роль вербальных компонентов мышления в актуализации образной структуры абстрактных и конкретных понятий // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 74. С. 6.
37. Щербакова О.В., Обольская В.А. Между читателем и текстом: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Часть 2 // Вопросы психолингвистики. 2023. № 1 (55). С. 112–127.
38. Щербакова О.В., Образцова В.С., Грабовая Е.В., Чан Р.В., Иванова Е.М. Понимание юмора у здоровых людей и пациентов с психическими заболеваниями: когнитивный и эмоциональный компоненты // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 92–102.
39. Ясюкова Л.А. Педагогика неграмотности // Школьные технологии. 2011. № 2. С. 25–30.
40. Ясюкова Л.А. ФГОС и дальнейшее падение качества образования // Вестник практической психологии образования. 2015. Т. 12. № 2. С. 65–70.
41. Ясюкова Л.А., Долгополов В.А., Пискун О.Е. Исследование интеллектуальной готовности к обучению студентов СПбГПУ // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2012. Т. 7. № 1. С. 163–167.
42. Ackerman R., Goldsmith M. Metacognitive regulation of text learning: On screen versus on paper // Journal of Experimental Psychology: Applied. 2011. V. 17. № 1. P. 18–32.
43. Bresó-Grancha N., Jorques-Infante M.J., Moret-Tatay C. Reading digital-versus print-easy texts: A study with university students who prefer digital sources // Psicologia: Reflexão e Crítica. 2022. V. 35. № 1. P. 1–9.
44. Clinton V. Reading from paper compared to screens: A systematic review and meta-analysis // Journal of Research in Reading. 2019. V. 42. № 2. P. 288–325.
45. Clump M.A., Bauer H., Bradley C. The extent to which psychology students read textbooks: A multiple class analysis of reading across the psychology curriculum // Journal of Instructional Psychology. 2004. V. 31. № 3. P. 227–233.
46. DeStefano D., LeFevre J.A. Cognitive load in hypertext reading: A review // Computers in Human Behavior. 2007. V. 23. № 3. P. 1616–1641.
47. Dunning D. The Dunning–Kruger effect: On being ignorant of one’s own ignorance // Advances in Experimental Social Psychology. 2011. V. 44. P. 247–296.
48. Mangen A., Walgermo B.R., Brønnick K. Reading linear texts on paper versus computer screen: Effects on reading comprehension // International Journal of Educational Research. 2013. V. 58. P. 61–68.
49. Miall D.S., Dobson T. Reading hypertext and the experience of literature // Journal of Digital Information. 2001. V. 2. № 1.
50. Petrova T., Riekhakaynen E. Processing of verbal and non-verbal patterns: An eye-tracking study of Russian // Third International Congress on Information and Communication Technology. Advances in Intelligent Systems and Computing. V. 797 / Eds. X.S. Yang, S. Sherratt, N. Dey, A. Joshi. Singapore: Springer, 2019. P. 269–275.
51. Pashler H. The Psychology of Attention. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. 510 p.
52. PISA 2018 Results. Combined executive summaries. V. I, II & III [Электронный ресурс] / Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: https://www.oecd.org/pisa/Combined_Executive_Summaries_PISA_2018.pdf (date of access: 01.12.2022).
53. Prensky M. Digital natives, digital immigrants // On the Horizon. 2001. V. 9. № 5. P. 1–6.
54. Shcherbakova O.V., Nikiforova E.A. Fables comprehension in healthy adults: Does IQ matter? // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2022. V. 19. № 4. P. 736–756.
55. Sikorski J., Rich K., Saville B.K., Buskist W., Davis S.F., Drogan O. Student use of introductory textbooks // Teaching of Psychology. 2002. V. 29. P. 312–313.
56. Sternberg R.J., Grigorenko E., Bundy D.A. The predictive value of IQ // Merrill-Palmer Quarterly. 2001. V. 47. № 1. P. 1–41.
57. Twenge J.M. Generation me: Why today’s young Americans are more confident, assertive, entitled — and more miserable than ever before. New York, NY: Free Press, 2006. 400 p.
58. Twenge J.M. Teaching generation me // Teaching of Psychology. 2013. V. 40. № 1. P. 66–69.
59. Wason P.C. Regression in reasoning? // British Journal of Psychology. 1969. V. 60. № 4. P. 471–480.

SEMANTIC READING DEFICITS IN YOUNG ADULTS: LACK OF CONCEPTUAL THINKING⁶

O. V. Shcherbakova

*Centre for Cognition and Decision Making, Institute for Cognitive Neuroscience, HSE University;
101000, Moscow, Krivokolenniy per., 3, entrance 2.
PhD in Psychology, Leading Researcher.
E-mail: o.scherbakova@gmail.com*

Received 24.05.2023

Abstract. The paper describes the results of a series of qualitative studies on comprehension of metaphoric meanings of verbal texts by young healthy adults. Using stimuli of various genres (fables, jokes, short story, science education text) we showed that despite high IQ and education levels the majority of participants failed to reconstruct meanings of the texts. Namely, they struggled with: 1) formulating core ideas of the text; 2) differentiating important semantic features of the text from unimportant ones; 3) rewording the core ideas of the text with no distortion of their meanings; 4) building up the text's cognitive representation; 5) putting together the information explicitly described in the text and use it to deduce new knowledge; 6) reading traditional cultural codes; 7) providing metacognitive control under their own subjective projections. All these difficulties indicate pre-conceptual stage of cognitive development and might be overcome through developing of conceptual thinking skills. We also discuss educational practices that supposedly contribute to the abovementioned difficulties: lack of semantic reading training in primary school, non-systematised presentation of information and prevalence of visual forms of communication, and early digitalization of education leading to the increase of cognitive load while reading.

Keywords: conceptual thinking, text comprehension, reading, metaphoric meaning, text's semantic core, cognitive deficits, metacognitive regulation, semi-structured interview, teaching practices.

REFERENCES

- ## REFERENCES
1. *Aver'janova V.A., Shcherbakova O.V.* Mezhdru tekstem i chitatelem: instrumentarij dlja izuchenija ponimaniya implicitnykh smyslov verbal'nykh tekstov. Part 1. Voprosy psikholingvistiki. 2022. № 3(53). P. 42–61. (In Russian)
 2. *Andrjushhenko E.A., Gol'shtejn Ju.R., Shcherbakova O.V.* Polnota ponimaniya mnogoznachnykh tekstov u lic s razlichnym urovnem ehmocional'nogo intellekta i modeli psikhicheskogo. Voprosy psikhologii. 2020. V. 66. № 6. P. 66–80. (In Russian)
 3. *Baranova A.V.* K probleme razvitiya navykov smyslovogo chtenija. Vostochno-Evropejskij nauchnyj vestnik. 2018. № 1. P. 4–6. (In Russian)
 4. *Blinova E.N., Shcherbakova O.V.* Kognitivnye mekhanizmy ponimaniya verbal'nykh i ikonicheskikh tekstov. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 1. P. 66–79. (In Russian)
 5. *Blinova E.N., Shcherbakova O.V.* Vlijanie formata teksta na kognitivnuju ocenku dostovernosti ego sodержaniya. Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 3. P. 89–101. (In Russian)
 6. *Bugrimenko E.A., Cukerman G.A.* Uchimsja chitat' i pisat'. Moscow: Znanie, 1994. 160 p. (In Russian)
 7. *Vekker L.M.* Psikhicheskie processy. V. 2. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1976. 334 p. (In Russian)
 8. *Vygotskij L.S.* Myshlenie i rech'. Psikhologija. Moscow: EKSMO-press, 2000. P. 262–511. (In Russian)
 9. *Gejzhan N.F., Borodavko L.T.* O razvitii ponjatij'nogo i prakticheskogo myshlenija kursantov v processe osvoenija psikhologo-pedagogicheskikh discipline. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 1. P. 140–144. (In Russian)
 10. *Gel'fman Eh.G., Kholodnaja M.A.* Psikhodidaktika shkol'nogo uchebnika. Intellektual'noe vospitanie uchashhikhsja. Saint-Petersburg: Piter, 2006. 328 p. (In Russian)
 11. *Gil'manov S.A.* Professional'naja specifika ponjatij'nogo myshlenija. Obrazovanie i nauka. 2017. V. 19. № 9. P. 32–51. (In Russian)
 12. *Ermakova E.V.* Implicitnost' v khudozhestvennom tekste. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2010. 48 p. (In Russian)
 13. *Zajjzman I.N.* Problemy adekvatnosti ponimaniya: kak učit' slushat' i chitat' tekst. Idei i idealy. 2017. V. 2. № 4 (34). P. 161–168. (In Russian)
 14. *Zejjgarnik B.V.* Patologija myshlenija. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1962. 244 p. (In Russian)
- ⁶ The author thanks PhD, Prof. Yu.Yu. Shtyrov for his valuable consultations during the preparation of the manuscript of this article, as well as T.E. Isaeva for some of the collected data.

⁶ The author thanks PhD, Prof. Yu.Yu. Shtyrov for his valuable consultations during the preparation of the manuscript of this article, as well as T.E. Isaeva for some of the collected data.

15. *Il'ina V.A.* Ponjatijnoe myshlenie jurista: k voprosu o prioritetakh juridicheskogo obrazovanija. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 2. P. 77–82. (In Russian)
16. *Lebedeva M.Ju.* Strategii raboty s cifrovym tekstom dlja reshenija uchebnykh chitatel'skikh zadach: issledovanie metodom verbal'nykh protokolov. Voprosy obrazovanija. 2022. № 1. P. 244–270. (In Russian)
17. *Lurija A.R.* Lekcii po obshhej psikhologii: Ucheb. posobie dlja vuzov. Saint-Petersburg: Piter, 2004. 320 p. (In Russian)
18. *Milevskaja T.E.* Novye celi “medlennogo chtenija” na zanjatijakh po russkomu jazyku v vysshej shkole. Dinamika jazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii. 2016. № 5. P. 1501–1505. (In Russian)
19. *Mironova K.V., Borisenko N.A., Shishkova S.V.* Ponimanie teksta podrostkami 11–12 let v processe smyslovogo chtenija s ehlektronnykh i bumazhnykh nositelej. Voprosy psikhologii. 2022. V. 68. № 2. P. 99–110. (In Russian)
20. *Morozova N.G.* O ponimanii teksta. Izvestija APN RSFSR. 1947. V. 7. P. 191–240. (In Russian)
21. *Oganov S.R., Kornev A.N.* Chtenie pis'mennykh i ehlektronnykh tekstov det'mi 9–11 i 12–14 let: ponimanie, skorost' i kognitivnye mekhanizmy. Chtenie v cifrovuju ehpokhu. Sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii Rossijskoj associacii disleksii, 15.05.2018. Eds. O.A. Velichenkova, A.V. Lagutina. Moscow, 2018. P. 20–24. (In Russian)
22. *Osorina M.V.* Mental'nye prostranstva kak psikhicheskaja real'nost'. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 16 Psikhologija. Pedagogika. 2017. V. 7. № 1. P. 6–24. (In Russian)
23. *Osorina M.V., Shcherbakova O.V., Avanesjan M.O.* Problema metakognitivnoj reguljacji: normativnye trebovanija i neproduktivnye patterny intellektual'noj dejatel'nosti. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12 Psikhologija. Pedagogika. Sociologija. 2011. № 2. P. 32–43. (In Russian)
24. *Piazhe Zh.* Psikhologija intelekta. Saint-Petersburg: Piter, 2004. 192 p. (In Russian)
25. *Podgoreckaja N.A.* Izuchenie priemov logicheskogo myshlenija u vzroslykh. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980. 149 p. (In Russian)
26. *Poljakov Ju.F.* Patologija poznavatel'noj dejatel'nosti pri shizofrenii. Moscow: Medicina, 1974. 168 p. (In Russian)
27. *Kholodnaja M.A.* Psikhologija intelekta. Paradoksy issledovanija. Saint-Petersburg: Piter, 2002. 264 p. (In Russian)
28. *Kholodnaja M.A.* Psikhologija ponjatijnogo myshlenija: ot konceptual'nykh struktur k ponjatijnym sposobnostjam. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2012. 288 p. (In Russian)
29. *Kholodnaja M.A., Sipovskaja Ja.I.* Ponjatijnnye sposobnosti: teorija, diagnostika, ehmpirika. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2023. 172 p. (In Russian)
30. *Chikhanova E.V., Novikova A.N.* Problemy razvitiya ponjatijnogo myshlenija obuchajushhikhsja i puti ikh preodolenija. Aktual'nye problemy voennoj pedagogiki i psikhologii v sisteme voennykh obrazovatel'nykh organizacij. Materialy mezhvedomstvennoj nauch.-prakt. konf. (Saint-Petersburg, 14–15.11.2019). Eds A.V. Toporov. 2-e izd., ispr. i dop. Saint-Petersburg: Asterion, 2020. P. 416–423. (In Russian)
31. *Shabalovskaja M.V., Bokhan T.G., Malkova I.Ju., Gala-zhinskaja O.N., Ul'janich A.L.* Deficit mnemicheskogo potenciala ponjatijnogo myshlenija kak kognitivnyj bar'er v nauchno-issledovatel'skoj dejatel'nosti nachinajushhikh uchenykh. Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical Review. 2017. № 1 (15). P. 133–141. (In Russian)
32. *Shapkin N.S., Kazanceva V.V.* Vzaimosvjaz' ponjatijnogo myshlenija i navyka chtenija u uchashhikhsja 3–6 klassov. Obshhestvo: sociologija, psikhologija, pedagogika. 2022. № 4 (96). P. 104–108. (In Russian)
33. *Shcherbakova O.V.* Kognitivnye mekhanizmy ponimaniya komicheskogo: PhD thesis. Saint-Petersburg, 2009. 234 p. (In Russian)
34. *Shcherbakova O.V.* Informacionno-ehnergeticheskaja organizacija nekotorykh patternov metakognitivnoj reguljacji. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12 Psikhologija. Pedagogika. Sociologija. 2012. № 3. P. 103–114. (In Russian)
35. *Shcherbakova O.V.* Nesmeshno i neponjatno: vosprijatie zhanrovnykh osobennostej anekdota sovremennymi molodymi vzroslymi. Voprosy psikhologingvistiki. 2019. № 1 (39). P. 165–181. (In Russian)
36. *Shcherbakova O.V., Novikovskaja N.A.* “Kak vy jakhtu nazovete, tak ona i poplyvet”? Rol' verbal'nykh komponentov myshlenija v aktualizacii obraznoj struktury abstraktnykh i konkretnykh ponjatij. Psikhologicheskie issledovanija. 2020. V. 13. № 74. P. 6. (In Russian)
37. *Shcherbakova O.V., Obol'skaja V.A.* Mezhdju chitatelem i tekstom: instrumentarii dlja izuchenija ponimaniya implicitnykh smyslov verbal'nykh tekstov. Chast' 2. Voprosy psikhologingvistiki. 2023. № 1 (55). P. 112–127. (In Russian)
38. *Shcherbakova O.V., Obrazcova V.S., Grabovaja E.V., Chan R.V., Ivanova E.M.* Ponimanie jumora u zdorovykh ljudej i pacientov s psikhicheskimi zabolevanijami: kognitivnyj i ehemocional'nyj komponenty. Voprosy psikhologii. 2018. № 4. P. 92–102. (In Russian)
39. *Jasjukova L.A.* Pedagogika negramotnosti. Shkol'nye tekhnologii. 2011. № 2. P. 25–30.
40. *Jasjukova L.A.* FGOS i dal'nejsshee padenie kachestva obrazovanija. Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovanija. 2015. V. 12. № 2. P. 65–70. (In Russian)
41. *Jasjukova L.A., Dolgoplov V.A., Piskun O.E.* Issledovanie intellektual'noj gotovnosti k obucheniju studentov

- SPbGPU. Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potenci-
ala: problemy i puti ikh reshenija. 2012. V. 7. № 1.
P. 163–167. (In Russian)
42. *Ackerman R., Goldsmith M.* Metacognitive regulation of text learning: On screen versus on paper. *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 2011. V. 17. № 1. P. 18–32.
 43. *Bresó-Grancha N., Jorques-Infante M.J., Moret-Tatay C.* Reading digital-versus print-easy texts: A study with university students who prefer digital sources. *Psicologia: Reflexão e Crítica*. 2022. V. 35. № 1. P. 1–9.
 44. *Clinton V.* Reading from paper compared to screens: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Research in Reading*. 2019. V. 42. № 2. P. 288–325.
 45. *Clump M.A., Bauer H., Bradley C.* The extent to which psychology students read textbooks: A multiple class analysis of reading across the psychology curriculum. *Journal of Instructional Psychology*. 2004. V. 31. № 3. P. 227–233.
 46. *DeStefano D., LeFevre J.A.* Cognitive load in hypertext reading: A review. *Computers in Human Behavior*. 2007. V. 23. № 3. P. 1616–1641.
 47. *Dunning D.* The Dunning–Kruger effect: On being ignorant of one's own ignorance. *Advances in Experimental Social Psychology*. 2011. V. 44. P. 247–296.
 48. *Mangen A., Walgermo B.R., Brønnick K.* Reading linear texts on paper versus computer screen: Effects on reading comprehension. *International Journal of Educational Research*. 2013. V. 58. P. 61–68.
 49. *Miall D.S., Dobson T.* Reading hypertext and the experience of literature. *Journal of Digital Information*. 2001. V. 2. № 1.
 50. *Petrova T., Riekhakaynen E.* Processing of verbal and non-verbal patterns: An eye-tracking study of Russian. *Third International Congress on Information and Communication Technology. Advances in Intelligent Systems and Computing*. V. 797. Eds. X.S. Yang, S. Sherratt, N. Dey, A. Joshi. Singapore: Springer, 2019. P. 269–275.
 51. *Pashler H.* *The Psychology of Attention*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. 510 p.
 52. PISA 2018 Results. Combined executive summaries. V. I, II & III [Electronic resource]. Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: https://www.oecd.org/pisa/Combined_Executive_Summaries_PISA_2018.pdf (date of access: 01.12.2022).
 53. *Prensky M.* Digital natives, digital immigrants. *On the Horizon*. 2001. V. 9. № 5. P. 1–6.
 54. *Shcherbakova O.V., Nikiforova E.A.* Fables comprehension in healthy adults: Does IQ matter? *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2022. V. 19. № 4. P. 736–756.
 55. *Sikorski J., Rich K., Saville B.K., Buskist W., Davis S.F., Drogan O.* Student use of introductory textbooks. *Teaching of Psychology*. 2002. V. 29. P. 312–313.
 56. *Sternberg R.J., Grigorenko E., Bundy D.A.* The predictive value of IQ. *Merrill-Palmer Quarterly*. 2001. V. 47. № 1. P. 1–41.
 57. *Twenge J.M.* *Generation me: Why today's young Americans are more confident, assertive, entitled — and more miserable than ever before*. New York, NY: Free Press, 2006. 400 p.
 58. *Twenge J.M.* Teaching generation me. *Teaching of Psychology*. 2013. V. 40. № 1. P. 66–69.
 59. *Wason P.C.* Regression in reasoning? *British Journal of Psychology*. 1969. V. 60. № 4. P. 471–480.

УДК 159.9

КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЭМПАТИИ КАК СЛЕДСТВИЕ ЕЕ МНОГОМЕРНОЙ ПРИРОДЫ

© 2024 г. М. А. Холодная^{1,*}, Е. В. Соловьева^{2,**}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

²ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»;

150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина.

E-mail: kholod1949@yandex.ru

**Ассистент кафедры педагогики и педагогической психологии.

E-mail: solovyeva.ev205@gmail.com

Поступила 08.08.2023

Аннотация. Задача исследования — рассмотреть возможные причины психологической неоднородности эмпатии (ее конструктивных и деструктивных проявлений). Проанализирована специфика функций разных компонентов и разных уровней эмпатии по отношению к свойствам психической деятельности. Описаны конструктивные и деструктивные проявления эмпатии, которые выражены как на полюсе высокой эмпатии, так и на полюсе низкой эмпатии. Обосновано существование эффекта расщепления и высоких, и низких показателей эмпатии с выделением ее продуктивных и непродуктивных составляющих. В качестве критерия расщепления полюсов эмпатии выступает мера сформированности (и мера взаимодействия) концептуальных и метакогнитивных способностей. Таким образом, многомерную природу эмпатии характеризуют три взаимосвязанных аспекта: во-первых, сложность состава с учетом специфики функций разных компонентов, во-вторых, разноуровневость (наличие низших и высших уровней эмоционального реагирования) и, в-третьих, эффект расщепления высокой и низкой эмпатии.

Ключевые слова: эмпатия, многомерность, конструктивные и деструктивные формы эмпатии, “эффект расщепления”, концептуальные способности, метакогнитивные способности.

DOI: 10.31857/S0205959224010038

Если вы хотите быть хорошим человеком и творить добро, эмпатия — плохой помощник.

Пол Блум

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ ЭМПАТИИ

Результаты ряда исследований свидетельствуют о том, что эмпатия тормозит проявления агрессии, способствуя тем самым успешным и конструктивным межличностным отношениям [3; 14; 25; 27; 47; 48; 51]. Эмпатия рассматривается как составная часть высших нравственных ценностей, наряду с такими высшими нравственными свойствами, как добродетельность, свобода воли, любовь

к человеку и рефлексивность [24], как духовно-нравственное качество в структуре духовной личности [15]. Эмпатия трактуется в качестве одного из профессионально важных качеств для профессий социономического типа [26]. Положительная оценка роли эмпатии выражается и в техниках психологической помощи, ориентированных на стимулирование эмпатических переживаний клиента.

Тем не менее в эмпирических исследованиях эмпатии имеют место результаты, не только не согласованные между собой, но и с очевидностью противоречащие друг другу. Нарастание критических противоречий — это всегда сигнал к тому, что пора проанализировать имеющиеся эмпирические данные и, возможно, изменить традиционное представление об эмпатии. Всегда ли высокая эмпатия это хорошо, а низкая эмпатия это всегда плохо?

Ясность в определении эмпатии как психического феномена отсутствует [40]. Анализ литературы, опубликованной за период 1980–2019 гг., показал, что большинство работ об эмпатии начинается с утверждения, что нет единого мнения о том, как следует определять эмпатию [39].

Не менее дискуссионный вопрос — это структура эмпатии. В большинстве исследований эмпатия рассматривается с учетом выделения в ее составе двух компонентов, таких как когнитивная эмпатия (понимание эмоциональных состояний другого человека) и аффективная эмпатия (переживание эмоций, воспроизводящих эмоции другого человека). Подчеркнем, что в зарубежных исследованиях наличие в эмпатии некоторого множества компонентов трактуется как ее многомерность (*multidimensional approach*). В частности, анализ публикаций с 2001 по 2013 г. показал, что 52% авторов писали об эмпатии как многокомпонентном явлении, а уже в 2017 г. многокомпонентность эмпатии отмечали 76% авторов [29].

Справедливости ради следует отметить, что представление о четырех компонентах эмпатии было введено несколько десятилетий назад М. Дэвисом [31], который не только обосновал выделение когнитивных и аффективных компонентов, но и разработал используемый до сих пор опросник на оценку меры их выраженности (*Interpersonal Reactivity Index, IRI*). В частности, им были выделены два компонента когнитивной эмпатии — Смена перспективы и Фантазия и два компонента аффективной эмпатии — Эмпатическая забота и Личный дистресс (в соответствии с названиями шкал). Позже этот опросник был адаптирован на русскоязычной выборке с выделением четырех аналогичных шкал: Децентрация, Сопереживание (Фантазия), Эмпатическая забота, Личный дистресс [4; 8].

Согласно Ж. Десети и Ф. Коуэллу, эмпатия включает три относительно независимых компонента: когнитивный (отвечает за понимание чужих состояний и за способность поставить себя на место другого), эмоциональный (способность разделять эмоции другого или эмоционально реагировать на них в тех же валентности, тоне и интенсивности) и мотивационный (побуждает к заботе о благосостоянии другого и проявляется в эмпатической заботе, беспокойстве о другом) [33; 34]. Подчеркивается, что “...ни один из этих аспектов по отдельности не может объяснить потенциал человеческой эмпатии. Все три компонента взаимосвязаны и должны взаимодействовать друг с другом, чтобы вызвать субъективный опыт сопереживания” [33, р. 75].

Э. Коплан выделяет три компонента эмпатии: “аффективное совмещение” — переживание эмоциональных состояний, совпадающих с состоянием другого человека; “понимание чужой точки зрения” — моделирование переживаний другого человека в рамках его позиции; “дифференциация Я—Другой” [31].

В последнее время был разработан опросник когнитивной и аффективной эмпатии (*Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy, QCAE*; R.L. Reniers et al.), который был адаптирован применительно к русскоязычной выборке [1]. Когнитивная эмпатия включает две субшкалы (Децентрация и Подстройка); аффективная эмпатия — три субшкалы (Эмоциональная заразительность, Проксимальная чувствительность, Периферическая чувствительность).

Дальнейшие исследования показали, что психологическая неоднородность эмпатии проявляется не только в наличии разных компонентов в составе эмпатического переживания, но и в существовании разных уровней эмпатии.

Так, А. Голдман выделяет две формы эмпатии (два пути к эмпатии): “отражающую” (*mirroring*) — эмоциональная идентификация с объектом эмпатии (вымышленным персонажем либо реальным человеком) в виде “интерперсонального изоморфизма” и “реконструктивную” (*reconstructive*) — представление точки зрения другого в виде “чтения мыслей” [36].

Аналогичный подход предлагает В.В. Нуркова, различая “эмпатию—отождествление” и “эмпатию—моделирование” [13]. Эмпатия—отождествление — это эмоциональное заражение (паника, героический порыв и т.п.), тогда как эмпатия—моделирование — это мыслительный акт, создающий модели содержания сознания другого. “Эмпатия—моделирование” является производной от диалогической природы мышления способностью к созданию и удержанию в сознании динамичной репрезентации психического состояния другого человека при сохранении аутентичности осознания своего психического состояния [13, с. 12].

Фактически речь идет о разных уровнях организации эмпатии: в первом случае это низкоуровневая (автоматическая) способность, во втором — высокоуровневая (произвольная) способность. Можно допустить, что эмпатия может регрессировать на более низкий уровень развития (например, в условиях стресса или социального давления) либо, напротив, переходить с низшего уровня эмпатического переживания на высший (например, под влиянием интеллектуальной саморегуляции

либо за счет интеграции с нравственными качествами).

Подобного рода “дробление” эмпатии означает признание того факта, что эмпатия — это многомерный психический феномен, организация которого характеризуется многокомпонентностью и многоуровневостью. Именно это обстоятельство является, на наш взгляд, исходным основанием для объяснения противоречивой роли эмпатии.

Задача исследования — проанализировать возможные причины противоположного (фасилитационного либо ингибирующего) влияния эмпатии на особенности психической деятельности.

Гипотезы исследования: 1) как высокий, так и низкий уровень эмпатии может обуславливать как конструктивные, так и деструктивные изменения в организации психической деятельности — в виде эффекта расщепления полюсов высоких и низких показателей эмпатии; 2) выраженность эффекта расщепления полюсов эмпатии определяется мерой сформированности концептуальных способностей, отвечающих за построение ментальной модели эмоционального состояния другого человека, и метакогнитивных способностей, обеспечивающих произвольный и непроизвольный контроль собственных эмоциональных состояний.

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИЙ РАЗНЫХ КОМПОНЕНТОВ И РАЗНЫХ УРОВНЕЙ ЭМПАТИИ

Существуют многочисленные доказательства различий когнитивной и аффективной эмпатии.

При изучении связей показателей шкал Эмпатическая забота и Децентрация с эскалацией конфликта с родителями в подростковой выборке оказалось, что эти аспекты эмпатии проявляются по-разному, в том числе в рамках лонгитюда: снижение конфликтности семейных отношений в большей мере было связано со способностью понимать позицию другого человека, нежели с эмпатической заботой. Таким образом, именно децентрация является предпосылкой конструктивного поведения в конфликтной ситуации [54].

При изучении связей разных компонентов эмпатии (в терминах опросника “Когнитивная и аффективная эмпатия”, апробация А.И. Белоусовой, М.Я. Гейвандовой) с показателями шкалы интеллектуальной оценки риска, корреляционный анализ показал наличие высоко значимых связей ($p \leq 0.001$): Эмоциональная заразительность положительно связана с неприятием неопределенности

и эмоциональной ранимостью и отрицательно — с самооффективностью в решении проблем, тогда как Децентрация отрицательно связана с неприятием неопределенности и положительно — с самооффективностью [11].

Дополнительным аргументом в пользу предположения о том, что за разными компонентами эмпатии стоят разные механизмы, является факт разнонаправленных связей аффективной и когнитивной эмпатии с тревогой: при росте когнитивной эмпатии наблюдается уменьшение социальной тревожности, тогда как при росте аффективной эмпатии — ее увеличение [50].

Таким образом, аффективная и когнитивная эмпатия, несмотря на их взаимодействие, — это разные психические состояния, выполняющие разные функции по отношению к организации психической деятельности.

Исследования показывают, что, в свою очередь, и аффективная эмпатия также неоднородна. В свое время при изучении связей четырех компонентов эмпатии с различными личностными свойствами выяснилось, что, согласно корреляционному анализу, сильные связи (r в пределах от 0.34 до 0.59; $p \leq 0.05$) обнаружались только со шкалой эмпатического дистресса: чем выше показатели этого компонента эмпатии, тем выше такие личностные черты, как застенчивость, социальная тревога, чувство страха (боязливость), и тем ниже самооценка. То есть люди, склонные к эмпатическому дистрессу (переживанию боли другого), — это те, кто характеризуется боязливостью, неуверенностью и уязвимостью [32].

При сравнении “эмпатической заботы” (помощи другому на основе сострадания) и эмпатии в узком значении (сопереживания, идентичного эмоциональному переживанию другого человека) было выявлено их различие. В частности, в трех разных выборках получена одна и та же факторная структура, согласно которой Личный дистресс и Поведенческое заражение вошли в один фактор, тогда как Эмпатическая забота и Смена перспективы (Децентрация) — в другой фактор (Фантазия как аспект когнитивной эмпатии вошла в оба фактора) [45]. Более того, при изучении альтруизма, измеряемого в терминах количества денежного пожертвования на страдающих детей из развивающихся стран, выяснилось, что, согласно регрессионному анализу, высокие показатели эмпатической заботы связаны с большей величиной пожертвования ($b = 0.183$; CI (0.113, 0.253); $p < 0.001$) и, напротив, высокие показатели эмпатического дистресса — с меньшей величиной пожертвования ($b = 0.111$; CI (0.190, 0.032); $p < 0.006$) ($R^2 = 0.13$) [45]. Таким

образом, эмпатическая забота о других является положительным предиктором просоциальных действий, тогда как эмпатия в узком смысле — их отрицательным предиктором.

Наконец разные компоненты аффективной эмпатии разнонаправленно сопряжены с расстройствами личности: симптоматика и тяжесть личностных расстройств связаны с низкой эмпатической заботой и высоким личным дистрессом [41].

Таким образом, эмпатия является психологически неоднородным (многомерным) явлением. Во-первых, в состав эмпатического сопереживания входит некоторое множество разных компонентов, которые различаются по своим функциям по отношению к разным видам психической деятельности. Во-вторых, эмпатическое сопереживание может реализовываться на двух разных уровнях: низкоуровневая форма эмпатии предполагает активацию эмоций, изоморфных эмоциям другого человека на основе эмоционального заражения и эмоциональной идентификации, высокоуровневая форма эмпатия — конструирование ментальной модели эмоционального состояния другого человека на основе включения регуляторных процессов. Однако, на наш взгляд, существует еще один важный аспект многомерности эмпатии, связанный с множественностью ее проявлений (конструктивных и деструктивных) на полюсах высокой и низкой эмпатии.

КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМПАТИИ

Аргументы в пользу представления о психологической неоднородности эмпатии и, соответственно, радикально разных ее проявлениях можно найти в исследованиях, посвященных изучению связей показателей эмпатии с другими психологическими свойствами человека.

В первую очередь необходимо рассмотреть связь эмпатии с агрессией. Принято считать, что люди с высоким уровнем эмпатии демонстрируют желательное социальное поведение и альтруизм, тогда как люди с низким уровнем эмпатии склонны к агрессивному поведению. Однако связь низкой эмпатии с агрессией далеко не очевидна.

Д. Вашон с соавторами проанализировали результаты исследований связей между эмпатией и агрессией на выборках взрослых людей (рядовых граждан, студентов и преступников). Метаанализ исследований ($n = 16\,773$) показал, что связь между эмпатией и агрессией была на удивление слабой ($r = -0.11$), в том числе для конкретных видов

агрессии — вербальной агрессии ($r = -0.20$), физической агрессии ($r = -0.12$) и сексуальной агрессии ($r = -0.09$) (хотя все связи значимы на уровне $p < 0.01$). Авторы сообщают, что только около 1% вариаций агрессии объясняется отсутствием эмпатии [53].

При изучении феномена школьного издевательства оказалось, что между подростками-жертвами и подростками-обидчиками отсутствовали различия по показателям и аффективной, и когнитивной эмпатии [52]. То есть подростки (средний возраст 14 лет), в явном виде проявлявшие агрессию по отношению к одноклассникам, не отличались от последних более низким уровнем эмпатии.

Факты, напротив, свидетельствуют, что высокая эмпатия может мотивировать жестокость и агрессию. Дело в том, что сопереживание другому может оказаться предвзятым, зависимым от субъективной позиции эмпата. Типичным примером является “эффект идентифицируемой жертвы” (*identifiable victim effect*) — это разновидность когнитивного искажения, суть которого в том, что имеет место тенденция оказывать более щедрую помощь отдельному индивиду (жертве), чьи затруднительные жизненные обстоятельства можно наблюдать напрямую, нежели неопределенной группе лиц с аналогичными проблемами. Иными словами, процесс идентификации того (тех), кто вызывает эмпатию, является узконаправленным и подверженным влиянию социальных установок [28]. Подобного рода избирательность эмпатии может привести к тому, что именно лица с повышенной эмпатией будут склонны к жестокому поведению по отношению к “нереферентным” другим.

Неожиданные результаты были получены при изучении связи эмпатии с проявлениями агрессии у педагогов общеобразовательной школы. Оказалось, что в группе педагогов со средним и высоким уровнем эмпатии значимо выше показатели физической агрессии, вербальной агрессии, негативизма, недоверчивости, общий индекс агрессии [7]. Аналогично юноши с более высокими показателями эмпатии имели более высокие оценки по вербальной агрессии, при этом достоверных корреляций эмпатии с другими чертами личности у юношей не обнаружено [5].

Еще более удивительный факт был выявлен при изучении выраженности эмпатии при разных уровнях авторитарной агрессии (склонности к осуждению и наказанию людей, не соблюдающих традиционные нормы и принадлежащих к “другой” социальной общности) [19]. Общая выборка (студенты I курса университета) была разделена на три группы на основе показателей авторитарной

агрессии (низкие, средние и высокие показатели). Группа со средними значениями авторитарной агрессии сравнительно с группой с низкими значениями, характеризовалась более низким уровнем эмпатии (по показателям “рациональный канал эмпатии”, “идентификация”, “общий показатель эмпатии”, в терминах опросника В.В. Бойко), т.е. имело место ожидаемое соотношение: при низком уровне эмпатии значимо выше проявления авторитарной агрессии. Однако в группе с высокими значениями авторитарной агрессии сравнительно с группой со средними значениями зафиксировано увеличение уровня эмпатии по показателю “рациональный канал эмпатии” (различия значимы на уровне $p = 0.01$), т.е. выявлено неожиданное соотношение: при высоком уровне когнитивной эмпатии значимо выше проявления агрессии. Был сделан вывод о том, что «...обратной стороной рациональной эмпатии являются “ошибки” восприятия, или так называемой социальной перцепции. Искажения, иллюзии субъективного опыта могут существенно менять воспринимаемое окружение, и тогда опора на эмпатическую информацию приводит к уязвимости по отношению к антидемократической идеологии» [19, с. 126].

Противоположные связи эмпатии с агрессией приводят к вопросу о роли эмпатии в регуляции морального поведения. С одной стороны, факты свидетельствуют, что дефицит эмпатии сопряжен с формированием психопатических черт личности, что, в свою очередь, проявляется в тенденции к аморальным поступкам. С другой стороны, утверждается, что прямых доказательств роли эмпатии относительно моральных качеств человека недостаточно [34].

Есть свидетельства того, что люди с низким уровнем эмпатии высказывают более рациональные суждения при работе с классическими моральными дилеммами. Респонденты, которые последовательно давали утилитарные ответы (спасти наибольшее количество жизней, пожертвовав одним человеком), отличались значимо меньшими показателями эмпатической заботы по сравнению с участниками, которые давали неутилитарные ответы (не причинять вреда человеку ни при каких условиях). Однако связи между неутилитарными суждениями в ситуации морального выбора и другими компонентами эмпатии, такими как Смена перспективы, Фантазия и Личный дистресс, отсутствовали [35].

Почему низкая эмпатическая забота предрасполагает к более рациональным решениям в ситуации морального выбора, а высокая — к эмоциональным решениям? Проявление эмпатической заботы

о других, вероятно, обусловлено эволюционными механизмами, связанными прежде всего с родительским поведением [25]. Это объясняет, почему эмпатия может служить основой аморального поступка в угоду своему интересу или интересам человека из своего социального окружения.

Особую важность представляют результаты изучения связи эмпатии и духовно-нравственных качеств личности как компонентов моральных способностей. Были установлены значимые положительные связи между показателями уровня выраженности духовно-нравственных качеств личности и тремя шкалами эмпатии: Децентрация, Сопереживание (Фантазия) и Эмпатическая забота; связь со шкалой Эмпатический стресс отсутствовала. По мнению автора, последняя шкала отражает негативные аспекты эмпатии: эмоциональные переживания эгоцентрического типа, озабоченность своим собственным состоянием, чрезмерную “загруженность” чужими эмоциями [15].

Таким образом, высокая эмпатия может инициировать и позитивные, и негативные последствия (обеспечивать как фасилитацию психической деятельности, так и ее ингибацию). И снова встает вопрос о том, действительно ли высокая эмпатия столь полезна и, соответственно, низкая эмпатия столь вредна?

В свете описанных выше фактов становится понятным феномен субъективного неприятия эмпатии на уровне обыденного сознания. В частности, был проведен метаанализ исследований, где респондентам предлагалось выбрать ситуации, в которых они могли либо проявить эмпатию, либо предпочесть какие-то альтернативные действия. Авторы обнаружили устойчивую склонность избегать эмпатию, что было связано с восприятием эмпатии как более трудоемкой, вызывающей отвращение и менее эффективной стратегией поведения [30].

Появились описания разных форм деструктивной эмпатии, таких как эгоистичная эмпатия (*selfish empathy*) — сострадание другому вызывает положительные эмоции, которые играют важную роль в удовлетворенности собственной жизнью; эмпатический вампиризм (*empathic vampirism*) — присвоение чужого эмоционального состояния для поддержания значимости своего Я (фанаты, матери с синдромом гиперопеки); эмпатический садизм (*empathic sadism*) — манипулирование эмоциональным состоянием другого с целью издевательства [29].

В современных исследованиях был выделен тип личности, названный “темным эмпатом”, это

личность с высокими показателями “темной триады” (нарциссизма, психопатии и макиавеллизма) и одновременно с высоким уровнем эмпатии [40]. При сравнении с “типичными” респондентами (средние показатели темной триады и эмпатии) и “эмпатами” (низкие показатели темной триады и высокие показатели эмпатии) выяснилось, что “темные эмпаты” отличаются более высоким уровнем экстраверсии и косвенной агрессии (склонностью к провоцированию чувства вины, злонамеренному юмору и эмоциональному садизму). Здесь интерес представляет не столько специфика личностных свойств “темных эмпатов”, сколько сам факт, казалось бы, невозможного сочетания темной триады с высокой эмпатией, при этом в общей выборке (991 респондент) “темные эмпаты” составили 19.3% [42].

Были получены любопытные уточнения характера связей эмпатии (в терминах опросника Дэвиса) со свойствами темной триады: с нарциссизмом оказались значимо положительно связаны высокие показатели личного дистресса — у мужчин и высокие показатели Личного дистресса и Фантазии — у женщин [44]. Поскольку нарциссизм характеризуется потребностью в демонстрации своих эго-потребностей, то, возможно, высокая чувствительность к чужой боли, включая чрезмерное фантазирование, помогает нарциссу устанавливать эмоциональные отношения с людьми для того, чтобы иметь возможность покрасоваться перед собой и другими своим “альтруизмом”.

Итак, высокая эмпатия может иметь деструктивный аспект: в виде либо отсутствия связей с социально желательными типами поведения, либо наличия дезадаптивных проявлений эмпатии.

Что касается низкой эмпатии, то, к сожалению, исследования, в которых бы низкая эмпатия рассматривалась как конструктивное (“светлое”) явление, единичны.

Факты свидетельствуют, что медицинские работники демонстрируют относительно низкий уровень эмпатии, причем снижение ее выраженности имеет место по мере роста профессиональной квалификации [49]. В исследовании Е.Л. Бережковской и Н.Г. Радинской участвовали врачи-реаниматологи и врачи-терапевты поликлиник. Выяснилось, что специфика деятельности реаниматологов, работающих в экстремальных условиях, порождает неожиданный эффект: снижение эмпатии выступает в качестве условия их профессионального роста, а именно повышения выраженности таких профессионально важных качеств, как самореализация, самопонимание и автономность (для терапевтов картина прямо противоположная) [2].

Хотя эмпатия обычно рассматривается как важный фактор психологического благополучия личности, было показано, что разные компоненты эмпатии (в терминах опросника Бойко) по-разному связаны с тремя показателями жизнестойкости (в терминах опросника Леонтьева): эмоциональный канал эмпатии (эмоциональная отзывчивость к состоянию другого) — значимо отрицательно (r в пределах от 0.20 до 0.45 при $0.001 \leq p \leq 0.01$), тогда как проникающая способность в эмпатии (коммуникативное свойство человека, позволяющее создавать атмосферу открытости и доверительности) — значимо положительно (r в пределах от 0.30 до 0.37 при $p \geq 0.001$) [9]. Иными словами, низкая аффективная эмпатия связана с более высоким уровнем жизнестойкости. Аналогичные результаты были получены и в другом исследовании с использованием тех же методик: низкий уровень эмпатии сопряжен с более высоким уровнем жизнестойкости [12].

Необычные результаты были получены еще в одном исследовании профессионалов. Наиболее сильные отрицательные связи были выявлены между эмпатией и такими аспектами жизнестойкости, как противодействие эмоциональному истощению ($r = -0.52$ при $p < 0.01$) и формирование системы конструктивных ценностей ($r = -0.45$ при $p < 0.01$). «Все это свидетельствует о том, что чрезмерная эмпатическая включенность в ситуацию может приводить к эмоциональному истощению, а в некоторых случаях даже “смещениям” в системе ценностей специалиста» [6].

Казалось бы, удивительно, но низкая эмпатия сопряжена с более высокими показателями социально-психологической адаптации студентов к обучению в вузе [17]. В частности, установлено, что студенты-первокурсники с низкими показателями эмпатии в меньшей мере используют дезадаптивные стратегии поведения, такие как Демонстрация слабости и Отслеживание производимого впечатления [18].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что имеет место эффект расщепления высоких и низких показателей эмпатии: и при высокой, и при низкой эмпатии могут иметь место как конструктивные, так и деструктивные ее проявления.

ОБСУЖДЕНИЕ

Возникают следующие вопросы. Какие психические механизмы обуславливают эффект расщепления высокой и низкой эмпатии? Каким образом эффект расщепления связан с разными

компонентами и разными уровнями эмпатического переживания?

Как уже отмечалось выше, когнитивные компоненты эмпатии основаны на ментальном моделировании субъективности других [32]. Неудивительно, что некоторые авторы отмечают взаимопересечение понятия “когнитивная эмпатия” с понятием “теория психического”, вплоть до их отождествления [10; 36; 55].

В ряде работ используется термин “ментализация” (*mentalization*) — способность мысленно (в своем воображении) представлять (реконструировать) эмоциональные состояния другого, включая понимание их причин и последствий. Соответственно, сформулировано утверждение о том, что “когнитивная эмпатия очень тесно связана с теорией разума или ментализацией (когнитивной способностью мысленно представлять психическое состояние самого себя и других людей. — *Авт.*). Ментализация относительно аффективных состояний других людей есть, следовательно, аффективная теория разума — которая более или менее является синонимом когнитивной эмпатии” [55, р. 11].

Согласно Ф. Канске с соавторами, аффективная эмпатия (эмпатическая забота и личный дистресс; эмпатия измерялась как мера выраженности сочувствия страдающему персонажу на немом видеоролике) строится на физической, сенсорной или эмоциональной “подстройке” к другому по типу эмоционального заражения, тогда как ментализация (понимаемая авторами как построение “модели психического” и измеряемая в терминах способности правильно описать мотивы и убеждения персонажа в нейтральном состоянии) предполагает процесс выдвижения гипотез об актуальных переживаниях другого человека, основанный на накопленном личном опыте [46]. Исследования этих авторов показали, что при низком уровне эмпатии в равной мере может наблюдаться и низкая, и высокая способность к ментализации (аналогично при высоком уровне эмпатии — и низкая, и высокая способность к ментализации). Следовательно, низкая эмпатия в ряде случаев является предпосылкой способности строить адекватную ментальную картину состояния другого человека; напротив, интенсивное сопереживание другим людям, сильное чувство жалости могут ухудшать когнитивную реконструкцию и понимание другого [46].

Особая роль в процессе ментализации отводится воображению. А. Коплан прямо отождествляет эмпатию с воображением: “Эмпатия — это сложный процесс воображения, в котором наблюдатель имитирует психологические состояния другого

человека, сохраняя при этом четкую дифференциацию себя и других” [31, р. 4].

Таким образом, эмпатия предполагает построение ментальной (на высшем ее уровне — концептуальной) модели, которая обеспечивает не только оценку состояния другого человека, но и учет контекста ситуации. Следовательно, можно говорить о важной роли не столько воображения, сколько понятийных (концептуальных) способностей в процессе формирования эмпатического сопереживания.

Далее факты свидетельствуют, что эмпатия — это контролируемый процесс, основанный на непроизвольной и произвольной саморегуляции собственных эмоциональных состояний.

В частности, при изучении связи эмпатии с индивидуальными различиями в нарушениях внимания в повседневных жизненных ситуациях (таких как забывчивость, отвлекаемость и потеря цели), которые выявлялись с помощью опросника когнитивных неудач (*Cognitive Failures Questionnaire, CFQ*), был выявлен следующий интересный факт. Нарушения в непроизвольном контроле внимания по-разному связаны с когнитивной и аффективной эмпатией: люди, склонные к нарушениям внимания (“когнитивным сбоям”), в меньшей мере понимали точку зрения других, но в большей мере переживали их чувства [38]. Ранее в другом исследовании с использованием опросника для оценки свойств внимания (*Attentional Control Scale, ACS*) был получен аналогичный результат: люди, которые сообщали о большей способности переключать и концентрировать свое внимание между разными задачами в повседневной жизни, демонстрировали более высокий уровень когнитивной эмпатии и более низкий уровень аффективной эмпатии [37]. Оба эти исследования позволяют сделать вывод о том, что способность к контролю внимания повышает проявления когнитивной эмпатии и снижает проявления аффективной эмпатии.

Подчеркивается ключевая роль произвольных стратегий регуляции эмпатии — как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения интенсивности эмпатического сопереживания [43].

Стратегии регуляции эмоциональной эмпатии достаточно разнообразны, в том числе: 1) подавление (*suppression*) — блокирование мыслей о страдающих людях; 2) переосмысление (*reframing*) — новая интерпретация эмоционального состояния другого, дистанцирование, переформулирование контекста ситуации; 3) контроль воздействующих факторов (*exposure control*) — устранение либо,

напротив, поиск стимулов, индуцирующих эмпатию.

Стратегии регуляции когнитивной эмпатии — это различные приемы повышения эмпатической точности процесса “чтения мыслей” другого (поиск релевантной информации, пересмотр прогнозистических суждений и т.д.).

Центральная идея этого исследования заключается в том, что темная сторона эмпатии обусловлена плохой саморегуляцией, вследствие чего эмпатии оказывается либо слишком много, либо слишком мало — и тогда наблюдаются негативные психологические последствия.

В случае чрезмерно высокого уровня аффективной эмпатии имеет место “уход” в собственное страдание, тогда как в случае чрезмерно низкого ее уровня — эмоциональная черствость. Примерами негативных последствий высокого уровня аффективной эмпатии является профессиональное выгорание, низкого уровня — профессиональная деформация.

В случае чрезмерно высокого уровня когнитивной эмпатии отмечается потеря Я в силу полного замещения своей самости позицией партнера, тогда как в случае чрезмерно низкого ее уровня — эгоцентризм как доминирующая проекция собственной точки зрения при игнорировании позиции партнера. Примерами негативных последствий высокого уровня когнитивной эмпатии являются ситуации, когда люди (сотрудники либо жены), находящиеся в оскорбительных отношениях, посвящают много времени и усилий выяснению

и предотвращению причин гнева партнера (начальника либо мужа), хотя более эффективной была бы стратегия выхода из подобных отношений. В свою очередь, низкий уровень когнитивной эмпатии провоцирует многочисленные “пропуски” в оценке тех состояний партнеров, которые позже выливаются в открытый конфликт или “неожиданный” разрыв отношений.

Таким образом, эмпатия предполагает включение механизмов непроизвольной и произвольной саморегуляции. Следовательно, можно говорить о важной роли метакогнитивных способностей в процессе порождения эмпатического сопереживания.

Важно подчеркнуть, что процессы ментализации (концептуализации) и саморегуляции теснейшим образом взаимосвязаны. В частности, согласно исследованиям в рамках “модели психического”, формирование представления о психическом состоянии другого человека включает в свой состав действие такого базового механизма, как когнитивный контроль [16].

Итак, можно предположить, что критерии расщепления полюсов эмпатии — это мера сформированности (и мера взаимодействия) концептуальных и метакогнитивных способностей (рис. 1).

Согласно рис. 1, в равной мере высокие показатели эмпатии могут скрывать радикально *разные формы эмпатии* с разным ресурсным потенциалом. При сочетании высокой эмпатии с высоким уровнем концептуальных и метакогнитивных способностей можно говорить о “концептуальной эмпатии”,

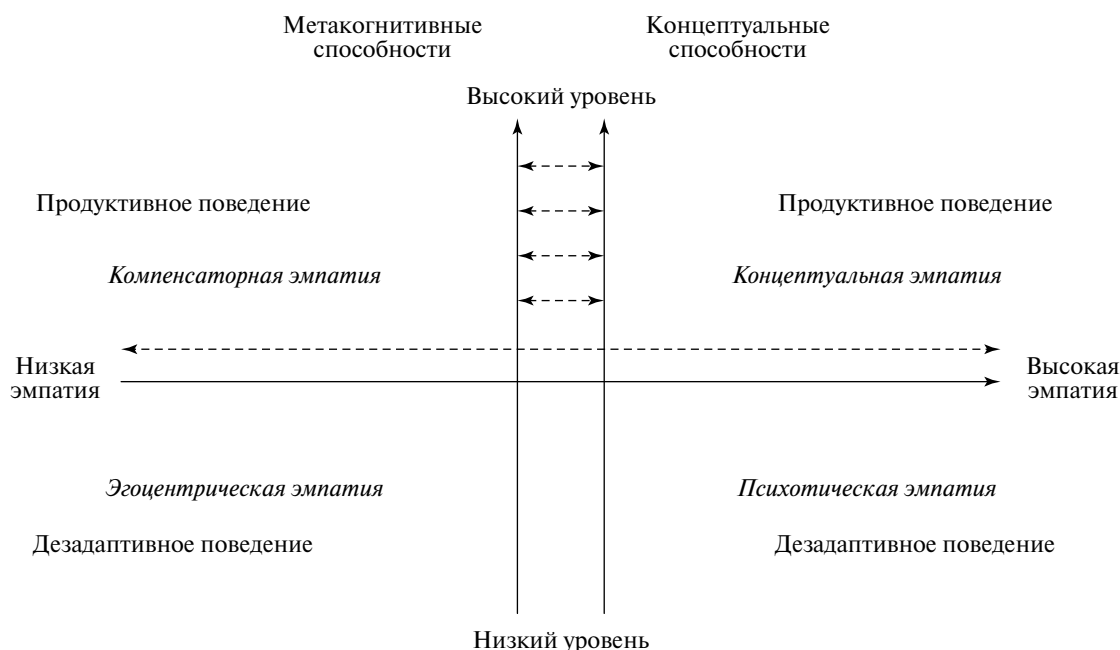

Рис. 1. Эффект расщепления высоких и низких показателей эмпатии

предполагающей построение объективированной содержательной модели состояния другого человека с учетом контекста конкретной ситуации и позволяющей изменять интенсивность эмпатического переживания от максимума до минимума. При сочетании высокой эмпатии с низким уровнем концептуальных и метакогнитивных способностей имеет место “психотическая эмпатия”, которая характеризуется генерализованным эмоциональным заражением, фиксированностью и когнитивными искажениями по типу “как хочу, так и понимаю”.

Аналогично в равной мере низкие показатели эмпатии могут скрывать радикально разные формы эмпатии с разным ресурсным потенциалом. При сочетании низкой эмпатии с высоким уровнем концептуальных и метакогнитивных способностей формируется “компенсаторная эмпатия”, отличающаяся наличием объективированной содержательной модели состояния другого человека, включая ситуационный контекст, и включением механизма регуляции интенсивности эмпатического переживания, вплоть до его блокирования. При сочетании низкой эмпатии с низким уровнем концептуальных и метакогнитивных способностей можно констатировать наличие “эгоцентрической эмпатии”, которая характеризуется эмоциональной фиксацией (эмоциональной тупостью) и когнитивными искажениями по типу “понимаю только то и так, как мне выгодно”.

Подчеркнем, что концептуальная эмпатия и компенсаторная эмпатия предполагают *интеграцию* (взаимодействие) концептуальных и метакогнитивных способностей (короткие горизонтальные стрелки на рис. 1) и *мобильность* эмпатического сопереживания в виде возможности обратимого перемещения от одного полюса к другому (одна длинная горизонтальная стрелка на рис. 1), тогда как психотическая эмпатия и эгоцентрическая эмпатия характеризуются дезинтеграцией этих двух видов интеллектуальных способностей и фиксированностью эмпатического переживания.

Эмпатия, сопряженная с концептуальными и метакогнитивными способностями, выступает в качестве эмпатии высшего уровня (концептуальная и компенсаторная эмпатия), при этом она может регулировать нижележащие уровни эмпатического переживания, способствуя тем самым становлению адаптационного потенциала личности. Если концептуальные и метакогнитивные способности развиты слабо (эгоцентрическая и психотическая эмпатия), то происходит регресс эмпатических переживаний на нижележащие уровни, что проявляется в ряде негативных последствий (усилении эмоционального выгорания, росте тревожности

и агрессии, формировании “темных сторон” личности и т.п.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ феномена эмпатии доказывает ее многомерную природу, которая объясняет возможность ее конструктивных и деструктивных проявлений. Многомерность эмпатии характеризуется тремя взаимосвязанными аспектами: во-первых, сложность состава с учетом специфики функций разных компонентов, во-вторых, разноразностность в виде наличия в эмпатическом переживании низшего и высшего уровней эмоционального реагирования и, в-третьих, эффект расщепления высоких и низких показателей эмпатии.

Можно предположить, что решающую роль в эффекте расщепления высоких и низких показателей эмпатии играют концептуальные способности (способность мысленно строить ментальную модель эмоционального состояния другого человека) и метакогнитивные способности (способность к непроизвольной и произвольной саморегуляции собственных эмоциональных состояний). Возможность сочетания высокой либо низкой эмпатии с мерой сформированности этих способностей позволяет утверждать, что высокая эмпатия это не всегда хорошо, а низкая эмпатия это не всегда плохо.

Большинство негативных последствий эмпатии интерпретируется в психологических исследованиях чаще всего как ошибка измерения, поэтому конструктивные проявления низкой эмпатии почти не описаны в литературе. Эмпатию свойственно отождествлять прежде всего с позитивными эффектами раскрытия личностных возможностей при игнорировании “артефактов” в виде альтернативных данных. Учет эффекта “расщепления” показателей эмпатии позволит избежать этой нежелательной стороны психологических исследований.

На наш взгляд, эффект расщепления психологических показателей имеет универсальный характер. Ранее он был описан на материале исследований когнитивных стилей [20], психометрического интеллекта и психометрической креативности [21], стратегий совладания [22], рефлексии [23]. Теперь аналогичные закономерности обнаружены в отношении эмпатии.

Расширение спектра исследований эффектов расщепления по отношению как к способностям, так и личностным свойствам является предпосылкой более глубокого понимания природы психических

явлений с учетом сложности их организации и нелинейного характера их проявлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусова А.И., Гейвандова М.Я. Когнитивная и аффективная эмпатия: апробация опросника на российской выборке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2021. Т. 31. № 2. С. 6–20.
2. Бережковская Е.Л., Радинская Н.Г. Культурно-историческая и гуманистическая психология: возможные точки схода (эмпатия как высшая психическая функция) // Вестник РГГУ. 2006. № 1. С. 126–145.
3. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информационно-издательский дом “Филинь”, 1996.
4. Будаговская Н.А., Дубровская С.В., Карягина Т.Д. Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 1. С. 202–227.
5. Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Дронова Д.А., Апалькова Ю.И. Эмпатия, тревожность и агрессия у московских студентов // Этнографическое обозрение. 2019. № 5. С. 169–188.
6. Валиева Ф.И. Резилиантность как фактор социально-профессиональной адаптации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reziliantnost-kak-faktor-sotsialno-professionalnoy-adaptatsii> (дата обращения: 03.03.2023).
7. Капранов К.С., Левин В.И., Звездина Г.П. Психологические особенности педагогов с различным уровнем эмпатии // Научный альманах (Психологические науки). 2021. № 7–1 (81). С. 142–145.
8. Карягина Т.Д., Кухтова Н.В. Тест эмпатии М. Дэвиса: содержательная валидность и адаптация в межкультурном контексте // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 4. С. 33–61.
9. Кашапов М.М., Смирнов А.А., Соловьева Е.В., Серафимович И.В. Эмпатия как ресурс жизнестойкости студентов при адаптации к вузу // Сибирский психологический журнал. 2022. № 86. С. 119–138.
10. Клименкова Е.Н. Развитие ментализации и эмпатии в онтогенезе: обзор эмпирических исследований // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 4. С. 126–137.
11. Корнилова Т.В. Эмпатия в структурах интеллектуально-личностного потенциала: Единство интеллекта и аффекта // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 57–68.
12. Михалкина С.А., Анисимова К.С. Исследование взаимосвязи эмпатии и жизнестойкости студентов педагогического вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75 (2).
13. Нуркова В.В. Культурное развитие эмпатии-отождествления и эмпатии-моделирования // Национальный психологический журнал. 2020. № 4 (40). С. 3–17.
14. Обозов Н.Н. Психология межличностных отношений. Киев: Лыбидь, 1990.
15. Ожиганова Г.В. Духовно-нравственные качества личности и эмпатия как компоненты высших моральных способностей: верификация взаимосвязи на российской выборке // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 4. С. 637–655.
16. Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И. Модель психического: Структура и динамика. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020.
17. Смирнов А.А., Соловьева Е.В. Взаимосвязь подверженности фашизму и каналов эмпатии у студентов // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социоконетика. 2021. Т. 27. № 1. С. 71–76.
18. Смирнов А.А., Соловьева Е.В. Рефлексивность и вариативность поведения на разных уровнях эмпатии при адаптации студентов // Ярославский психологический вестник. 2022. № 2 (53). С. 37–44.
19. Соловьева Е.В. Выраженность параметров эмпатии при уровнях авторитарной агрессии // Методология современной психологии. № 14. М.-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2021. С. 123–127.
20. Холодная М.А. Когнитивные стили: о своеобразии индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004.
21. Холодная М.А. Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: теоретические и методические следствия // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 18–31.
22. Холодная М.А. Понятийные способности и эффективность совладающего поведения // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.А. Холодная, П.А. Сабадош. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. С. 141–149.
23. Холодная М.А. Светлые и темные стороны рефлексии и арефлексии: эффект расщепления // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 4. С. 15–26.
24. Шадриков В.Д. Системогенез ментальных качеств человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2022. 287 с.
25. Юдина Т.О. Эмпатия и мораль: место встречи (обзор зарубежных исследований) // Шаги / Steps. 2017. Т. 3 (1). С. 28–39.
26. Юсупов И.М. Психология эмпатии (теоретические и прикладные аспекты): Дис. ... д-ра психол. наук. СПб.: С-Петербург. гос. Ун-т, 1995.
27. Яшкова А.Н., Милаева К.А. Агрессия и эмпатия подростков // Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии. 2020. № 1. С. 82–87.

28. Bloom P. Empathy and Its Discontents // Trends in Cognitive Sciences. 2017. V. 21. № 1. P. 24–31.
29. Bošnjaković J., Radionov T. Empathy: Concepts, Theories and Neuroscientific Basis // Alcoholism and Psychiatry Research. 2018. № 54. P. 123–150.
30. Cameron C.D., Hutcherson C.A., Ferguson A.M., Schefker J.A., Hadjiandreou E., Inzlicht M. Empathy is hard work: People choose to avoid empathy because of its cognitive costs // Journal of Experimental Psychology: General. 2019. V. 148 (6). P. 962–976.
31. Coplan A. Understanding Empathy: Its Features and Effects // Coplan A., Goldie P. (eds). Empathy. Philosophical and Psychological Perspectives. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 3–18.
32. Davis M.H. Measuring Individual Differences in Empathy: Evidence for a Multidimensional Approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. V. 44. № 1. P. 113–126.
33. Decety J., Jackson Ph.L. The Functional Architecture of Human Empathy // Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews. 2004. V. 3 (2). P. 71–100.
34. Decety J., Cowell J. The complex relation between morality and empathy // Trends in Cognitive Sciences. 2014. V. 18. № 7. P. 337–339.
35. Gleichgerrecht E., Young L. Low levels of empathic concern predict utilitarian moral judgment // PLoS One. 2013. V. 8. № 4.
36. Goldman A.I. Two routes to empathy: Insights from cognitive neuroscience // In Coplan A., Goldie P. (eds). Empathy. Philosophical and Psychological Perspectives. N.Y.: Oxford University Press, 2011.
37. Goodhew S.C., Edwards M. Attentional control both helps and harms empathy // Cognition. 2021. 206. Art. 104505.
38. Goodhew S.C., Edwards M. The relation between cognitive failures and empathy // Personality and Individual Differences. 2022. 186. Art. 111384.
39. Hakansson Eklund J., Summer Meranius M. Toward a consensus on the nature of empathy: A review of reviews // Patient Education and Counseling. 2020. V. 104 (2). P. 300–307.
40. Hall J.A., Schwartz R. Empathy present and future // The Journal of Social Psychology. 2018. P. 1–19.
41. Hengartner M.P., Ajdacic-Gross V., Rodgers S., Muller M., Haker H., Rossler W. Fluid intelligence and empathy in association with personality disorder traitscores: exploring the link // European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience. 2014. V. 264. P. 441–448.
42. Heym N., Kibowski F., Bloxson C., Blanchard A., Harper A., Wallace L., Firth J., Sumich A. The Dark Empathy: Characterising dark traits in the presence of empathy. Personality and Individual Differences. 2020. 169. Art. 110172.
43. Hodges S.D., Biswas-Diener R. Balancing the empathy expense account: Strategies for regulating empathic response // T.F.D. Farrow, P.W.R. Woodruff (eds). Empathy in mental illness. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2007. P. 389–407.
44. Jonason P.K., Kroll Ch.H. A Multidimensional View of the Relationship Between Empathy and the Dark Triad // J. of Individual Differences. 2015. V. 36 (3). P. 150–157.
45. Jordan M.R., Amir D., Bloom P. Are Empathy and Concern Psychologically Distinct? // Emotion. Advance online publication. 2016.
46. Kanske P., Bockler A., Trautwein F.M., Parianen Lesemann F.H., Singer T. Are strong empathizers better mentalizers? Evidence for independence and interaction between the routes of social cognition // Social, Cognitive and Affective Neuroscience. 2016. V. 11 (9). P. 1383–1392.
47. Kaukiainen A., Björkqvist K., Lagerspetz K., Österman K., Salmivalli Ch., Rothberg S., Ahlbom A. The relationship between social intelligence, empathy, and three types of aggression // Aggressive Behavior. 1999. V. 25. P. 81–89.
48. Lovett B.J., Sheffield R.A. Affective empathy deficits in aggressive children and adolescents: A critical review // Clinical Psychology Review. 2007. V. 27. P. 1–13.
49. McFarland D.C., Malone A.K., Roth A. Acute empathy decline among resident physician trainees on a hematology-oncology ward: an exploratory analysis of house staff empathy, distress, and patient death exposure // Psycho-Oncology. 2017. V. 26. № 5. C. 698–703.
50. Merle-Marie P., Marije R., Lea Jasmin S.F., Anne-lieke M.R. Social Anxiety and Empathy: A Systematic Review and Meta-analysis // Journal of Anxiety Disorders. 2021. V. 78.
51. Miller P.A., Eisenberg N. The relation of empathy to aggressive and externalizing/antisocial behavior // Psychological Bulletin. 1988. V. 103. P. 324–344.
52. Salavera C., Usan P., Teruel P., Urbon E., Murillo V. School Bullying: Empathy among Perpetrators and Victims // Sustainability. 2021. V. 13. Art. 1548.
53. Vachon D.D., Lynam D.R., Johnson J.A. The (non)relation between empathy and aggression: surprising results from a meta-analysis // Psychological Bulletin. 2014. V. 140. № 3. P. 751–773.
54. Van Lissa C.J., Skyler T.H., Susan B., Koot H.M., Wim H.J. Common and unique associations of adolescents' affective and cognitive empathy development with conflict behavior towards parents // Journal of Adolescence. 2016. V. 47. P. 60–70.
55. Walter H. Social Cognitive Neuroscience of Empathy: Concepts, Circuits, and Genes // Emotion Review. 2012. V. 4. № 1. P. 9–17.

CONSTRUCTIVE AND DESTRUCTIVE ASPECTS OF EMPATHY AS A CONSEQUENCE OF ITS MULTIDIMENSIONAL NATURE

M. A. Kholodnaya^{1,*}, E. V. Solovyeva^{2,**}

¹*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.*

²*Demidov Yaroslavl State University;
150003, Yaroslavl, Matrosov Passage, 9, Russia.*

**ScD (Psychology), Professor, Chief Scientific Officer of Laboratory of Psychology of Abilities and Mental Resources Named after V.N. Druzhinin.*

E-mail: kholod1949@yandex.ru

***Assistant of the chair of pedagogy and pedagogical psychology.*

E-mail: solovyeva.ev205@gmail.com

Received 27.10.2022

Abstract. Research objective: to consider possible causes of psychological heterogeneity of empathy [its constructive and destructive manifestations]. The specifics of the functions of different components and different levels of empathy in relation to the characteristics of mental activity are analyzed. Constructive and destructive manifestations of empathy are described, which are expressed both at the pole of high empathy and at the pole of low empathy. The existence of the splitting effect of both high and low indicators of empathy with the allocation of its productive and unproductive components is substantiated. The criterion for splitting the poles of empathy is the measure of formation [and the measure of interaction] of conceptual and metacognitive abilities. Thus, the multidimensional nature of empathy is characterized by three aspects: firstly, the complexity of the composition, taking into account the specifics of the functions of different components, secondly, the multilevel [the presence of lower and higher levels of emotional response] and, thirdly, the effect of splitting high and low empathy.

Keywords: empathy, multidimensionality of mental properties, “splitting effect”, conceptual and metacognitive abilities.

REFERENCES

1. Belousova A.I., Gejvandova M.Ya. Kognitivnaya i afektivnaya empatiya: aprobatsiya oprosnika na rossijskoj vyborke. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Psihologicheskie nauki. 2021. V. 31. № 2. P. 6–20. (In Russian)
2. Berezhkovskaya E.L., Radinskaya N.G. Kul'turno-istoricheskaya i gumanisticheskaya psihologiya: vozmozhnye tochki skhoda (empatiya kak vysshaya psihicheskaya funkciya). Vestnik RGGU. 2006. № 1. P. 126–145. (In Russian)
3. Bojko V.V. Energiya emocij v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugih. Moscow: Informacionno-izdatel'skij dom “Filin”, 1996. (In Russian)
4. Budagovskaya N.A., Dubrovskaya S.V., Karyagina T.D. Adaptatsiya mnogofaktornogo oprosnika empatii M. Devisa. Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya. 2013. № 1. P. 202–227.
5. Burkova V.N., Butovskaya M.L., Dronova D.A., Apal'-kova Yu.I. Empatiya, trevozhnost' i agressiya u moskovskih studentov. Etnograficheskoe obozrenie. 2019. № 5. P. 169–188. (In Russian)
6. Valieva F.I. Rezilientnost' kak faktor social'no-professional'noj adaptatsii, Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezilientnost-kak-faktor-sotsialno-professionalnoy-adaptatsii> (date of access: 03.03.2023). (In Russian)
7. Kapranov K.S., Levin V.I., Zvezdina G.P. Psihologicheskie osobennosti pedagogov s razlichnym urovnem empatii. Nauchnyj al'manah (Psihologicheskie nauki). 2021. № 7–1 (81). P. 142–145. (In Russian)
8. Karyagina T.D., Kuhtova N.V. Test empatii M. Devisa: soderzhatel'naya validnost' i adaptatsiya v mezhekul'turnom kontekste. Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya. 2016. V. 24. № 4. P. 33–61. (In Russian)
9. Kashapov M.M., Smirnov A.A., Solov'eva E.V., Serafimovich I.V. Empatiya kak resurs zhiznestojkosti studentov pri adaptatsii k vuzu. Sibirskij Psihologicheskii zhurnal. 2022. № 86. P. 119–138. (In Russian)
10. Klimenkova E.N. Razvitie mentalizatsii i empatii v ontogeneze: obzor empiricheskikh issledovanij. Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya. 2016. V. 24. № 4. P. 126–137. (In Russian)
11. Kornilova T.V. Empatiya v strukturah intellektual'no-lichnostnogo potentsiala: Edinstvo intellekta i affekta.

- Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 3. P. 57–68. (In Russian)
12. *Mihalkina S.A., Anisimova K.S.* Issledovanie vzaimosvyazi empatii i zhiznestojkosti studentov pedagogicheskogo vuza. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022. № 75 (2). (In Russian)
 13. *Nurkova V.V.* Kul'turnoe razvitie empatii-otozhdestvleniya i empatii-modelirovaniya. Nacional'nyj Psikhologicheskii zhurnal. 2020. № 4 (40). P. 3–17. (In Russian)
 14. *Obozov N.N.* Psihologiya mezhlichnostnyh otnoshenij. Kiev: Lybid', 1990. (In Russian)
 15. *Ozhiganova G.V.* Duhovno-nravstvennye kachestva lichnosti i empatiya kak komponenty vysshih moral'nyh sposobnostej: verifikaciya vzaimosvyazi na rossijskoj vyborke. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya Psihologiya i pedagogika. 2020. V. 17. № 4. P. 637–655. (In Russian)
 16. *Sergienko E.A., Ulanova A.Yu., Lebedeva E.I.* Model' psicheskogo: Struktura i dinamika. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2020. (In Russian)
 17. *Smirnov A.A., Solov'eva E.V.* Vzaimosvyaz' podverzhenosti fashizmu i kanalov empatii u studentov. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika, 2021. V. 27. № 1. P. 71–76. (In Russian)
 18. *Smirnov A.A., Solov'eva E.V.* Refleksivnost' i variativnost' povedeniya na raznyh urovnjah empatii pri adaptacii studentov. Yaroslavskij psikhologicheskij vestnik. 2022. № 2 (53). P. 37–44.
 19. *Solov'eva E.V.* Vyrashennost' parametrov empatii pri urovnjah avtoritarnoj agressii. Metodologiya sovremennoj psihologii. № 14. M.-Yaroslavl': YarGU, LKIISI RAN, MAPN, 2021. P. 123–127. (In Russian)
 20. *Holodnaya M.A.* Cognitivnye stili: o svoeobrazii individual'nogo uma. SPb.: Piter, 2004.
 21. *Holodnaya M.A.* Mnogomernaya priroda pokazatelej intellekta i kreativnosti: teoreticheskie i metodicheskie sledstviya. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 3. P. 18–31. (In Russian)
 22. *Holodnaya M.A.* Ponyatijnye sposobnosti i effektivnost' sovladayushchego povedeniya. Sposobnosti i mental'nye resursy cheloveka v mire global'nyh peremen. Eds. A.L. Zhuravlyov, M.A. Holodnaya, P.A. Sabadosh. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2020. P. 141–149. (In Russian)
 23. *Holodnaya M.A.* Svetlye i temnye storony refleksii i arefleksii: effekt rasshchepleniya. Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 4. P. 15–26. (In Russian)
 24. *Shadrikov V.D.* Sistemogenez mental'nyh kachestv cheloveka. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2022. 287 p. (In Russian)
 25. *Yudina T.O.* Empatiya i moral': mesto vstrechi (obzor zarubezhnyh issledovanij. Shagi. Steps. 2017. V. 3 (1). P. 28–39. (In Russian)
 26. *Yusupov I.M.* Psihologiya empatii (teoreticheskie i prikladnye aspekty): Dis. ... d-ra psihol. nauk. St. Petersburg: S-Peterb. gos. un-t, 1995. (In Russian)
 27. *Yashkova A.N., Milaeva K.A.* Agressiya i empatiya podrostkov. Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya sovremennoj psihologii. 2020. № 1. P. 82–87. (In Russian)
 28. *Bloom R.* Empathy and Its Discontents. Trends in Cognitive Sciences. 2017. V. 21. № 1. R. 24–31.
 29. *Bošnjaković J., Radionov T.* Empathy: Concepts, Theories and Neuroscientific Basis. Alcoholism and Psychiatry Research. 2018. № 54. P. 123–150.
 30. *Cameron C.D., Hutcherson C.A., Ferguson A.M., Schaffer J.A., Hadjiandreou E., Inzlicht M.* Empathy is hard work: People choose to avoid empathy because of its cognitive costs. Journal of Experimental Psychology: General. 2019. V. 148 (6). P. 962–976.
 31. *Coplan A.* Understanding Empathy: Its Features and Effects. Coplan A., Goldie P. (eds). Empathy. Philosophical and Psychological Perspectives. New York: Oxford University Press, 2011. P. 3–18.
 32. *Davis M.H.* Measuring Individual Differences in Empathy: Evidence for a Multidimensional Approach. Journal of Personality and Social Psychology. 1983. V. 44. № 1. P. 113–126.
 33. *Decety J., Jackson Ph.L.* The Functional Architecture of Human Empathy. Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews. 2004. V. 3 (2). R. 71–100.
 34. *Decety J., Cowell J.* The complex relation between morality and empathy. Trends in Cognitive Sciences. 2014. V. 18. № 7. P. 337–339.
 35. *Gleichgerrecht E., Young L.* Low levels of empathic concern predict utilitarian moral judgment. PLoS One. 2013. V. 8. № 4.
 36. *Goldman A.I.* Two routes to empathy: Insights from cognitive neuroscience. Coplan A., Goldie P. (eds). Empathy. Philosophical and Psychological Perspectives. New York: Oxford University Press, 2011.
 37. *Goodhew S.C., Edwards M.* Attentional control both helps and harms empathy. Cognition. 2021. 206. Art. 104505.
 38. *Goodhew S.C., Edwards M.* The relation between cognitive failures and empathy // Personality and Individuals Differences. 2022. 186. Art. 111384.
 39. *Hakansson Eklund J., Summer Meranius M.* Toward a consensus on the nature of empathy: A review of reviews. Patient Education and Counseling. 2020. V. 104 (2). P. 300–307.
 40. *Hall J.A., Schwartz R.* Empathy present and future. The Journal of Social Psychology. 2018. P. 1–19.
 41. *Hengartner M.P., Ajdacic-Gross V., Rodgers S., Muller M., Haker H., Rossler W.* Fluid intelligence and empathy in association with personality disorder traitscores: exploring the link. European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience. 2014. V. 264. P. 441–448.

42. Heym N., Kibowski F., Bloxsom C., Blanchard A., Harper A., Wallace L., Firth J., Sumich A. The Dark Empath: Characterising dark traits in the presence of empathy. *Personality and Individual Differences*. 2020. 169. Art. 110172.
43. Hodges S.D., Biswas-Diener R. Balancing the empathy expense account: Strategies for regulating empathic response. T.F.D. Farrow, P.W.R. Woodruff (eds). *Empathy in mental illness*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2007. P. 389–407.
44. Jonason P.K., Kroll Ch.H. A Multidimensional View of the Relationship Between Empathy and the Dark Triad. *J. of Individual Differences*. 2015. V. 36 (3). P. 150–157.
45. Jordan M.R., Amir D., Bloom P. Are Empathy and Concern Psychologically Distinct? *Emotion*. Advance online publication. 2016.
46. Kanske P., Bockler A., Trautwein F.M., Parianen Lese-mann F.H., Singer T. Are strong empathizers better mentalizers? Evidence for independence and interaction between the routes of social cognition. *Social, Cognitive and Affective Neuroscience*. 2016. V. 11 (9). P. 1383–1392.
47. Kaukiainen A., Björkqvist K., Lagerspetz K., Österman K., Salmivalli Ch., Rothberg S., Ahlbom A. The relationship between social intelligence, empathy, and three types of aggression. *Aggressive Behavior*. 1999. V. 25. P. 81–89.
48. Lovett B.J., Sheffield R.A. Affective empathy deficits in aggressive children and adolescents: A critical review. *Clinical Psychology Review*. 2007. V. 27. P. 1–13.
49. McFarland D.C., Malone A.K., Roth A. Acute empathy decline among resident physician trainees on a hematology-oncology ward: an exploratory analysis of house staff empathy, distress, and patient death exposure. *Psychology-Oncology*. 2017. V. 26. № 5. P. 698–703.
50. Merle-Marie P., Marije R., Lea Jasmin S.F., Anne-lieke M.R. Social Anxiety and Empathy: A Systematic Review and Meta-analysis. *Journal of Anxiety Disorders*. 2021. V. 78.
51. Miller P.A., Eisenberg N. The relation of empathy to aggressive and externalizing/antisocial behavior. *Psychological Bulletin*. 1988. V. 103. P. 324–344.
52. Salavera C., Usan P., Teruel P., Urbon E., Murillo V. School Bullying: Empathy among Perpetrators and Victims. *Sustainability*. 2021. V. 13. Art. 1548.
53. Vachon D.D., Lynam D.R., Johnson J.A. The (non)relation between empathy and aggression: surprising results from a meta-analysis. *Psychological Bulletin*. 2014. V. 140. № 3. P. 751–773.
54. Van Lissa C.J., Skyler T.H., Susan B., Koot H.M., Wim H.J. Common and unique associations of adolescents' affective and cognitive empathy development with conflict behavior towards parents. *Journal of Adolescence*. 2016. V. 47. P. 60–70. 53.
55. Walter H. Social Cognitive Neuroscience of Empathy: Concepts, Circuits, and Genes. *Emotion Review*. 2012. V. 4. № 1. P. 9–17.

УДК 159.9

СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ ПРИ РЕШЕНИИ “ИНСАЙТНЫХ” ЗАДАЧ¹

© 2024 г. А. С. Власова*, М. А. Левшина**, Э. С. Шипилова***, Д. В. Косолапова****

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кафедра общей психологии;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.

E-mail: arina.vlasova@student.msu.ru

**Московский государственный лингвистический университет;
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Россия.

E-mail: a4891632@yandex.ru

***Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет психологии,
кафедра психологии образования и педагогики;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.

E-mail: shipilova_erika@mail.ru

****Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
кафедра нейро- и патопсихологии;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.

E-mail: semi-dariya@yandex.ru

Поступила 18.09.2023

Аннотация. В работе предпринималась попытка изучить субъективные оценки испытуемых, связанные с решением классических “инсайтных” задач. Испытуемым предлагалось решить три инсайтных задачи (“Задача со спичками”, “Бегун”, “9 точек”) и одну аналитическую (“Отец и сыновья”). После успешного решения требовалось дать субъективную оценку найденному решению (пришло ли оно при помощи инсайта или же было неинсайтным). Ожидалось, что при решении “инсайтных” задач испытуемые чаще будут описывать свое решение как инсайтное. Полученные результаты опровергли выдвинутую гипотезу. Решение инсайтных задач испытуемые чаще оценивали как найденные в результате аналитического решения “шаг за шагом”. На основании полученных данных делается предположение о том, что субъективная оценка отражает общую характеристику процесса решения.

Ключевые слова: мышление, творчество, креативность, инсайт, решение задач, инсайтная задача.

DOI: 10.31857/S0205959224010041

ВВЕДЕНИЕ

Феномен инсайта является одной из изучаемых в психологии мышления. Инсайт может быть описан как правильное решение задачи, которое возникает внезапно после нескольких непродуктивных попыток ее решения, причем решатель не способен описать шаги, приведшие к нему. Также инсайт часто вызывает всплеск положительных эмоций (“Ага!”-реакция) [7; 18].

Несмотря на длительную историю исследования феномена, вопрос о его психологических и нейрональных механизмах не закрыт. Можно выделить два направления в современных исследованиях инсайта.

Первое из них связано с классическим представлением об инсайте как результате резкого изменения неверной репрезентации задачи, которое приводит к моментальному обнаружению решения [5]. Исходя из такого определения любая задача, в условиях которой изначально заложена неверная репрезентация, не может быть решена никаким другим образом, кроме инсайта. В литературе такие задачи получили название “инсайтные” [1; 3]. К “инсайтным” относятся “задача со спичками” [14], задача “9 точек” [4; 16], а также многочисленные так называемые задачи “на логику”, например “Бегун Флеш Флитфорт” [1]. Инсайтным задачам противопоставляются задачи “неинсайтные” — задачи, решаемые по шагам известным решателю методом или при помощи проб и ошибок. К подобным задачам можно отнести задачи “Ханойская башня”, задачи Лачинса с кувшинами и др. [3].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-28-01371.

В исследованиях, проводимых в рамках этого направления, инсайт изучается путем анализа решений инсайтных и неинсайтных задач испытуемыми. При этом от испытуемых не требуется субъективной оценки собственного решения. Их не спрашивают, пришло ли к ним решение внезапно и имела ли место “Aha!”-реакция. Предполагается, что при решении инсайтной задачи инсайт присутствует априори.

Анализ субъективной оценки решения лег в основу второго направления. В ряде работ было показано, что решатель может переживать инсайт при решении задач, которые инсайтными не являются. Так, испытуемые могут испытывать инсайт при решении анаграмм [6], поиске ассоциаций к предлагаемым словам [17; 18] и многих других задач. Следует отметить, что, решая такие задачи, часть из них испытуемый может решить инсайтно, а часть нет. Это позволяет сравнить механизмы инсайтного и неинсайтного решения на материале одной и той же задачи.

В исследованиях, проводимых в рамках данного направления, основное внимание уделяется не типу задачи, а субъективной оценке решателем собственного решения. После решения задачи испытуемых просят оценить, как они нашли решение. Форма субъективной оценки может быть как бинарной, когда испытуемого просят указать, испытывал он инсайт или нет [13], так и состоящей из большого числа вопросов. Например, в работе Эллис с коллегами после решения анаграмм испытуемые должны были оценить свое решение при помощи выбора одного из четырех утверждений, два из которых предполагали инсайтность решения [10]. Часто форма оценки может быть достаточно сложной и состоять из целого ряда порядковых шкал [8].

Анализ доступной литературы позволяет сделать вывод, что два вышеописанных направления в большинстве случаев существуют отдельно, не замещая друг друга методические подходы.

Целью настоящей работы было выяснить, какими будут субъективные оценки испытуемых при решении классических инсайтных и неинсайтных задач.

Гипотезой исследования послужило очевидное предположение, что решение классических инсайтных задач испытуемые будут в большей степени оценивать как инсайтное.

Учитывая, что в литературе нами не встречено работ демонстрирующих достоверные различия в работе психологических механизмов инсайта (на поведенческом уровне) или его субъективном

переживании у субъектов, принадлежащих к разным полам, фактор пола в нашей работе не учитывался.

МЕТОДИКА

В исследовании приняло участие 26 испытуемых, из них 17 девушек и 9 юношей. Средний возраст испытуемых составил 20.1 года.

В ходе исследования испытуемым предлагалось решить три инсайтных и одну неинсайтную задачу. Для исследования были отобраны задачи, в условиях которых изначально заложена неверная репрезентация и которые чаще упоминаются в литературе.

В качестве инсайтных были использованы следующие:

а) “Задача со спичками”. Испытуемому давалось неверное математическое выражение, составленное из спичек. Требовалось, изменив положение одной спички, сделать его верным [14];

б) Задача “9 точек”. От испытуемых требовалось соединить 9 точек фигурой из 4 прямых линий, не отрывая карандаша от бумаги [4; 16];

в) Задача “Бегун”. Условия задачи звучали следующим образом: “Легендарный бегун Флеш Флитфут был настолько быстр, что мог, выключив свет, добежать до кровати до того, как в комнате становилось темно. Как это возможно?” (он ложился спать днем) [1].

В качестве неинсайтной была выбрана задача “Отец и сыновья”: “Отец с двумя сыновьями отправился в поход. На их пути встретилась река, у берега которой находился плот. Плот может выдержать на воде или отца, или двух сыновей. Как переправиться на другой берег отцу и сыновьям?” (задача решается перебором решений).

Исследование проводилось онлайн² с использованием видеосервиса Zoom. Подобная форма исследования позволила нам назначать более удобное для испытуемого время проведения исследования, а также значительно снизила риск заражения сезонными респираторными инфекциями.

Экспериментальный материал (файл с условиями задач) высылался испытуемому по почте за 1–2 мин перед началом видеоконференции. В назначенное время испытуемый выходил на связь с экспериментатором, после чего ему сообщалось о высланном письме. Далее испытуемый открывал файл с задачами и приступал к решению.

² Данные собраны совместно с Баженовой Д.А., Чайкой А.Я. и Пилькиной А.Р.

В течение эксперимента испытуемый находился в зрительном и слуховом контакте с экспериментатором, что позволяло контролировать его добросовестность и условия проведения эксперимента.

После нахождения решения испытуемый сообщал ответ. В случае если решение было правильным, испытуемый должен был выбрать одно из четырех утверждений, которое лучше всего описывало бы поиск им решения.

Утверждения были взяты из работы Эллис с коллегами [10] и переведены на русский язык.

Утверждение 1: “Решение пришло в голову внезапно, из ниоткуда. Не знаю, что я сделал(а), чтобы получить ответ” (решение было инсайтным).

Утверждение 2: “Я пробовал(а) разные варианты решения. Но ни один не помог. Решение пришло в голову внезапно” (решение было инсайтным).

Утверждение 3: “Я пробовал(а) различные варианты решения. Я пришел(ла) к решению шаг за шагом” (решение не было инсайтным).

Утверждение 4: “Я не смог решить задачу”.

После этого испытуемый переходил к следующей задаче.

Если испытуемый не находил верного решения в течение трех попыток, задача считалась нерешенной и он переходил к следующей.

В ходе эксперимента экспериментатором фиксировались:

- число решенных задач;

- время решения задачи;
- утверждение, выбранное испытуемым.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В среднем испытуемые решили 70% задач (2.8 задачи из 4), что продемонстрировано в табл. 1.

Время решения задач различается, однако различия недостоверны ($F(3.36) = 2.343$; $p = 0.08$; табл. 2).

Распределение выбранных утверждений для каждой задачи представлено в табл. 3. Как можно видеть из таблицы, для каждой из задач испытуемые чаще выбирали утверждение 3 (неинсайтное). Однако достоверно больше (по сравнению со случайным распределением ответов) испытуемые аналитически решали “Задачу со спичками” ($\chi^2 = 8.750$; $p = 0.013$) и задачу “Отец и сыновья” ($\chi^2 = 9.6$; $p = 0.009$). Для остальных задач достоверных различий в распределении получено не было.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты не подтвердили выдвинутую гипотезу. При решении большинства инсайтных задач испытуемые чаще выбирали утверждения, не связанные с инсайтом. Особенно это было заметно для “Задачи со спичками”, трудность решения которой, по мнению ряда авторов, объясняется возникновением тупика, обусловленного неверной репрезентацией [14]. В нашей работе

Таблица 1. Общее число решенных задач

Задача	Число решений	%
“Задача со спичками” (инсайтн.)	17 из 26	65
“9 точек” (инсайтн.)	20 из 26	76
“Бегун” (инсайтн.)	13 из 26	50
“Отец и сыновья” (аналит.)	18 из 6	69

Таблица 2. Время решения задач, мин

Задача	<i>N</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	Min	Max
“Задача со спичками” (инсайтн.)	17	1.82	1.13	1	5
“9 точек” (инсайтн.)	20	2.3	2.08	1	9
“Бегун” (инсайтн.)	13	3.46	3.7	1	25
“Отец и сыновья” (аналит.)	18	1.5	1.2	1	5

Таблица 3. Число утверждений, выбранных при решении задач (%)

Задачи	<i>N</i>	Утверждение 1	Утверждение 2	Утверждение 3
“Задача со спичками” (инсайтн.)	17	1 (6)	2 (12)	14 (82)
“9 точек” (инсайтн.)	20	3 (15)	4 (20)	13 (65)
“Бегун” (инсайтн.)	13	2 (15)	4 (31)	7 (54)
“Отец и сыновья” (аналит.)	18	0	4 (23)	14 (77)

большинство испытуемых, решивших “Задачу со спичками”, оценили свое решение как неинсайтное — решение “шаг за шагом”. По этому показателю “Задача со спичками” не уступает задаче “Отец и сыновья”, показатели которой объясняются ее неинсайтностью.

Задачей с наибольшим количеством инсайтных решений оказалась задача “Бегун”. Однако и в этом случае соотношение всех трех типов утверждений достоверно не отличается.

На первый взгляд полученные результаты противоречат не только теоретическим представлениям о структуре инсайтных задач, но и некоторым эмпирическим данным. Так, в классической работе Меткалф испытуемые, решая инсайтные и неинсайтные задачи, также давали субъективную оценку решения. При решении от испытуемых требовалось оценивать степень субъективной близости к решению методом рейтинга “теплоты” (warmth values). Оказалось, что при решении неинсайтных задач оценки “теплоты” неуклонно возрастали, что отражало продвижение испытуемого к ответу шаг за шагом. В случае решения инсайтных задач у испытуемых наблюдался резкий, неожиданный скачок уверенности непосредственно перед решением [15].

Это противоречие может быть объяснено тем, что в работе Меткалф 9 из 12 использованных в исследовании инсайтных задач являются задачами “на логику”, схожими с использованной в нашем исследовании задачей “Бегун”. В нашем исследовании именно эта задача показала большее (по сравнению с остальными) число инсайтных решений. Можно предположить, что решения задач такого типа в силу неких причин чаще ощущаются как инсайтные. Косвенно это подтверждается и тем, что сама по себе методика рейтинга “теплоты” отражает специфику инсайта не во всех задачах. Например, в работе 2016 г. испытуемым предлагалось разгадать секрет магических фокусов, видеозаписи которых им предъявлялись. Сравнение рейтинга теплоты для инсайтных и неинсайтных решений этой задачи различий не выявило [12].

Результаты, полученные в нашем исследовании, могут иметь два объяснения.

Первое из них сводится к ненадежности метода субъективных оценок для определения инсайтности решения. Можно заключить, что решение задач, структура которых предполагает смену репрезентации, не вызывает переживания инсайта у испытуемых. Значит, субъект не способен верно рефлексировать механизмы, лежащие в основе собственного решения. Такая точка зрения отчасти

подтверждается исследованиями так называемых ложных инсайтов — ошибочных решений, которые переживались испытуемыми как инсайтные [9].

Однако есть и второе объяснение. Возможно, переживание инсайта не связано с конкретными когнитивными процессами, лежащими в их основе, а является некоей общей характеристикой процесса решения. Давно известно, что процесс решения задачи инсайтом не ограничивается. Согласно классической четырехстадийной модели творческого мышления Г. Уоллеса, инсайт является лишь одной из стадий, которой предшествует стадия формулировки проблемы и сознательной попытки ее решения [2]. Эта попытка, в свою очередь, завершается стадией тупика — невозможностью решения задачи вследствие неверной репрезентации [14]. И только преодоление тупика ведет к переживанию инсайта с последующей сознательной верификацией решения.

В ряде исследований показано, что эта схема не полностью описывает процесс решения задачи. Так, в работе Федор испытуемые решали задачу “Пять квадратов”. Анализ самоотчетов показал, что процесс решения задачи не ограничивался классической четырехстадийной моделью, а имел более сложную последовательность этапов решения [11]. В частности, состояние тупика в процессе решения повторялось не один раз [Там же]. Исходя из этого можно предположить, что и стадий инсайта при решении задачи может быть несколько. В результате можно предположить, что решение задачи может быть описано соотношением сознательных (попытки решения, стадии тупика, стадии верификации) и неосознанных (стадии инсайта, стадии инкубации) этапов ее решения. Возможно, субъективная оценка инсайтности решения может отражать именно это соотношение.

Подобное объяснение предполагает, что решения задач с заложенной в условиях ложной репрезентацией (какие использовались в нашем исследовании) в некоторых случаях могут переживаться как неинсайтные, если число неинсайтных этапов в процессе их решения преобладало над числом инсайтных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коровкин С.Ю., Владимиров И.Ю., Савинова А.Д. Динамика загрузки рабочей памяти при решении инсайтных задач // Российский журнал когнитивной науки. 2014. № 4. С. 67–81.
2. Любарт Т., Муширу К., Торджман С., Зенасни Ф. Психология креативности. М.: Когнито-Центр, 2009.

3. *Морошкина Н.В., Аммалайнен А.В., Савина А.И.* В погоне за инсайтом: современные подходы и методы измерения инсайта в когнитивной психологии // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 74. URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v13i74.163>
4. *Пономарев Я.А.* Психология творчества М.: Наука, 1976. 304 с.
5. *Спиридонов В., Лифанова С.С.* Инсайт и ментальные операторы, или можно ли пошагово решить инсайтную задачу // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 54–63.
6. *Bowden E.M.* The effect of reportable and unreportable hints on anagram solution and the Aha! Experience // *Consciousness and Cognition*. 1997. V. 6. № 4. URL: <https://doi.org/10.1006/ccog.1997.0325>
7. *Bowden E., Jung-beeman M., Fleck J., Kounios J.* New approaches to demystifying insight // *Trends in cognitive sciences*. 2005. V. 7. № 9. P. 322–328. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2005.05.012>
8. *Danek A., Fraps T., Von Müller A., Grothe B., Öllinger M.* It's a kind of magic — what self-reports can reveal about the phenomenology of insight problem solving // *Frontiers in psychology*. 2014. № 5. P. 1–11. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01408>
9. *Danek A., Wiley J.* What about false insights? deconstructing the aha! experience along its multiple dimensions for correct and incorrect solutions separately // *Frontiers in psychology*. 2017. № 7. P. 1–14. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.02077>
10. *Ellis J., Glaholt M., Reingold E.* Eye movements reveal solution knowledge prior to insight // *Consciousness and cognition*. 2011. V. 3. № 20. P. 768–776. URL: <https://doi.org/10.1016/j.concog.2010.12.007>
11. *Fedor A., Szathmáry E., Öllinger M.* Problem solving stages in the five square problem // *Frontiers in Psychology*. 2015. V. 6. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01050>
12. *Hedne M.R., Norman E., Metcalfe J.* Intuitive feelings of warmth and confidence in insight and noninsight problem solving of magic tricks // *Frontiers in Psychology*. 2016. V. 7. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01314>
13. *Jung-Beeman M., Bowden E., Haberman J., Frymiare J., Arambel-Liu S., Greenblatt R., Reber P., Kounios J.* Neural activity when people solve verbal problems with Insight // *PLoS Biology*. 2004. V. 2. № 4. P. 500–510.
14. *Knoblich G., Ohlsson S., Haider H., Rhenius D.* Constraint relaxation and chunk decomposition in insight problem solving // *Journal of experimental psychology: learning, memory, and cognition*. 1999. № 25. P. 1534–1555. URL: <https://doi.org/10.1037/0278-7393.25.6.1534>
15. *Metcalfe J., Wiebe D.* Intuition in insight and noninsight problem solving // *Memory & Cognition*. 1987. V. 15. № 3. P. 238–246.
16. *Maier N.R.* Reasoning in humans. II. The solution of a problem and its appearance in consciousness // *Journal of comparative Psychology*. 1931. V. 12. № 2. P. 181–194. URL: <https://doi.org/10.1037/h0071361>
17. *Novick L.R., Sherman S.J.* On the Nature of Insight Solutions: Evidence from Skill Differences in Anagram Solution // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A*. 2003. V. 56 № 2. P. 351–382. URL: <https://doi.org/10.1080/02724980244000288>
18. *Sprugnoli G., Simone R., Emmendorfer A., Alessandro R., Liew S., Tatti E., Di Lorenzo G., Pascual-leone A., Santarnecchi E.* Neural correlates of Eureka moment // *Intelligence*. 2017. № 62. P. 99–118. URL: <https://doi.org/10.1016/j.intell.2017.03.004>

SUBJECTIVE ASSESSMENTS FOR SOLVING “INSIGHT” TASKS³

A. S. Vlasova*, M. A. Levshina**, E. S. Shipilova***, D. V. Kosolapova****

*Lomonosov Moscow State University, Department of General Psychology;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11, bldg. 9, Russia.**E-mail: arina.vlasova@student.msu.ru****Moscow State Linguistic University;**119034, Moscow, Ostozhenka str., 38, bldg. 1, Russia.**E-mail: a4891632@yandex.ru*****Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Department of Psychology
of Education and Pedagogy;**125009, Moscow, Mokhovaya str., 11, bldg. 9, Russia.**E-mail: shipilova_erika@mail.ru******Lomonosov Moscow State University, Department of Neuro- and Pathopsychology;**125009, Moscow, Mokhovaya str., 11, bldg. 9, Russia.**E-mail: semi-dariya@yandex.ru*

Received 18.09.2023

Abstract. This work attempted to study abstract assessments of subjects associated with classical “insight” tasks. The subjects were asked to solve three insight problems (“The Match Problem”, “Runner”, “9 Dots”) and one analytical problem (“Father and Sons”). After making a decision, it was necessary to give a measurement assessment of the solution found (this was done using insight or was non-insight). It was expected that when solving “insight” problems, subjects would more often describe their solution as insightful. The results obtained refuted the hypothesis. Subjects more often assessed the solution to insight problems as having been found as a result of an analytical solution “step by step”. Based on the data obtained, it is assumed that the subjective assessment reflects the general characteristics of the decision process.

Keywords: thinking, creativity, insight, problem solving, insight task.

REFERENCES

1. Korovkin S.Ju., Vladimirov I.Ju., Savinova A.D. Dinamika zagruzki rabochej pamjati pri reshenii insajtnyh zadach. Rossijskij zhurnal kognitivnoj nauki. 2014. № 4. P. 67–81.
2. Ljubart T., Mushiru K. Tordzhman S., Zenasni F. Psihologija kreativnosti. Moscow: Kognito-Centr, 2009.
3. Moroshkina N.V., Ammalajnen A.V., Savina A.I. V pogone za insajtom: sovremennye podhody i metody izmerenija insajta v kognitivnoj psihologii. Psihologicheskie issledovanija. 2020. V. 13. № 74. URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v13i74.163>
4. Ponomarev Ja.A. Psihologija tvorчества. Moscow: Nauka, 1976. 304 p.
5. Spiridonov V., Lifanova S.S. Insajt i mental'nye operatory, ili mozno li poshagovo reshit' insajtnuju zadachu. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2013. V. 10. № 3. P. 54–63.
6. Bowden E.M. The effect of reportable and unreportable hints on anagram solution and the Aha! Experience. Consciousness and Cognition. 1997. V. 6. № 4. URL: <https://doi.org/10.1006/ccog.1997.0325>
7. Bowden E., Jung-beeman M., Fleck J., Kounios J. New approaches to demystifying insight. Trends in cognitive sciences. 2005. V. 7. № 9. P. 322–328. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2005.05.012>
8. Danek A., Fraps T., Von Müller A., Grothe B., Öllinger M. It's a kind of magic — what self-reports can reveal about the phenomenology of insight problem solving. Frontiers in psychology. 2014. № 5. P. 1–11. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01408>
9. Danek A., Wiley J. What about false insights? deconstructing the aha! experience along its multiple dimensions for correct and incorrect solutions separately. Frontiers in psychology. 2017. № 7. P. 1–14. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.02077>
10. Ellis J., Glaholt M., Reingold E. Eye movements reveal solution knowledge prior to insight. Consciousness and cognition. 2011. V. 3. № 20. P. 768–776. URL: <https://doi.org/10.1016/j.concog.2010.12.007>
11. Fedor A., Szathmáry E., Öllinger M. Problem solving stages in the five square problem. Frontiers in Psychology. 2015. V. 6. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01050>

³. The work was carried out with the financial support of the grant RSF № 22-28-01371.

12. *Hedne M.R., Norman E., Metcalfe J.* Intuitive feelings of warmth and confidence in insight and noninsight problem solving of magic tricks. *Frontiers in Psychology*. 2016. V. 7. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01314>
13. *Jung-Beeman M., Bowden E., Haberman J., Frymiare J., Arambel-Liu S., Greenblatt R., Reber P., Kounios J.* Neural activity when people solve verbal problems with Insight. *PLoS Biology*. 2004. V. 2. № 4. P. 500–510.
14. *Knoblich G., Ohlsson S., Haider H., Rhenius D.* Constraint relaxation and chunk decomposition in insight problem solving. *Journal of experimental psychology: learning, memory, and cognition*. 1999. № 25. P. 1534–1555. URL: <https://doi.org/10.1037/0278-7393.25.6.1534>
15. *Metcalfe J., Wiebe D.* Intuition in insight and noninsight problem solving. *Memory & Cognition*. 1987. V. 15. № 3. P. 238–246.
16. *Maier N.R.* Reasoning in humans. II. The solution of a problem and its appearance in consciousness. *Journal of comparative Psychology*. 1931. V. 12. № 2. P. 181–194. URL: <https://doi.org/10.1037/h0071361>
17. *Novick L.R., Sherman S.J.* On the Nature of Insight Solutions: Evidence from Skill Differences in Anagram Solution. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A*. 2003. V. 56. № 2. P. 351–382. URL: <https://doi.org/10.1080/02724980244000288>
18. *Sprugnoli G., Simone R., Emmendorfer A., Alessandro R., Liew S., Tatti E., Di Lorenzo G., Pascual-leone A., Santarnecchi E.* Neural correlates of Eureka moment. *Intelligence*. 2017. № 62. P. 99–118. URL: <https://doi.org/10.1016/j.intell.2017.03.004>

УДК 159.9

ОТНОШЕНИЕ К НОГТЯМ В КАЧЕСТВЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГРАНИЦЫ ТЕЛЕСНОГО Я

© 2024 г. Т. А. Ребеко

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии
способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина.

E-mail: rebekota@yandex.ru

Поступила 07.09.2023

Аннотация. Обсуждаются понятия “культурная кожа” и “вторая кожа” как два поведенческих паттерна защиты Эго и репрезентации границ телесного Я на материале отношения к ногтям. Выделены две формы манифестации второй кожи (инкапсуляция/слияние). Получен феномен репрезентации границы телесного Я как сочетания инкапсуляции/слияния. В онлайн-исследовании приняли участие 464 женщины, которые сначала ответили на вопросы анкеты и определили себя по трем категориям (грызение ногтей, длинные ногти, аккуратные ногти). Затем требовалось выполнить бланковые методики: “Диагностика телесного Я” (И.В. Лыбко), “Я-структурный тест Аммона” (ISTA). По результатам анализа выборка распределилась по четырем категориям в зависимости от меры аффективного отношения к ногтям и паттернов поведения в отношении к ногтевой пластине (уход за ногтями/самоповреждение). С помощью критерия Краскела–Уоллиса доказывалось, что отношение к ногтям сопряжено с разными способами репрезентации границы телесного Я.

Ключевые слова: Эго, границы телесного Я, сепарация, первичная кожа, вторая кожа, культурная кожа, паттерны поведения в отношении к ногтевой пластине, инкапсуляция, слияние, самоидентификация.

DOI: 10.31857/S0205959224010051

Процесс развития телесного Я начинается с самых ранних этапов онтогенеза, включая внутриутробную жизнь. Общепринятой является метафора об “одной коже на двоих” при описании единения матери и младенца на ранних этапах симбиоза. “Кожа, общая с матерью, представляет собой раннюю диадическую замкнутую систему и обеспечивает младенцу защиту, безопасность и сдерживание, а также оставляет следы ранних приятных и неприятных переживаний” [12, с. 661]. Таким образом можно сказать, что процесс воплощения телесного Я сопряжен с репрезентацией границы телесного Я.

Важным этапом в развитии границы телесного Я является этап сепарации. Сепарация выступает своеобразным вызовом к выделению телесного Я как отличного от материнского и репрезентации границы телесного Я. В ходе длительного процесса сепарации младенец “конституирует ядро своей воплощенной субъективности” [28, с. 60] (см. формирование субъектности на разных этапах

онтогенеза [4]). По словам А. Вежбицкой, “концептуальный мир, в котором мы живем, во многом ориентирован на тело” [30, с. 59]. В работе М.А. Холодной и Я.И. Сиповской [22] показана роль сенсорно-моторного опыта в структуре концептуального знания.

Э. Бик ввела понятие “первичная кожа”, с помощью которого описывается первичный опыт интеграции разрозненных переживаний. “Ребенок впервые узнает свою мать через прикосновение и поначалу воспринимает ее как находящуюся с ним под одной кожей” [18, с. 205]. По словам А. Шеллекса, «“состояние погружения в психику матери” похоже на “состояние единения (*state of attunement*)”, в котором отсутствует ощущение внутреннего пространства (и трехмерности)» [27, с. 281].

Д. Анзье ввел понятие “Я-Кожа” (в развитие идей Э. Бик). «Я-Кожа — это место как связи, так и границ между Я и Другим. Ни внутри, ни снаружи, это и то, и другое: “среда” или место встречи,

где внутренняя часть тела вступает в контакт с внешним миром» [18, с. 205]. Опыт телесности позволяет маркировать границы внешнего и внутреннего, сепарироваться от внешнего мира и от Другого. Именно он задает вектор на “субъект-объектное членение реальности” [2, с. 236].

“Вторая кожа” (понятие, введенное Э. Бик для обозначения защитного механизма) позволяет компенсировать ощущение целостности. “Если контейнирующая функция не осуществлена адекватным способом матерью”, то это может привести младенца к образованию формации “второй кожи”; это “своеобразный замещающий протез, мускульный эрзац, замещающий обычную зависимость по отношению к контейнирующему объекту на псевдозависимость” [1, с. 217–218]. А. Шеллекс приводит несколько метафор, описывающих травму сепарации: “сепарация делает Я совершенно беспомощным и разрушенным”. Автор сравнивает это состояние “с вытеканием и испарением”, “проваливанием в пустоту”, утратой ощущения пространства и времени [27, с. 281].

Б. Фельдман развивает понятие Я-кожа (как контейнер психического опыта) и вводит понятие “культурная кожа”. Автор полагает, что культура обеспечивает форму социального сдерживания, своего рода “культурной кожи”, в которой мы можем создавать “общие смыслы, которые, в свою очередь, обеспечивают основу и структуру как для нашей индивидуальной, так и для групповой жизни...” [17, с. 126]. Я. Ад-Даббаг предлагает расширить концепцию Я-Кожи на культуру в целом, включив в нее функции культурной границы, отделенности не от общего Другого, а от “культурного Другого” [9]. В. Подорога рассматривает развитие второй кожи в связи с формированием психического Эго, которое “определяется самым ближайшим к нему Другим”, которое “всегда будет его второй кожей” [6, с. 47]. Вторая кожа, по словам автора, — это путь к “миру Другого” и “путь к своему телу” [Там же, с. 48].

Вторая кожа в качестве защиты может проявляться в разных формах. Эти формы согласуются с общетеоретическими идеями о существовании двух тенденций: приближения и избегания. Близкую оппозицию двух взаимодополняющих побуждений предлагает И. Херманн (1935): цепляние и поиск (*clinging and going-in-search*) (цит. по: [29, с. 45]). Полюс “цепляние” представлен таким психическим конструктом, как слияние, а полюс “поиска” — как инкапсуляция.

Чаше всего феномен “слияния” описывается в литературе, посвященной проблеме самоповреждений. Например, членовредительство рассматривается как

“конкретное средство на пути к достижению состояний близости” [14, с. 1]. “Парадоксально, но атака на свое тело может служить экстренной защитной мерой для сохранения связи между телом и остальной частью Я, <...> даже если целостность физического тела должна быть принесена в жертву” [19, с. 60]. Автор в качестве примера приводит обкусывание ногтей и поверхностные порезы кожи.

За неимением места мы только упомянем, что проявление любой формы культурного единения в патологических случаях можно рассматривать либо как вторую — защитную кожу (мода, одежда, татуировки, “привычки”, политические и культурные объединения), либо как культурную кожу, которая как “мозаика <...> на протяжении всего нашего развития обеспечивает невидимые строительные леса нашей жизни” [17, с. 122].

Вторая защитная тенденция по сохранению Эго — противоположная слиянию — проявляется в форме “инкапсуляции”.

Феномен второй кожи и переходные “состояния неинтеграции можно наблюдать у людей, которые покрывают свою кожу шрамами, создавая собственную кожную броню” [14, с. 15]. Это действие, по словам автора, обнаруживает хрупкость Эго и “компенсирует отсутствие подходящей среды удержания” [Там же]. У.Ф. Тастин это описывает как мышечный зажим. Д. Розенфельд, развивая идею о второй коже, указывает на “утрированную мышечную активность” [8, с. 229]. Вторая кожа в форме инкапсуляции может “проявляться” в изменениях тела (включая пластическую хирургию, татуировки или пирсинг), в манере одеваться (“чадра не просто покрывает тело; она также может окутывать психику и функционировать как защитная оболочка, вторая кожа для Эго” [24, с. 1371]). Д. Розенфельд говорит о “болтовне” как о “лингвистической скорлупе” [8, с. 68].

Вторая кожа в качестве “укрытия” от душевной боли может “работать” и в форме психосоматики (в случае аллергии, кожных заболеваний, переедания) [7]. Например, дерматит рассматривается как защитный механизм, «который показывает, что кожа как граница <...> не способна “содержать” или защищать содержимое под своей поверхностью» [21, с. 20]. Примерно такую же функцию “вынесения вовне внутренней боли” играют татуировки [20]. Нарушения пищевого поведения (булимия, анорексия) интерпретируются как манифестации второй кожи. “Увеличение жировой ткани можно понять как реализацию конкретной защитной второй кожи, которая формирует границы и защищает наподобие капсулы” [23, с. 551].

В развитие изложенных представлений мы полагаем, что ногти также можно рассматривать в качестве объекта, репрезентирующего либо культурную, либо вторую кожу. Ногти — это граница телесного Я (как и размер тела), но граница особая. Ногти растут и формируют видимую, но вместе с тем контролируемую границу телесного Я. Помимо этого ногти являются продуктом жизнедеятельности тела (как сопли, пот, фекалии), но, в отличие от последних, они видны окружающим и не являются зоной интимности. Более того, ногти помимо функции устрашения являются еще и украшением. Ногти несут в себе культурный код (длина, цвет, стиль, гигиена), поэтому отношение к ногтям можно рассматривать как культурную кожу. Но в случае сверхаффективного к ним отношения и повреждающего паттерна поведения их можно рассматривать как вторую кожу. «Тело и соматосенсорная “система” участвуют в организации любого вида поведения, даже воображаемого поведения» [10, с. 396].

Мы предполагаем, что утверждение о сложной структуре связей между репрезентацией границы телесного Я и культурной/второй кожей можно повторить в отношении ногтей.

МЕТОДИКА

Теоретическая гипотеза. Разные формы взаимоотношения Я с Другим определяют репрезентацию границы телесного Я и сопряжены с поведенческими паттернами в отношении к ногтевой пластине. Данная граница может выполнять функцию культурной кожи или второй кожи (в форме тенденций к слиянию/избеганию).

Эмпирические гипотезы.

1. Существует взаимосвязь между репрезентацией границы телесного Я (культурная кожа и вторая кожа) и отношением к ногтевой пластине.

2. В группе респондентов, предпочитающих сверхдлинные ногти, граница телесного Я представлена такими эмпирическими конструктами, которые выявляют тенденцию к инкапсуляции.

3. В группе респондентов, повреждающих ногтевые пластины, граница телесного Я представлена такими эмпирическими конструктами, которые можно интерпретировать как тенденцию к слиянию.

4. В группе респондентов, не выражающих сверхаффективного отношения к ногтевой пластине, граница телесного Я представлена такими

эмпирическими конструктами, которые можно интерпретировать как культурную кожу.

Цель исследования, выполненного в парадигме квазиэксперимента, состоит в выявлении связей сопряженности между культурной/второй кожей (в форме тенденций к слиянию/инкапсуляции) и паттернами поведения в отношении к ногтевой пластине.

Предмет исследования. Культурная кожа/вторая кожа (в форме тенденций к слиянию/инкапсуляции).

Объект исследования. Женщины, выражающие разные поведенческие паттерны в отношении к ногтевой пластине.

Актуальность исследования. Тенденция к формированию второй кожи может служить индикатором психологических проблем.

Методы исследования.

1. “Я-структурный тест Аммона” (ISTA) [5]. В настоящем исследовании анализировались 4 шкалы, которые описывают Я-функции: Агрессия, Тревога/страх, Внешнее отграничение Я, Внутреннее отграничение Я. Каждая из этих функций может быть конструктивной, деструктивной и дефицитарной.

2. Опросник “Диагностика телесного Я” [3] включает две шкалы: “Самопринятие образа телесного Я” и “Влияние Другого на отношение к образу телесного Я”.

В исследовании приняли участие 464 женщины в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст — 23.2 года), мотивированные на получение обратной связи по результатам тестирования.

Процедура исследования. Исследование проводилось добровольно, дистанционно, посредством сервиса *Google формы*. Разработка анкеты и проведение онлайн-исследования выполнено Е. Какошкиной в рамках квалификационной работы. Все испытуемые получали возможность обсудить личностные проблемы с психологом в качестве бонуса по окончании исследования.

Сначала респондентам в онлайн-режиме предъявлялись утверждения, уточняющие информацию об отношении к ногтевой пластине.

Анкета “Кто ты?”. Шутливая форма обращения и предлагаемая инструкция соответствуют стилистике интернет-пространства:

- Принцесска (аккуратные ноготочки) (ПР);
- Грызлик (покусываешь ноготочки) (ГР);
- Царапушка (длинные ноготочки) (ЦАР).

В дальнейшем изложении для сокращения объема текста мы будем использовать эти аббревиатуры.

Затем предлагалось ответить на вопросы, уточняющие “способы” модерирования границы телесного Я. Предлагаемые вопросы заимствованы из интернет-форумов. Семантика вопросов направлена на выявление поведенческих паттернов в отношении к ногтевой пластине, которые рассматриваются как проявление либо культурной кожи (в случае “аккуратных ноготков”), либо второй кожи.

Инструкция. «Внимательно прочитайте предложенные Вам утверждения. Выберите ответ “да”, если Вы согласны с данным утверждением, или “нет”, если Вы не согласны с данным утверждением».

— У меня иногда возникает желание погрызть ногти.

— Иногда, когда я попадаю в стрессовую ситуацию, я начинаю повреждать свои ногти (гнуть,ковырять, снимать верхний слой лака, грызть).

— Когда я делаю маникюр самостоятельно, то наношу своим ногтям меньше вреда.

— Меня раздражают заусенцы, и я самостоятельно от них избавляюсь.

— У меня часто кожа вокруг ногтя выглядит поврежденной.

Далее респонденту в онлайн-режиме необходимо было ответить на 51 утверждение опросника “Диагностика телесного Я” и на 146 утверждений методики *ISTA*, направленных на диагностику Я-функций. Сырые данные онлайн-опроса были переведены в соответствии с ключами в общие суммы баллов.

Исходно мы предполагали, что все респонденты могут быть разделены на три группы в соответствии с исходной теоретической гипотезой о существовании культурной и второй кожи (в форме двух защитных тенденций к слиянию/инкапсуляции). Эти группы, соответственно, были названы “ПР”, “ГР” и “ЦАР”. В группе ПР (256 человек) репрезентация границы телесного Я рассматривалась как репрезентация культурной кожи (группа “нормы”), группы ГР (98 человек) и ЦАР (120 человек) — как репрезентанты “второй кожи”. Однако предварительный анализ результатов не дал достоверных различий. На основе семантического анализа ответов анкеты была выделена дополнительная четвертая группа, названная “Латентный грызлик” (ЛГР). Эту группу составили респонденты, которые идентифицировали себя как ПР или ЦАР, но утвердительно

ответили на три и более вопросов анкеты о наличии латентных желаний, связанных с повреждением ногтевой пластины.

В итоге все респонденты были разделены на четыре группы:

1) ПР (232 человека): у данной группы отсутствует желание как-либо повреждать свою ногтевую пластину;

2) ГР (98 человек): данная группа выражает желание как-либо повреждать свою ногтевую пластину;

3) ЦАР (60 человек): данная группа характеризуется наличием длинных ногтей и отсутствием желания как-либо повреждать свою ногтевую пластину;

4) ЛГР (74 человека): данная группа имеет аккуратные/длинные ногти наряду с желанием как-либо повреждать свою ногтевую пластину.

Обработка результатов. Полученные данные обрабатывались с помощью программного пакета STATISTICA 8, использовался непараметрический критерий Краскела–Уоллиса.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В табл. 1 представлены результаты сравнения показателей опросника “Диагностика телесного Я” в разных группах респондентов.

По шкале “Самопринятие образа телесного Я” группа ГР демонстрирует сверхнизкие значения по сравнению с группами ЦАР и ПР ($H(3, N = 464) = 16.46; p = 0.0009$). Согласно интерпретации методики, группа ГР “сомневается в ценности собственного тела”, они характеризуются “потерей интереса к своим телесным ощущениям”.

По показателю “Влияние Другого на отношение к образу телесного Я” получены достоверные различия между группами ГР/ПР и ЦАР, между группами ЛГР/ПР ($H(3, N = 464) = 26.47571; p = 0.0000$).

Сверхнизкие показатели по данной шкале в группах ГР и ЛГР говорят либо о выраженной мотивации социального одобрения (по типу имитации), либо о “возможном наличии очень сильных защит”. Группы ЦАР и ПР, напротив, характеризуются устойчивостью представлений о себе, независимостью самооценки.

В табл. 2 представлены результаты сравнения участниц исследования по показателям методики “Я-структурный тест Аммона”.

Таблица 1. Различия показателей методики “Диагностика телесного Я” в группах респондентов с разным отношением к ногтевой пластине

Самопринятие образа телесного Я				
	ПР R: 248	ГР R: 193	ЦАР R: 262	ЛГР R: 211
ПР	—	0.004	1.00	0.2
ГР	—	—	0.01	1.0
ЦАР	—	—	—	0.17
ЛГР	—	—	—	—
Влияние Другого на отношение к образу телесного Я				
	ПР R: 259	ГР R: 193	ЦАР R: 250	ЛГР R: 190
ПР	—	0.0002	1.0	0.0007
ГР	—	—	0.05	1.0
ЦАР	—	—	—	0.06
ЛГР	—	—	—	—

Примечание. R — среднее значение ранга для каждой группы, в клетках таблицы приведены оценки вероятностей. Значимые различия выделены жирным шрифтом.

Получены различия по переменной “Агрессия конструктивная” ($H(3, N = 464) = 11.51778$; $p = 0.0092$). Группа ГР демонстрирует сверхнизкие значения по сравнению с группами ЦАР и ПР ($H(3, N = 464) = 11.51778$; $p = 0.0092$). Это говорит о снижении активности, “о склонности к избеганию каких-либо конфронтаций вследствие боязни разрыва симбиотических отношений” [5, с. 289].

По показателю “Агрессия деструктивная” получены достоверные различия между группами ПР и ЛГР ($H(3, N = 464) = 9.471349$; $p = 0.0236$). “Деструктивная агрессия выражает интериоризованный запрет на собственную автономию и идентичность” [5, с. 289]. Полученные данные позволяют говорить о том, что для группы ЛГР свойственна “тенденция к вербальному выражению гнева и ярости, разрушительным действиям или фантазиям”.

По показателю “Агрессия дефицитарная” получены достоверные различия между группами ГР и ПР, ЦАР и ГР/ЛГР ($H(3, N = 464) = 18.46359$; $p = 0.0004$). “При формировании дефицитарной агрессии речь идет о дефиците самого симбиоза, связанного либо с эмоциональным отвержением ребенка, либо с чрезмерной идентификацией с ним” [5, с. 290]. Согласно методике, “дефицитарная агрессия понимается как ранний запрет на реализацию имеющегося потенциала активности”. Сверхвысокие показатели группы ГР указывают на пассивную жизненную позицию, на утрату “стремления к автономизации, к выходу из симбиоза и построению своей собственной идентичности”; “отмечаются жалобы на чувство внутренней пустоты”. Заниженные показатели группы ЦАР можно рассматривать как противоположные.

По параметру “Тревога конструктивная” не получено значимых контрастов.

По показателю “Тревога/Страх деструктивный” получены достоверные различия между группами ГР/ЛГР и ПР, ГР/ЛГР и ЦАР ($H(3, N = 464) = 32.57020$; $p = 0.0000$). “Для лиц с высокими показателями по шкале деструктивного страха (ГР и особенно ЛГР) характерны повышенная тревожность, склонность к беспокойству и волнениям даже по самым незначительным поводам” [5, с. 292]. “Они, как правило, испытывают серьезные трудности в самореализации, ощущают беспомощность в ситуациях, требующих мобилизации и подтверждения идентичности” [5, с. 293].

По показателю “Тревога/Страх дефицитарный” получены достоверные различия между группами ГР/ЛГР и ПР, ГР/ЛГР и ЦАР ($H(3, N = 464) = 20.96497$; $p = 0.0001$). Сверхвысокие показатели в группах ЛГР/ГР говорят о том, что объективная опасность недооценивается или полностью игнорируется. “Отсутствующий страх проявляется в ощущении усталости и душевной пустоты. Отчужденность от эмоционального переживания приводит к отсутствию экзистенциального переживания угрозы”.

По показателю “Внешнее Я-отграничение конструктивное” получены достоверные различия между группами ГР и ПР, ГР и ЦАР ($H(3, N = 464) = 15.76035$; $p = 0.0013$).

На основе полученных данных по показателю “Внешнее Я-отграничение конструктивное” можно сделать вывод о том, что группа ГР демонстрирует сверхнизкие значения по сравнению с группами ЦАР, ПР. Согласно методике, “на смену симбиотическому слиянию приходит конструктивная автономия” [5, с. 294]. Человек с высокими значениями по данной шкале проявляет “открытость, общительность, коммуникабельность” [5, с. 295]. При низких результатах (ГР) “можно наблюдать

Таблица 2. Различия показателей методики “Я-структурный тест Аммона” в группах респондентов с различным отношением к ногтевой пластине.

Агрессия конструктивная				
	ПР R: 242	ГР R: 194	ЦАР R: 257	ЛГР R: 231
ПР	—	0.017	1.0	1.0
ГР	—	—	0.024	0.4
ЦАР	—	—	—	1.0
ЛГР	—	—	—	—
Агрессия деструктивная				
	ПР R: 216	ГР R: 242	ЦАР R: 237	ЛГР R: 268
ПР	—	0.62	1.0	0.025
ГР	—	—	1.0	1.0
ЦАР	—	—	—	1.0
ЛГР	—	—	—	—
Агрессия дефицитарная				
	ПР R: 223	ГР R: 271	ЦАР R: 185	ЛГР R: 250
ПР	—	0.02	0.2	0.83
ГР	—	—	0.0004	1.0
ЦАР	—	—	—	0.03
ЛГР	—	—	—	—
Тревога/Страх деструктивный				
	ПР R: 215	ГР R: 262	ЦАР R: 179	ЛГР R: 291
ПР	—	0.02	0.40	0.0001
ГР	—	—	0.001	0.9
ЦАР	—	—	—	0.000009
ЛГР	—	—	—	—
Тревога/Страх дефицитарный				
	ПР R: 212	ГР R: 268	ЦАР R: 206	ЛГР R: 270
ПР	—	0.003	1.0	0.006
ГР	—	—	0.03	1.0
ЦАР	—	—	—	0.03
ЛГР	—	—	—	—
Внешнее Я-отграничение конструктивное				
	ПР R: 246	ГР R: 190	ЦАР R: 262	ЛГР R: 223
ПР	—	0.003	1.0	1.0
ГР	—	—	0.006	0.6
ЦАР	—	—	—	0.5
ЛГР	—	—	—	—
Внешнее Я-отграничение деструктивное				
	ПР R: 220	ГР R: 191	ЦАР R: 298	ЛГР R: 275
ПР	—	0.4	0.0003	0.01
ГР	—	—	0.000007	0.0002
ЦАР	—	—	—	1.0
ЛГР	—	—	—	—
Внешнее Я-отграничение дефицитарное				
	ПР R: 219	ГР R: 266	ЦАР R: 188	ЛГР R: 266
ПР	—	0.02	0.6	0.05
ГР	—	—	0.002	1.0
ЦАР	—	—	—	0.005
ЛГР	—	—	—	—
Внутреннее Я-отграничение дефицитарное				
	ПР R: 227	ГР R: 256	ЦАР R: 177	ЛГР R: 262
ПР	—	0.4	0.08	0.3
ГР	—	—	0.002	1.0
ЦАР	—	—	—	0.002
ЛГР	—	—	—	—

Примечание. R — среднее значение ранга для каждой группы, в клетках таблицы приведены оценки вероятностей. Значимые различия выделены жирным шрифтом.

нарушение способности к контролю межличностной дистанции”.

По шкале “Внешнее Я-отграничение деструктивное” получены достоверные различия между группами ПР и ЦАР/ЛГР, между ГР и ЦАР/ЛГР ($H(3, N = 464) = 34.19750; p = 0.0000$). Сверхвысокие показатели групп ЦАР и ЛГР позволяют говорить о том, что для данной группы “характерно жесткое эмоциональное дистанцирование, неумение гибко регулировать межличностные отношения” [5, с. 296], стремление к избеганию контактов и к закрытости.

По показателю “Внешнее Я-отграничение дефицитарное” получены достоверные различия между группами ЦАР и ГР/ЛГР, между ПР и ГР/ЛГР ($H(3, N = 464) = 20.13022; p = 0.0002$). Внешнее Я-отграничение дефицитарное описывается как недостаточность внешней границы Я. Однако, здесь речь идет не о “жесткой” закрытости, а, напротив, о сверхпроницаемости этой границы, о неумении регулировать дистанцию в отношениях с другими людьми, проводить различия между Я и Не-Я. Сверхвысокие показатели групп ГР и ЛГР позволяют характеризовать представителей данных групп как “лиц послушных, зависимых, конформных, ищущих защиту и признание” [5, с. 297]. “Типичным для них является ощущение собственной слабости, беспомощности и незащищенности... Эти люди склонны к симбиотическому слиянию”.

По шкалам “Внутреннее Я-отграничение конструктивное” и “Внутреннее Я-отграничение деструктивное” не получено значимых контрастов.

По показателю “Внутреннее Я-отграничение дефицитарное” получены достоверные различия между ЦАР и ГР/ЛГР ($H(3, N = 464) = 17.09293; p = 0.0007$). “Дефицитарное внутреннее Я-отграничение понимается как недостаточная сформированность внутренней границы Я. Эта граница возникает в процессе структурной дифференциации психического и знаменует собой возможность формирования подлинно автономного Я” [5, с. 298]. Группы ГР и ЛГР демонстрируют завышенные показатели по данной шкале, что свидетельствует об “импульсивности, склонности к экзальтированным состояниям”. Эти люди “не способны дифференцировать переживания от внешних объектов, ситуаций и отношений с ними связанных”.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Мы выдвинули гипотезу о сопряженности поведенческих паттернов в отношении к ногтевой пластине и границы телесного Я. Полученные

различия по большинству шкал во всех группах указывают на феноменологическую валидность выдвинутой гипотезы.

По переменной “Самопринятие телесного Я” группа ГР принимает минимальные значения, что, согласно методике, характеризует их как людей “отстраненных”, “безразличных к своему телесному Я, не испытывающих интереса к своим телесным ощущениям”. По шкале “Влияние Другого на отношение к образу телесного Я” как ГР, так и ЛГР также принимают минимальные значения. Обе интерпретации данной шкалы (имитация или стереотипизация) позволяют допустить, что граница телесного Я в рассматриваемых группах не дифференцирована. По словам Т. Найс, “адгезия двумерна в том смысле, что она не оставляет пространства между собой и другими; нет возможности быть одному, отделиться или испытать полностью независимое чувство себя”. И далее автор продолжает: «В том случае, если у человека нет надлежащего “контейнера”, то этот человек прибегает к самоповреждениям, так как у него нет другого выхода, кроме как использовать свое собственное тело в качестве объекта и средства спасения себя от распада и катастрофической утечки» [25, с. 18]. Группы ПР и ЦАР контрастируют по этим двум шкалам, что позволяет допустить, что обе группы “ментализируют” границу телесного Я.

Если исходить из общетеоретической гипотезы о телесных истоках в порождении и развитии психического, можно согласиться с идеей Даны Амир о существовании двух защитных позиций: “сглаживании трехмерности и защитной <...> позиции, использующей различные способы выталкивания путем отражения проникновения” [11, с. 1]. Тогда ГР и ЛГР можно рассматривать как “сглаживающих трехмерность”. Респонденты двух других групп “выталкивают проникновение”: ЦАР — с помощью длинных ногтей, а ПР — путем освоения культурной кожи (“нейтральные” ногти).

По шкалам теста Г. Аммона получено много контрастов между группами респондентов. Прежде всего обращает внимание тот факт, что не получено значимых различий по двум конструктивным шкалам: “Тревога конструктивная” и “Внутреннее Я-отграничение конструктивное”. Мы предполагаем, что данный результат свидетельствует о том, что наша выборка в целом лежит в пределах нормы.

По шкалам “Тревоги” (деструктивной и дефицитарной) две группы (ГР и ЛГР) обнаруживают солидарные контрасты с двумя другими группами (ПР и ЦАР) и принимают максимальные значения.

Согласно Г. Аммону, тревога является исходной функцией, отвечающей за разрешение симбиоза.

В свете данного факта наша идея о тенденции к слиянию в группе ГР находит подтверждение. Согласно интерпретации, “тревога деструктивная” порождает “трудности в самореализации”. Эти люди “не способны по-настоящему доверять ни себе, ни окружающим людям” [5, с. 293]. Тревога дефицитарная порождается “равнодушным”, “холодным” первичным симбиозом, при котором “не происходит трансляции ребенку относящихся к нему страхов и опасений, испытываемых матерью” [5, с. 293]. Это приводит к “эмоциональному несуществованию”. Ребенок “похожий на улитку, начинает вылезать из своей первичной оболочки только для того, чтобы снова спрятаться в свое убежище” [16, с. 3].

В отношении ГР и ЛГР справедливо предположить, что “отсутствие интернализации сдерживающей функции создает экстремальную ситуацию недифференцированной агглютинации между Я и объектом и глубокого страха утечки, исчезновения, распада, если объект осмелится отойти от Я” [26, с. 901]. Таким образом, ГР и ЛГР должны существовать в “ужасном мире”, испытывая потерянность, беспомощность и пр. В таком случае “психические дыры могут превратить любую возможную встречу с другим в катастрофическое событие, в котором хрупкие личные границы могут взорваться или раствориться” [13, с. 114].

Подтверждением “психической потерянности” служат результаты контраста ГР (отчасти ЛГР) с группой ПР по всем конструктивным шкалам.

В отличие от ГР (отчасти ЛГР) группа ЦАР не испытывает “трудности в организации собственной активности” (получены низкие значения по шкалам тревоги): они дистанцируются от “экзистенциального переживания угрозы”. Напомним, что по шкале “Тревога деструктивная” и “Тревога дефицитарная” ЦАР принимают минимальные значения по выборке. Согласно Г. Аммону, механизм опосредованного “овладения опасностью” в атмосфере “родительской безучастности оказывается заблокированным”. Симбиоз — не столько прерванный, как, скорее, не состоявшийся, приводит к тому, что не развивается способность “реагировать на тревогу разлуки” вследствие дефекта “превращения сенсорных и телесных ощущений в точные ментальные представления” [15, с. 198]. Можно предположить, что ЦАР компенсируют дефект первичного симбиоза и связанную с его разрешением тревогу посредством длинных ногтей, тем самым самостоятельно, по словам Д. Розенфельда,

«“блокируют рану” и останавливают “психическое кровотечение”» [8].

Подтверждением “аморфности” границы телесного Я в группе ГР служат шкалы внешнего Я-отграничения, которые фиксируют границу Я и Не-Я. По шкале внешнего дефицитарного Я-отграничения группы ГР и ЛГР имеют максимум. Согласно методике, “речь идет о сверхпроницаемости границы”. Также обе группы (ЛГР и ГР) имеют максимум по шкале “Внутреннее дефицитарное Я-отграничение”, что может свидетельствовать о “неспособности дифференцировать переживания от внешних объектов и отношений с ними связанных”. Иными словами, полученные результаты говорят о тенденции к слиянию. “В отсутствие связующего агента” у человека, прибегающего к самоповреждениям в форме порезов, “нет другого выхода, кроме как использовать свое собственное тело в качестве объекта и средства спасения себя от распада и катастрофической утечки” [25, с. 18].

Между тем ЛГР не во всем “подобны” ГР, в другом отношении ЛГР чем-то “напоминают” ЦАР.

Наряду с этим по шкалам конструктивного и деструктивного внешнего Я-отграничения (трудностями в постановке и отстаивании личностно значимых целей и задач) ГР (в отличие от ЛГР) имеют безусловный минимум. Так, по шкале “Внешнее деструктивное Я-отграничение” и ЛГР, и ЦАР значимо превышают медианные значения двух групп (стремление к избеганию контактов). Можно допустить, что ЛГР комбинируют “растерянность” в отношении внешнего Я-отграничения и, наряду с ощущением “беспомощности”, выстраивают дополнительные “барьеры” (в форме внешнего деструктивного Я-отграничения), позволяющие дистанцироваться (царапаться).

Что касается ЦАР, то эта группа резко контрастирует с ГР по всем Я-отграничениям (максимум по внешним конструктивным и деструктивным Я-отграничениям, но минимум по внешнему и внутреннему дефицитарному отграничению). То есть выраженная склонность к автономии и дистанцированию сочетается в группе ЦАР с эмоциональной отстраненностью (заниженные значения по шкале Внутреннее Я-отграничение дефицитарное). Совокупный психологический портрет данной группы может быть описан термином “инкапсуляция”.

Динамику “слияния/инкапсуляции” в группах ГР/ЦАР подтверждают результаты, полученные по шкалам агрессии. Получены следующие контрасты: группа ГР демонстрирует сверхнизкие значения по “Агрессии конструктивной” (контраст с ПР и ЦАР), свидетельствующие о том, что хрупкое Эго

не “знает” своих границ и избегает всякой конфронтации. Эта растерянность в отношении границ Эго подтверждается данными по шкале “Агрессия дефицитарная”. Подтверждением того факта, что у ГР нет “надежного контейнера”, нет “горизонта”, могут служить факты отсутствия конструктивных шкал.

Что касается ЛГР, они максимально по всей выборке используют деструктивную агрессию. Можно предположить, что из-за неумения построить границы Эго, сформировать свою собственную и устойчивую идентичность группы ГР и ЛГР прибегают к самоповреждениям. “Самоатака помогает восстановить чувство компетентности... Когда Эго чувствует себя глубоко беспомощным, чтобы справиться с внутренними или внешними угрозами, оно не в состоянии долго терпеть и сдается. <...> Это может привести к самоубийству” [19, с. 62]. Не позволяя проявить конструктивную агрессию, ГР нападают на себя, прибегая к самоповреждению. “Черная дыра” в случае ГР и ЛГР “обрабатывается” с помощью агрессии, суть которой состоит в защите границ.

В результате проведенных исследований можно сделать следующие **выводы**.

1. Репрезентация границы телесного Я в форме культурной/второй кожи сопряжена с поведенческими паттернами по отношению к ногтевой пластине.

2. Граница телесного Я в форме культурной кожи представлена в группе респондентов, “нейтрально” относящихся к своим ногтям (ПР). В данной группе получены максимальные значения по шкалам “Самопринятие телесного Я” и “Влияние Другого на отношение к образу телесного Я”, что свидетельствует о “зрелой” репрезентации телесного Я, об устойчивой границе, конструктивной агрессии, способности к автономии и к построению конструктивной дистанции.

3. Граница телесного Я представлена в группе респондентов, предпочитающих сверхдлинные ногти (ЦАР), отражает тенденцию к инкапсуляции. Данная группа респондентов характеризуется уверенным самопринятием наряду с высокими показателями по конструктивным и деструктивным шкалам (агрессия, внешнее Я-отграничение), но при этом они не имеют “опыта контакта с Другим”.

4. Граница телесного Я в группе респондентов, прибегающих к самоповреждению ногтевой пластины (ГР), отражает тенденцию к слиянию. Данная группа характеризуется низкими значениями по шкалам “Самопринятие телесного Я” и “Влия-

ние Другого на отношение к образу телесного Я”, конструктивной агрессии и внешним Я-отграничениям, но при этом сверхвысокими значениями по дефицитарным шкалам.

Получен новый феномен репрезентации второй кожи как сочетания двух тенденций (инкапсуляции/слияния) в группе респондентов ЛГР. Так, наряду с низкими значениями по шкале “Влияние Другого” и высокими значениями по деструктивным шкалам (присущим тенденции к инкапсуляции) респонденты данной группы демонстрируют высокие значения по дефицитарным шкалам внешнего и внутреннего Я-отграничения, что свидетельствует о тенденции к слиянию. Иными словами, данные респонденты демонстрируют как сверхзащищенность, так и расплывчатость границы телесного Я.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анзье Д.* Я-кожа. Ижевск: ERGO, 2011.
2. *Бескова Д.А., Тхостов А.Ш.* Телесность как пространственная структура // Психология телесности. Между душой и телом / Ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: АСТ, 2005. С. 236–252.
3. *Лыбко И.В.* Методика “Диагностика телесного Я” // Психологическая диагностика. 2008. № 3. С. 5–21.
4. Онто- и субъектогенез психического развития человека / Под ред. Н.Е. Харламенковой, В.В. Знакова, Е.А. Сергиенко, Н.Н. Казымовой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2022.
5. Очерки динамической психиатрии / Под ред. М.М. Кабанова, Н.Г. Незнанова. СПб.: Институт им. В.М. Бехтерева, 2003.
6. *Подорога В.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995.
7. *Ребеко Т.А.* Психосоматика кожных заболеваний и репрезентация психического пространства // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 4. С. 59–69.
8. *Розенфельд Д.* Душа, разум и психоаналитик. Создание психоаналитического сеттинга с пациентами с психотическими аспектами личности. Харьков: Планета-Принт, 2015.
9. *Ad-Dab'bagh Ya.* Puncturing the skin of the self: A psychoanalytic perspective on why prejudice hurts // International Journal of Applied Psychoanalytic Studies. 2012. V. 9. № 1. P. 23–34.
10. *Alexandrov Yu.I., Sams M.E.* Emotions and consciousness: Ends of a continuum // Cognitive Brain Research. 2005. V. 25. P. 387–405.
11. *Amir D.* The malignant ambiguity of incestuous language // International Journal of Psychoanalysis Open. 2018. V. 5 P. 1–27.

12. *Anzieu-Premereur Chr.* The skin-ego: Dyadic sensuality, trauma in infancy, and adult narcissistic issues // *The Psychoanalytic Review*. 2015. V. 102. № 5. P. 659–681.
13. *Balottin L., Quagelli L., Costantini M.V.* A body of one's own: From self-cutting to the cuts of separation in an adolescent suffering from traumatic early abandonments // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 2021. V. 69. № 1. P. 109–135.
14. *Boćwińska-Kiluk B.* "Venus in Scars" — Implications regarding self-harm pathogenesis in adolescent girl in object relation theory perspective // *International Journal of Psychoanalysis Open*. 2021. V. 8. № 26. P. 1–16.
15. *Diana S.* Emptiness in bulimia: Clinical vicissitudes and theoretical implications // *Romanian Journal of Psychoanalysis*. 2015. V. 8. № 2. P. 183–215.
16. *Durban J.* "Making a Person": Clinical considerations regarding the interpretation of anxieties in the analyses of children on the autistic-psychotic spectrum // *International Journal of Psychoanalysis*. 2019. V. 100. № 5. P. 921–939.
17. *Feldman B.* The Cultural skin in Latin America // *Listening to Latin America* / Eds. P. Amezaga, G. Barcellos, A. Capriles, J. Gerson, D. Ramos. New Orleans, Louisiana: Spring Journal Books, 2012. P. 109–128.
18. *Frydman S.* Shifting skins: Love and breakdown // *Studies in Gender and Sexuality*. 2018. V. 19. № 3. P. 204–216.
19. *Goldblatt M.J., Maltsberger J.T.* Self attack as a means of self-preservation // *International Journal of Applied Psychoanalytic Studies*. 2010. V. 7. P. 58–72.
20. *Hafner D.* Building Castles Made of Pleasure // *Psychoanalytic Review*. 2018. V. 105. № 3. P. 279–302.
21. *Karacaoglan U.* Tattoo and taboo: On the meaning of tattoos in the analytic process // *International Journal of Psychoanalysis*. 2012. V. 93. № 1. P. 5–28.
22. *Kholodnaya M.A., Sipovskaya Ya.I.* Elements of sensory-emotional experience as an integral part of forming visual meanings: The role of conceptual abilities // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2021. V. 14. № 2. P. 76–89.
23. *Moscatto F., Solano P.* Eating disorders as autistic like defenses: unmentalizable experiences in primitive mental states // *Psychoanalytic Review*. 2014. V. 101. № 4. P. 547–570.
24. *Movahedi S., Homayounpour G.* The couch and the chador // *International Journal of Psychoanalysis*. 2012. V. 93. № 6. P. 1357–1375.
25. *Nice T.* I bleed therefore I am: Pain, restoration and repair in self-cutting // *Journal of Psychological Therapies*. 2018. V. 3. № 2. P. 15–20.
26. *Schellekes A.* The dread of falling — Between breaking one's back and breaking through: Commentary on Franco Borgogno's "On the patient's becoming an individual" // *Psychoanalytic Dialogues*. 2005. V. 15. № 6. P. 897–908.
27. *Schellekes A.* Writing as a protective shell: The analysis of a young writer // *Modern Psychoanalysis*. 2006. V. 31. № 2. P. 251–288.
28. *Steele M., Steele H., Beebe B.* Applying an attachment and microanalytic lens to "embodied mentalization": Commentary on "Mentalizing homeostasis: The social origins of interoceptive inference" by Fotopoulou and Tsakiris // *Neuropsychanalysis*. 2017. V. 19. № 1. P. 59–66.
29. *Werbart A.* "The skin is the cradle of the soul": Didier Anzieu on the skin-ego, boundaries, and boundlessness // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 2019. V. 67. № 1. P. 37–58.
30. *Wierzbicka A.* Bodies and their parts: An NSM approach to semantic typology // *Language Sciences*. 2007. V. 29. № 1. P. 14–65.

THE ATTITUDE TO NAILS AS A REPRESENTATION OF THE BOUNDARY OF THE BODILY SELF

T. A. Rebeko

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.
PhD (Psychology), Leading researcher, V.N. Druzhinin Laboratory of Psychology
of Abilities and Mental Resources.
E-mail: rebekota@yandex.ru*

Received 07.09.2023

Abstract. The concepts of "cultural skin" and "second skin" are discussed as two behavioral patterns of Ego protection and representation of the boundaries of the bodily Self based on the relationship to nails. Two forms of manifestation of the second skin (encapsulation/fusion) are distinguished. The phenomenon of

representing the bodily Self boundary as a combination of encapsulation/fusion is obtained. The online study involved 464 women who first answered the questions and identified themselves in three categories (nail biting, long nails, neat nails). Then it was necessary to perform blank methods: “Diagnosis of the bodily Self” (I.V. Lybko), “Self structural test of G. Ammon” (ISTA). According to the results of the analysis, the sample was divided into four categories depending on the measure of affective attitude towards nails and patterns of behavior towards the nail plate (nail care/self-harm). Using the Kruskal-Wallis test, it is proved that the attitude to nails is associated with different ways of representing the boundaries of the bodily self.

Keywords: Ego, boundaries of the bodily Self, separation, primary skin, second skin, cultural skin, patterns of behavior in relation to the nail plate, encapsulation, fusion, self-identification.

REFERENCES

1. *Anz'e D.* Ja-kozha. Izhevsk: ERGO, 2011. (In Russian)
2. *Beskova D.A., Tkhostov A.Sh.* Telesnost' kak prostranstvennaja struktura. Psikhologija telesnosti. Mezhdushoj i telom. Eds. V.P. Zinchenko, T.S. Levi. Moscow: AST, 2005. P. 236–252. (In Russian)
3. *Lybko I.V.* Metodika “Diagnostika telesnogo Ja”. Psikhologicheskaja diagnostika. 2008. № 3. P. 5–21. (In Russian)
4. Onto- i sub”ektogenez psikhicheskogo razvitiya cheloveka. Eds. N.E. Kharlamenkova, V.V. Znakov, E.A. Sergienko, N.N. Kazymova. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2022. (In Russian)
5. Ocherki dinamicheskoy psikhologii. Eds. M.M. Kabanov, N.G. Neznanov. Saint-Petersburg: Institut im. V.M. Bekhtereva, 2003. (In Russian)
6. *Podoroga V.* Fenomenologija tela. Vvedenie v filosofskuju antropologiju. Moscow: Ad Marginem, 1995. (In Russian)
7. *Rebeko T.A.* Psikhosomatika kozhnykh zabolevanij i reprezentacija psikhicheskogo prostranstva. Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 4. P. 59–69. (In Russian)
8. *Rozenfel'd D.* Dusha, razum i psichoanalitik. Sozdanie psichoanaliticheskogo settinga s pacientami s psichoticheskimi aspektami lichnosti. Khar'kov: Planeta-Print, 2015. (In Russian)
9. *Ad-Dab'bagh Ya.* Puncturing the skin of the self: A psychoanalytic perspective on why prejudice hurts. International Journal of Applied Psychoanalytic Studies. 2012. V. 9. № 1. P. 23–34.
10. *Alexandrov Yu.I., Sams M.E.* Emotions and consciousness: Ends of a continuum. Cognitive Brain Research. 2005. V. 25. P. 387–405.
11. *Amir D.* The malignant ambiguity of incestuous language. International Journal of Psychoanalysis Open. 2018. V. 5. P. 1–27.
12. *Anzieu-Premmureur C.* The skin-ego: Dyadic sensuality, trauma in infancy, and adult narcissistic issues. The Psychoanalytic Review. 2015. V. 102. № 5. P. 659–681.
13. *Balottin L., Quagelli L., Costantini M.V.* A body of one's own: From self-cutting to the cuts of separation in an adolescent suffering from traumatic early abandonments. Journal of the American Psychoanalytic Association. 2021. V. 69. № 1. P. 109–135.
14. *Boćwińska-Kiluk B.* “Venus in Scars” — Implications regarding self-harm pathogenesis in adolescent girl in object relation theory perspective. International Journal of Psychoanalysis Open. 2021. V. 8. № 26. P. 1–16.
15. *Diana S.* Emptiness in bulimia: Clinical vicissitudes and theoretical implications. Romanian Journal of Psychoanalysis. 2015. V. 8. № 2. P. 183–215.
16. *Durban J.* “Making a Person”: Clinical considerations regarding the interpretation of anxieties in the analyses of children on the autistic-psychotic spectrum. International Journal of Psychoanalysis. 2019. V. 100. № 5. P. 921–939.
17. *Feldman B.* The Cultural skin in Latin America. Listening to Latin America. Eds. P. Amezaga, G. Barcellos, A. Capriles, J. Gerson, D. Ramos. New Orleans, Louisiana: Spring Journal Books, 2012. P. 109–128.
18. *Frydman S.* Shifting skins: Love and breakdown. Studies in Gender and Sexuality. 2018. V. 19. № 3. P. 204–216.
19. *Goldblatt M.J., Maltzberger J.T.* Self attack as a means of self-preservation. International Journal of Applied Psychoanalytic Studies. 2010. V. 7. P. 58–72.
20. *Hafner D.* Building Castles Made of Pleasure. Psychoanalytic Review. 2018. V. 105. № 3. P. 279–302.
21. *Karacaoglan U.* Tattoo and taboo: On the meaning of tattoos in the analytic process. International Journal of Psychoanalysis. 2012. V. 93. № 1. P. 5–28.
22. *Kholodnaya M.A., Sipovskaya Ya.I.* Elements of sensory-emotional experience as an integral part of forming visual meanings: The role of conceptual abilities. Psychology in Russia: State of the Art. 2021. V. 14. № 2. P. 76–89.
23. *Moscato F., Solano P.* Eating disorders as autistic like defenses: unmentalizable experiences in primitive mental states. Psychoanalytic Review. 2014. V. 101. № 4. P. 547–570.
24. *Movahedi S., Homayounpour G.* The couch and the chador. International Journal of Psychoanalysis. 2012. V. 93. № 6. P. 1357–1375.
25. *Nice T.* I bleed therefore I am: Pain, restoration and repair in self-cutting. Journal of Psychological Therapies. 2018. V. 3. № 2. P. 15–20.

26. *Schellekes A.* The dread of falling — Between breaking one's back and breaking through: Commentary on Franco Borgogno's "On the patient's becoming an individual". *Psychoanalytic Dialogues*. 2005. V. 15. № 6. P. 897–908.
27. *Schellekes A.* Writing as a protective shell: The analysis of a young writer. *Modern Psychoanalysis*. 2006. V. 31. № 2. P. 251–288.
28. *Steele M., Steele H., Beebe B.* Applying an attachment and microanalytic lens to "embodied mentalization": Commentary on "Mentalizing homeostasis: The social origins of interoceptive inference" by Fotopoulou and Tsakiris. *Neuropsychoanalysis*. 2017. V. 19. № 1. P. 59–66.
29. *Werbart A.* "The skin is the cradle of the soul": Didier Anzieu on the skin-ego, boundaries, and boundlessness. *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 2019. V. 67. № 1. P. 37–58.
30. *Wierzbicka A.* Bodies and their parts: An NSM approach to semantic typology. *Language Sciences*. 2007. V. 29. № 1. P. 14–65.

УДК 159.91

ОСОБЕННОСТИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

© 2024 г. С. С. Перцов*, А. В. Клименко**

ФГБНУ “ФИЦ оригинальных и перспективных биомедицинских и фармацевтических технологий”;
125315, Россия, г. Москва, ул. Балтийская, д. 8.

*Заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАН, профессор РАН, доктор медицинских наук,
директор Научно-исследовательского института нормальной физиологии имени П.К. Анохина.

E-mail: pertsov_ss@academpharm.ru

**Кандидат медицинских наук, научный сотрудник лаборатории системных механизмов
эмоционального стресса и боли.

E-mail: klimenko_av@academpharm.ru

Поступила 25.05.2023

Аннотация. В XXI в. особенно остро встает вопрос о повышении производительности труда человека в различных сферах профессиональной и иной деятельности. Многие годы исследования в области психофизиологии как одного из направлений медико-биологической науки направлены на решение ряда вопросов, связанных с оптимизацией трудовой деятельности человека. Однако результаты таких работ, особенно выполненных на разных моделях, зачастую противоречивы. В статье изложены как классические, так и новые сведения о физиологическом обеспечении целенаправленной деятельности людей с различными психофизиологическими характеристиками. Одними из наиболее часто анализируемых психофизиологических черт при изучении целенаправленной деятельности человека являются интро- и экстраверсия, нейротизм и личностная тревожность. Рассмотрены поведенческие характеристики людей с этими индивидуально-типологическими особенностями, вариативность результатов целенаправленной деятельности индивидов с разными темпераментами. Представлены сведения об особенностях вегетативного обеспечения и параметрах электрической активности головного мозга в ходе реализации высокорезультативного поведения субъектов с определенными психофизиологическими характеристиками.

Ключевые слова: целенаправленная деятельность, физиологическая цена, интроверсия, экстраверсия, нейротизм, личностная тревожность.

DOI: 10.31857/S0205959224010064

ВВЕДЕНИЕ

Поведение человека во многом определяется врожденными свойствами нервной системы. Согласно представлениям И.П. Павлова (1927), поведение млекопитающих зависит от совокупности таких параметров нервной системы, как уравновешенность, подвижность, лабильность и сила процессов возбуждения и торможения. В 1963 г. В.Д. Небылицын для описания особенностей поведения людей с различными психофизиологическими характеристиками в процессе реализации целенаправленного поведения предложил термин “дифференциальная психофизиология” [36]. Целенаправленная деятельность людей с отличающимися индивидуально-типологическими характеристиками во многом

определяется особенностями механизмов нервной и гуморальной регуляции в организме [42; 44; 52]. Дополнительным подтверждением данного факта являются результаты экспериментальных [40; 41] и аналитических [4] исследований в области стресса, продемонстрировавших специфику биохимических процессов в тканях ЦНС [40] и действия нейrogормонов у особей с разными показателями поведения [41]. Совокупность психодинамических параметров личности образует интегральную характеристику индивида — темперамент [52], который, согласно одному из определений, является сочетанием устойчивых динамических особенностей психических процессов человека. Темперамент связан с динамическими, а не содержательными аспектами деятельности. Исследование

поведенческих проявлений темперамента позволяет до некоторой степени прогнозировать особенности реализации целенаправленных действий людей в конкретных жизненных ситуациях и, как следствие, оптимизировать профессиональную деятельность, повысив ее результативность [7; 32].

Известно, что когнитивная деятельность [14; 82] и результативность обучения [60] зависят от психофизиологических характеристик индивида. Стоит подчеркнуть, что поведение людей с различными индивидуально-типологическими характеристиками, направленное на достижение высокого результата, неразрывно связано с изменениями в вегетативном статусе человека и ассоциировано с вариативностью физиологического обеспечения [41; 50].

Существуют данные, указывающие на зависимость отдельных поведенческих особенностей при целенаправленном поведении от эмоций человека. Было выявлено, что быстрые моторные акты связаны с проявлением гнева и счастья, тогда как более медленные свойственны людям, испытывающим грусть [78; 81]. По некоторым сведениям, наибольшая результативность при целенаправленном поведении характерна людям с гипертимическим и проективным типами акцентуации личности [16].

Известны различные психофизиологические классификации личности человека, поэтому при изучении эффективности целенаправленной деятельности людей на разных моделях одной из важнейших методических задач является формирование однородных групп испытуемых по различным критериям, в том числе индивидуально-типологическим характеристикам [22]. Некоторые из них, такие как личностная тревожность и нейротизм, могут быть генетически детерминированы [70] и зависеть от этнической принадлежности индивидов [8]. Считается, что большинство психофизиологических параметров личности остаются постоянными на протяжении всей жизни [37]. Тем не менее некоторые характеристики врожденного темперамента могут изменяться в ходе онтогенеза под влиянием различных экзогенных факторов [57].

Системный подход — направление методологии, в основе которого лежит рассмотрение объекта как целостной системы — является определяющим для научного познания и, в частности, психофизиологии: именно он позволяет перейти от частного к системному принципу изучения механизмов и общих закономерностей жизнедеятельности всех живых организмов. Целью работы явился анализ и обобщение данных, включающих в себя как классические, так и современные представления

о физиологических механизмах, лежащих в основе целенаправленного поведения людей в зависимости от их индивидуальных психофизиологических характеристик. Проблематика исследования обусловлена необходимостью применения персонализированного подхода к изучению центральных и периферических механизмов достижения результата деятельности человека в различных сферах профессиональной деятельности.

В начале XXI в. научным сообществом был выдвинут ряд предположений об иерархической структуре личности [64; 74; 75]. Наиболее убедительное эмпирическое подтверждение получила пятифакторная модель (“*big five*”), согласно которой к наиболее ярким психофизиологическим характеристикам относятся следующие: нейротизм, интро-экстраверсия, уступчивость, сознательность и открытость опыту [61; 64].

Указанные психофизиологические характеристики личности влияют на успешность деятельности человека, а также способствуют личностному развитию индивида [25]. При этом некоторые индивидуально-типологические характеристики, в особенности при вариативном их сочетании, несут особое значение в ряде профессиональных сфер деятельности [10; 38]. Стоит отметить, что психофизиологические характеристики субъектов, разделенных на группы по гендерному признаку, не только влияют на успешность деятельности, но и во многом вносят вклад в формирование определенного физиологического портрета системной организации поведения [22; 35].

Двухкомпонентная система оценки темперамента человека (метод *EPI*), основанная на измерении уровней интро-экстраверсии и нейротизма, предложена Г.Ю. Айзенком в 1983 г. [68]. Согласно этой системе, параметр нейротизма связан с уровнем реактивности и лабильности вегетативной нервной системы, эмоциональной восприимчивостью и раздражимостью, определяет активность индивида в социуме. Экстраверсия, в свою очередь, отражает эмоциональную стабильность человека.

ИНТРО-ЭКСТРАВЕРСИЯ

Введенные К.Г. Юнгом (1923) термины “экстраверсия” и “интроверсия” ассоциированы с разным уровнем возбудимости коры головного мозга [59]. Считается, что экстраверты в большей степени приспособлены к повседневной жизни. Это может быть связано с выраженной общительностью, импульсивностью, хорошими адаптационными возможностями к среде обитания. Экстраверты,

в отличие от интровертов, ведут себя более социально, создавая, как правило, позитивную социальную среду общения [65]. Индивиды с высоким значением индекса интро-экстраверсии при осуществлении целенаправленной деятельности имеют более широкий афферентный синтез, который включает в себя влияние многих внешних факторов, что может быть связано с низкой структурированностью памяти [46]. Характерные особенности экстравертов — жизнерадостность, уверенность в себе, но при этом несдержанность, стремление к риску и необязательность [55].

Меньшая адаптированность интровертов ассоциирована со спокойным поведением, уравновешенностью в поступках, рациональностью, низкой агрессивностью, обязательностью. Для интровертов характерна меньшая скорость реагирования по сравнению с экстравертами [53], что может свидетельствовать о менее выраженной лабильности нервных процессов, низкой скорости восприятия и обработки информации [69]. Однако интроверты отличаются лучшей способностью к усвоению и запоминанию нового материала, что позволяет им достигать более высокого результата при когнитивной деятельности [69]. Также для субъектов с низким показателем интро-экстраверсии характерна более выраженная стабильность сенсомоторного реагирования и уравновешенность нервных процессов [53], они более выносливы при длительной умственной работе [15], тем самым допускают меньшее количество ошибок при целенаправленных действиях [15; 53].

Для интровертов в сравнении с экстравертами характерна большая выраженность симпатических влияний на сердечную деятельность. Эта особенность наиболее выражена при межгрупповом сравнении показателей вариабельности сердечного ритма [19]. Индивиды с высоким показателем экстраверсии характеризуются усилением парасимпатических влияний при целенаправленной деятельности, что повышает физиологическую цену каждого поведенческого акта [27]. По сравнению с экстравертами интроверты имеют меньшее значение стресс-индекса при учебной деятельности [50].

НЕЙРОТИЗМ

В контексте изучения поведенческих особенностей людей с различными индивидуально-типологическими характеристиками одним из наиболее значимых показателей является индекс нейротизма. В ряде исследований показано, что высокий уровень нейротизма ассоциирован с неуравновешенностью нервно-психических процессов. Известно, что чем

выше уровень нейротизма, тем более выражены такие характеристики, как эмоциональная неустойчивость и лабильность вегетативной нервной системы [2; 55]. Для людей с низким показателем нейротизма характерны стабильное настроение, низкая чувствительность, спокойствие [55]. Известно, что параметр нейротизма связан с уровнем личностной тревожности [66] и во многом определяет ощущение удовлетворенности жизнью или развитие депрессивной симптоматики [29; 66].

Субъекты с низким уровнем нейротизма воспринимают экзогенный стресс как вызов [73]. Такие индивиды испытывают потребность и стремление к активному его преодолению. Люди с высоким показателем нейротизма характеризуются значительным искажением при оценке угрожающего значения стрессогенных ситуаций и самооценке внутренних ресурсов [55].

В условиях хронического психоэмоционального стресса индивиды с высоким показателем нейротизма в большей степени предрасположены к развитию патологических процессов на органическом уровне [71], в том числе ишемической болезни сердца [13]. По-видимому, коррекция степени нейротизма может благоприятно отразиться как на соматическом, так и на психическом состоянии индивида. Уменьшение выраженности этого показателя также положительно сказывается на межличностных социальных взаимоотношениях [21].

В ряде работ продемонстрирована значимая межгрупповая разница в результативности целенаправленного поведения у индивидов с различным уровнем нейротизма. Выраженный нейротизм у спортсменов является сбивающим и нестабильным фактором в профессиональной деятельности [30]. Высокие значения этого показателя негативно влияют на когнитивную деятельность, в том числе в процессе учебы [23; 33], а также могут оказывать отрицательное воздействие на взаимоотношения субъектов с окружающими людьми [24]. Однако в других исследованиях получены противоположные данные: показана высокая способность к усвоению информации людьми с выраженным уровнем нейротизма [20; 31].

В исследовании на модели эндохирургического тренинга людей с различной степенью нейротизма продемонстрировано, что при знакомстве с новым видом деятельности индивиды с низким уровнем этого показателя быстрее выполняют тестовые задания, совершая большее количество ошибок. В динамике регулярной тренировочной деятельности такие субъекты достигают лучших результатов, чем люди с высокой степенью нейротизма [26].

Адаптационные возможности организма у людей с различным уровнем нейротизма вариативны. Низкое и особенно высокое значение этого параметра оказывает негативное влияние на возможности адаптации организма к физической нагрузке. Значительная мобилизация функциональных резервов сердечно-сосудистой системы приводит к быстрому расходу метаболических резервов, обеспечивающих процессы адаптации при целенаправленном поведении [39].

Выявлено, что высокий уровень нейротизма связан с пониженной реактивностью вегетативной нервной, сердечно-сосудистой и эндокринной систем [1]. Степень нейротизма связана со сниженной кардиоваскулярной реактивностью и длительным периодом восстановления сердечно-сосудистых функций после стресса [63]. Показатель нейротизма отрицательно коррелирует с общим тонусом вегетативной нервной системы, что приводит к смещению баланса в сторону усиления симпатических влияний на сердечный ритм [1; 43]. Субъекты с низким уровнем нейротизма имеют существенно меньшие показатели ЧСС в ходе реализации целенаправленных когнитивных актов [50]. Изменения вариабельности сердечного ритма в ходе поведенческой активности иллюстрируют усиление парасимпатических влияний у людей с низким уровнем нейротизма [1; 26], что свидетельствует о большей физиологической цене целенаправленной деятельности для таких индивидов [26].

ТРЕВОЖНОСТЬ

По некоторым данным высокие значения нейротизма как одной из врожденной черт темперамента ассоциируются со значительным уровнем личностной тревожности [80]. Тревожность как одна из устойчивых личностных черт является фактором, определяющим особенности организации целенаправленного поведения человека [54].

Для лиц с высоким уровнем тревожности характерно преобладание ориентировочного или оборонительного поведения в ходе реализации целенаправленной деятельности [17]. Стоит учитывать, что неадекватно высокая личностная тревожность способствует развитию у человека синдрома психоэмоционального выгорания [12], что, в свою очередь, ведет к реорганизации физиологического обеспечения любого вида деятельности.

Эффективность целенаправленного поведения человека связана с уровнем тревожности. Более выраженная успешность отдельных видов деятельности наблюдается у людей с низким уровнем

тревожности и высоким показателем психической устойчивости [18; 27; 28; 77; 84]. Такие отличительные признаки могут быть связаны с функциональными особенностями серотонинергической системы [56].

Существуют сведения, указывающие на выраженность как парасимпатических, так и симпатических модулирующих влияний на сердечную деятельность еще до начала реализации целенаправленного акта у индивидов с низкой тревожностью по сравнению с субъектами с высокой тревожностью [18]. Известно, что параметр личностной тревожности отрицательно коррелирует с высокочастотным компонентом спектра вариабельности сердечного ритма, что свидетельствует об ослаблении парасимпатических влияний на сердечную деятельность у высокотревожных людей [79]. Это подтверждается результатами наших наблюдений на модели эндохирургического тренинга, в которых установлено, что высокотревожные субъекты характеризуются преобладанием симпатических влияний на работу сердца над парасимпатическими [28].

В литературе имеются сведения, указывающие на наличие взаимосвязи между личностной тревожностью и интенсивностью секреции кортизола при когнитивной деятельности человека. Это может быть связано с усилением активности гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы у индивидов с высоким показателем тревожности [84]. Однако наличие таких взаимосвязей не находит подтверждения в результатах других научных исследований [77].

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ГОЛОВНОГО МОЗГА

Особый интерес в плане изучения целенаправленного поведения субъектов с разными психофизиологическими характеристиками представляют данные, полученные при регистрации показателей активности мозга [3; 47]. Доказано наличие взаимосвязей между определенными индивидуально-типологическими особенностями человека и параметрами спонтанной и вызванной биоэлектрической активности головного мозга [76]. Во многих работах обнаружены корреляционные связи между параметрами электроэнцефалограммы (ЭЭГ) и психофизиологическими свойствами личности как в состоянии покоя, так и при умственной и физической деятельности, психоэмоциональной нагрузке [34; 45; 49; 70]. Некоторые психофизиологические характеристики могут отражать особенности спонтанного взаимодействия нейронных

осцилляторов [9]. Различия параметров ЭЭГ у людей с разным уровнем нейротизма чаще проявляются при проведении функциональных проб, чем в состоянии полного покоя с закрытыми глазами [74]. По некоторым данным тета-ритм считается предиктором нейротизма, что может быть связано с процессами защитного торможения у людей с соответствующей индивидуально-типологической особенностью [51; 72].

Известно, что для индивидов с высоким значением интро-экстраверсии характерно меньшее количество корреляционных взаимосвязей этого показателя с параметрами ЭЭГ, чем для субъектов со средними и низкими значениями данного индекса [48].

Указанную особенность можно объяснить в первую очередь тем, что для экстравертов характерна более выраженная зависимость функционального состояния коры головного мозга от внешней стимуляции. Это затрудняет обнаружение взаимосвязей параметров ЭЭГ с показателями психологических тестов. Кроме того, интроверты характеризуются более существенным вкладом механизмов саморегуляции в процессы активации коры головного мозга [48].

Анализ результатов позитронной эмиссионной томографии показал, что у людей с высокими показателями тревожности в ходе реализации целенаправленной деятельности наблюдается активация нейронных структур миндалины, префронтальной и задней цингулярной областей коры головного мозга [67]. В состоянии покоя у высокотренированных индивидов отмечаются меньшая амплитуда альфа- и тета-ритмов в лобно-височных областях по сравнению с низкотренированными субъектами [62], а также более высокие показатели тета1- и бета1-мощности в теменно-височных областях коры правого полушария [6]. Активность альфа-ритма у таких субъектов снижается при когнитивной деятельности [83]. В состоянии покоя у людей со средними значениями личностной тревожности соотношение мощности бета2-/дельта-диапазонов ЭЭГ выше в центральных и правом височном отведении по сравнению с индивидами, у которых параметр тревожности находится в крайних пределах значения [11].

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА ВЫСОКОРЕЗУЛЬТАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В отдельных работах проведена комплексная оценка результативности целенаправленного поведения людей с разными индивидуально-типологи-

ческими особенностями, что позволяет прогнозировать их успешность в определенных видах профессиональной деятельности [5]. Например, наибольшего успеха в беге на коротких дистанциях добиваются экстраверты с высокими показателями нейротизма и тревожности, а на длинных дистанциях — спортсмены-интроверты с низкой степенью нейротизма и личностной тревожности [58]. Гимнастки-интроверты с низким уровнем нейротизма более устойчивы в тренировочной деятельности [30]. Для успешной учебной деятельности человека также необходим низкий уровень нейротизма и интро-экстраверсии, но значительно более высокий показатель тревожности [50].

ВЫВОДЫ

Таким образом, имеющиеся научные данные свидетельствуют о том, что результативность целенаправленного поведения человека определяется индивидуально-типологическими характеристиками, в частности интро-экстраверсией, нейротизмом и личностной тревожностью. Существенно, что эффективность реализации различных форм поведения зависит, в частности, от психофизиологических характеристик личности, которые во многом взаимосвязаны с особенностями нейрогуморальной регуляции. Проведение комплексных исследований темперамента открывает широкие возможности в аспекте прогнозирования высокой или низкой эффективности деятельности людей в разных ситуациях, в том числе в профессиональной сфере. Необходимо отметить, что успеха при выполнении подобных исследований можно достичь лишь при применении системного подхода к изучению особенностей вегетативного обеспечения высокорезультативного целенаправленного поведения. Наиболее важным представляется тот факт, что анализ индивидуально-типологических характеристик индивидов не только перспективен в плане профориентации и оптимизации работы трудовых коллективов, но имеет и большое социально-экономическое значение — сохранение психосоматического здоровья и увеличение работоспособного возраста человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамовская О.Н., Догадкина С.Б., Ермакова И.В. и др. Особенности реакции вегетативной нервной, сердечно-сосудистой и эндокринной систем при выполнении когнитивной нагрузки у младших школьников с разным уровнем личностной тревожности и нейротизма // Science for Education Today. 2021.

- Т. 11. № 1. С. 151–173. DOI: 10.15293/2658-6762.2101.09
2. Айзенк Г.Ю. Структура личности: Пер. с англ. М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1999. 463 с.
3. Александров Ю.И. Психофизиология: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2022. С. 39–45.
4. Александров Ю.И., Булава А.И., Бахчина А.В. и др. Стресс и индивидуальное развитие // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2022. Т. 72. № 4. С. 437–456. DOI: 10.31857/S0044467722040037.
5. Александров Ю.И., Созинов А.А., Сварник О.Е. и др. Фундаментальная наука и практика: от мультидисциплинарного анализа научения, памяти и моральных решений к практикоориентированным разработкам методов обучения и воспитания // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 2. С. 5–19. DOI: 10.31857/S020595920019402-8
6. Афтанас Л.И., Павлов С.В. Особенности межполушарного распределения спектров мощности ЭЭГ у высокотревожных индивидуумов в эмоционально-нейтральных условиях и при отрицательной эмоциональной активации // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2005. Т. 55. № 3. С. 322–328.
7. Батаршев А.В. Диагностика темперамента и характера. 2-е изд. СПб.: Питер, 2007. 366 с.
8. Будук-оол Л.К. Этнические особенности психосоциальной адаптации студентов к обучению в вузе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 6 (108). С. 176–180.
9. Бушов Ю.В. Роль фазовых взаимодействий между высоко- и низкочастотными ритмами ЭЭГ в когнитивных процессах и механизмах сознания // Сибирский психологический журнал. 2012. № 45. С. 98–103.
10. Васильева Н.М., Петраш М.Д. Социально-психологические детерминанты самосохранительного поведения медицинского персонала на начальных этапах профессиональной деятельности // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2013. Т. 1. С. 48–55.
11. Венерина Я.А., Джебраилова Т.Д., Каратыгин Н.А., Будников М.Ю. Спектральные характеристики ЭЭГ и концентрация гормонов в слюне у лиц с разной личностной тревожностью при когнитивной деятельности // Психическое здоровье. 2021. № 8. С. 3–12.
12. Вербицкий Е.В. Тревожность и сон // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2013. Т. 63. № 1. С. 6–12. DOI: 10.7868/S0044467713010152
13. Граждан И.К., Копылов Ф.Ю., Аксенова М.Г. и др. Патогенетические взаимосвязи особенностей личности и психических расстройств с ишемической болезнью сердца // Кардиология и сердечно-сосудистая хирургия. 2015. Т. 8. № 2. С. 8–20. DOI: 10.17116/kardio2015828-20
14. Грибанов А.В., Депутат И.С., Нехорошкова А.Н. и др. Психофизиологическая характеристика тревожности и интеллектуальной деятельности в детском возрасте (обзор) // Экология человека. 2019. № 9. С. 50–58. DOI: 10.33396/1728-0869-2019-9-50-58
15. Григорян В.Г., Агабабян А.Р. ЭЭГ-показатели функционального состояния оператора при длительной монотонной работе на компьютере // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 1999. Т. 49. № 2. С. 220–226.
16. Дегтярев В.П., Поздняков С.С. Влияние акцентуаций личности студентов на показатели целенаправленной деятельности // Прикладные информационные аспекты медицины. 2015. Т. 18. № 1. С. 76–86.
17. Джебраилова Т.Д., Коробейникова И.И., Каратыгин Н.А. и др. Динамика спектральных характеристик ЭЭГ у лиц с разной личностной тревожностью при когнитивной деятельности // Физиология человека. 2021. Т. 47. № 1. С. 20–30. DOI: 10.31857/S0131164621010033
18. Джебраилова Т.Д., Сулейманова Р.Г. Динамика характеристик сердечного ритма у студентов с разной личностной тревожностью во время компьютерного тестирования // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 2012. Т. 153. № 5. С. 627–630.
19. Джебраилова Т.Д., Иванова Л.В., Сулейманова Р.Г. Результаты компьютерного тестирования и вариабельность сердечного ритма у студентов с разной степенью интро-экстраверсии // Академический журнал Западной Сибири. 2014. Т. 10. № 3 (52). С. 16–17.
20. Егоян А.А., Дьякова А.В. Особенности проявления нейротизма у участников образовательного процесса // Научные исследования студентов и учащихся: Сборник статей Международной научно-практической конференции: В 2 частях. Ч. 2. Пенза: МЦНС “Наука и просвещение”, 2021. С. 246–248.
21. Заппаров И.И., Можяев Э.Л. Снижение уровня нейротизма как фактор формирования благоприятного социально-психологического климата в хоккейной команде 13–14 лет // Образовательная среда сегодня: стратегии развития: Материалы V Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Центр научного сотрудничества “Интерактив плюс”, 2016. № 1 (5). С. 304–306.
22. Зорин Р.А., Жаднов В.А., Лапкин М.М. Показатели результативности деятельности у больных эпилепсией и их связь с течением заболевания // Вестник новых медицинских технологий. 2017. Т. 24. № 3. С. 66–73.
23. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2004. 701 с.
24. Казарян А.Ф., Шершнев Д.А. Влияние психологических особенностей студентов на их успешность в учебной деятельности // Немецко-российское сотрудничество. Инновации в экономике, науке

- и образовании: Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Е.В. Конеевой. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2019. С. 67–72.
25. *Камилов М.А.* Личностные качества, определяющие успешность спортсмена // Вопросы науки и образования. 2018. Т. 14. № 1. С. 138–142.
26. *Клименко А.В., Перцов С.С., Яковенко И.Ю.* Взаимосвязь между уровнем нейротизма и результативностью целенаправленной деятельности человека на модели базовых эндохирургических тренировок // Физиология человека. 2019. Т. 45. № 6. С. 68–75. DOI: 10.1134/S0131164619050047
27. *Клименко А.В., Перцов С.С., Яковенко И.Ю.* Результативность целенаправленной деятельности при отработке базовых эндохирургических навыков у интровертов и экстравертов // Вестник уральской медицинской академической науки. 2019. Т. 16. № 1. С. 57–66. DOI: 10.22138/2500-0918-2019-16-1-57-66
28. *Клименко А.В., Перцов С.С., Яковенко И.Ю.* Физиологическая цена и успешность целенаправленной деятельности при эндохирургическом тренинге у людей с различной тревожностью // Технологии живых систем. 2019. Т. 16. № 4. С. 35–45. DOI: 10.18127/j20700997-201904-04
29. *Князева С.А.С.* Индивидуально-психологические особенности людей, склонных к депрессивным состояниям // Вестник науки. 2022. Т. 2. № 11 (56). С. 173–182.
30. *Колинченко Е.А., Хромина Т.В., Костина К.А.* Роль темперамента в подготовке воздушных гимнасток // Физическая культура и спорт в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Великой Победы. Хабаровск: Дальневосточная государственная академия физической культуры, 2020. С. 133–136.
31. *Кочергина Е., Най Д., Орёл Е.* Факторы “Большой пятёрки” как психологические предикторы академической успеваемости студентов вузов // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 27. С. 4. DOI: 10.54359/ps.v6i27.723
32. *Кривошеков С.Г., Боброва Ю.В., Соловьева К.С. и др.* Изучение соревновательной деятельности спортсменов различных возрастов с учетом их темперамента: систематический аналитический обзор // Интеграция науки и общества на современном этапе: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Л.К. Бобров. Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления “НИНХ”, 2018. С. 153–176.
33. *Лазарус Р.С.* Индивидуальная чувствительность и устойчивость к психологическому стрессу // Психосоциальные факторы на работе и охрана здоровья. М.-Женева, 1989. С. 121–126.
34. *Лобасюк Б.А., Боделан М.И., Бабаенко Т.П.* Влияние ритмов ЭЭГ на показатели экстраверсии-интроверсии и теста СМИЛ у правополушарных и левополушарных // The Unity of Science: International Scientific Periodical Journal. 2016. № 4. С. 94–99.
35. *Меркулова М.А., Лапкин М.М., Трутнева Е.А., Акулина М.В.* Обратная связь как фактор формирования системной организации целенаправленного поведения при воспроизведении зрительных образов испытуемыми с различными свойствами ЦНС // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2018. № 2 (66). С. 116–121. DOI: 10.19163/1994-9480-2018-2(66)-116-121
36. *Небылицын В.Д.* Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М.: Наука, 1976. 336 с.
37. *Немов Р.С.* Общая психология: Учебник: В 3 т. М.: Юрайт, 2017. 242 с.
38. *Нуйкина М.Р.* Нужно ли воспитывать хладнокровие у студента-медика? [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал “Концепт”. 2017. Т. 31. С. 946–950. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970204.htm> (дата обращения: 20.05.2023)
39. *Перхурова В.Д., Цатурян Л.Д., Елисеева Е.В.* Функциональные возможности сердечно-сосудистой системы у студентов с различным уровнем нейротизма при выполнении физической нагрузки // Наука. Инновации. Технологии. 2015. № 3. С. 137–144.
40. *Перцов С.С., Коплик Е.В., Калининченко Л.С.* Интенсивность окислительных и антиоксидантных процессов в головном мозге крыс с разными параметрами поведения при острой стрессорной нагрузке // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 2011. Т. 152. № 7. С. 4–7.
41. *Перцов С.С.* Роль супрахиазматического ядра гипоталамуса в реализации эффектов мелатонина на тимус, надпочечники и селезенку крыс // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 2006. Т. 141. № 4. С. 364–367.
42. *Похачевский А.Л., Крапивин О.В., Михалев В.Н. и др.* Психофизиологическая регуляция переносимости физической нагрузки в спорте // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2018. № 6. С. 38–40.
43. *Пшеничникова И.И., Школьников М.А., Захарова И.Н., Творогова Т.М.* Адаптация детей к обучению в учреждениях различного типа: влияние вегетативного гомеостаза и личностных адаптивных ресурсов // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2018. Т. 63. № 5. С. 81–91. DOI: 10.21508/1027-4065-2018-63-5-81-91
44. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. 2-е изд. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
45. *Русалова М.Н.* Фронтально-окципитальная асимметрия мощности тета-ритма ЭЭГ человека // Асимметрия. 2018. Т. 12. № 3. С. 20–30.

46. Сафонцева С.В. Взаимосвязь различных типов интеллекта и креативности у экстравертов и интровертов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
47. Смит Н.Ю., Александров М.В., Карелина Н.Р., Лытаев С.А. Взаимосвязь личностных особенностей студентов с характером биоэлектрической активности лобной коры (памяти Натальи Юрьевны Смит) // *Forcipe*. 2021. Т. 4. № 3. С. 4–10.
48. Смит Н.Ю., Александров М.В., Карелина Н.Р. и др. Связь параметров биоэлектрической активности лобных отделов коры головного мозга с уровнем экстраверсии и нейротизма // *Педиатр*. 2021. Т. 12. № 1. С. 31–41. DOI: 10.17816/PED12131-41
49. Смит Н.Ю., Эйрих С.В., Мишина И.Ю. Связь темперамента ребенка и становления его речевой активности со структурной организацией головного мозга // Материалы научной конференции, посвященной 115-летию со дня рождения профессора М.Г. Привеса. М.: Изд-во “Научная книга”, 2019. С. 202–205.
50. Степанова Г.К., Устинова М.В. Вегетативная регуляция сердечного ритма у студентов-якутов с различным психофизиологическим статусом // *Экология человека*. 2020. № 10. С. 10–16. DOI: 10.33396/1728-0869-2020-10-10-16
51. Султанов М.Б. ЭЭГ-корреляты личностных суперфакторов Айзенка у юшошей-спортсменов // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 454. С. 209–213. DOI: 10.17223/15617793/454/25
52. Теплов Б.М. Новые данные по изучению свойств нервной системы человека // Типологические особенности высшей нервной деятельности человека. Т. 3 / Под ред. Б.М. Теплова. М., 1963.
53. Туманян А.А. Особенности сенсомоторного реагирования у испытуемых среднего возраста до и после умственной деятельности с учетом индивидуально-типологических характеристик // *Вестник РАУ*. 2015. № 1. С. 101–111.
54. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с.
55. Церковский А.Л. Особенности темпераментных свойств личности как факторов стрессоустойчивости студентов медицинского вуза // *Вестник фармации*. 2012. № 1. С. 89–93.
56. Чёрный С.В., Щепоткин В.С., Клименко Б.В. Взаимосвязь индивидуально-типологических особенностей и эффективности стрельбы из пневматического пистолета у спортсменов подросткового возраста // V Международная научная конференция “Проблемы физического образования: концептуальные основы и научные инновации”: Сборник научных трудов. Вып. 5 / Отв. ред. Д.В. Сышко. М., 2018. С. 222–227.
57. Шадриков В.Д. Психология деятельности человека. М.: Логос, 1996. 319 с.
58. Штаненко Н.И., Галицкий Г.Н., Будько Л.А. Индивидуально-типологические особенности механизмов адаптации и вариабельности сердечного ритма у гребцов в зависимости от направленности соревновательной деятельности // *Проблемы здоровья и экологии*. 2017. № 1 (51). С. 48–53.
59. Юнг К.Г. Психологические типы / Под общ. ред. В.В. Зеленского. М.: Университетская книга, 1998. 720 с.
60. Butcher P.R., Heubeck B.G., Welvaert M. Anxiety and verbal learning in typically developing primary school children: Less efficient but equally effective // *British Journal of Educational Psychology*. 2020. V. 22. DOI: 10.1111/bjep.12380
61. Caspi A., Shiner R.L. Personality development // *Handbook of child psychology. Social, emotional, and personality development*. N.Y.: Wiley, 2006. V. 3. P. 300–365.
62. Cheremushkin E.A., Petrenko N.E., Yakovenko I.A. et al. Neurophysiological markers of high anxiety level in man during the process of preparing for a visual recognition // *Journal of Integrative Neuroscience*. 2018. V. 17. № 3–4. P. 377–390. DOI: 10.3233/JIN-170074
63. Chida Y., Hamer M. Chronic psychosocial factors and acute physiological responses to laboratory-induced stress in healthy populations: a quantitative review of 30 years of investigations // *Psychological Bulletin*. 2008. V. 134. № 6. P. 829–885. DOI: 10.1037/a0013342
64. Corr P.J., Matthews G. The Cambridge handbook of personality psychology. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. 850 p.
65. Eaton L.G., Funder D.C. The creation and consequences of the social world: An interactional analysis of extraversion // *European Journal of Personality*. 2003. V. 17. № 5. P. 375–395.
66. Egeren L.F. A cybernetic model of global personality traits // *Personality and Social Psychology Review*. 2009. V. 13. № 2. P. 92–108. DOI: 10.1177/1088868309334860
67. Etkin A., Egner T., Peraza D.M. et al. Resolving emotional conflict: A role for the rostral anterior cingulate cortex in modulating activity in the amygdale // *Neuron*. 2006. V. 51. № 6. P. 871–882. DOI: 10.1016/j.neuron.2006.07.029
68. Eysenck H.J. Is there a paradigm in personality research? // *Journal of Research in Personality*. 1983. V. 17. № 4. P. 369–397. DOI: 10.1016/0092-6566(83)90067-3
69. Gallagher D. Personality, coping and objective outcomes: Extraversion, neuroticism, coping styles and academic performance // *Personality and Individual Differences*. 1996. V. 21. P. 421–429.
70. Harrewijn A., Van der Molen M.J.W., Westenberg P.M. Putative EEG measures of social anxiety: comparing frontal alpha asymmetry and delta-beta cross-frequency correlation // *Cognitive Affective & Behavioral Neuroscience*

- ence. 2016. V. 16. № 6. P. 1086–1098. DOI: 10.3758/s13415-016-0455-y
71. Hill W.D., Weiss A., Liewald D.C. et al. Genetic contributions to two special factors of neuroticism are associated with affluence, higher intelligence, better health, and longer life // *Molecular Psychiatry*. 2020. V. 25 (11). P. 3034–3052. DOI: 10.1038/s41380-019-0387-3
 72. Inanaga K. Frontal midline theta rhythm and mental activity // *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. 1998. V. 5. № 6. P. 555–566. DOI: 10.1046/j.1440-1819.1998.00452.x
 73. Lazarus R.S., Launier R. Stress-related transactions between person and environment // *Perspectives in International Psychology* / Eds. L.A. Pervin, M. Lewis. Boston: Springer, 1978. P. 287–327.
 74. Markon K.E. Hierarchies in the structure of personality traits // *Social and Personality Psychology Compass*. 2009. V. 3. № 5. P. 812–826. DOI: 10.1111/j.1751-9004.2009.00213.x
 75. McAdams D.P., Olson B.D. Personality development: Continuity and change over the life course // *Annual Review of Psychology*. 2010. V. 61. № 1. P. 517–542. DOI: 10.1146/annurev.psych.093008.100507
 76. Nentwich M., Ai L., Madsen J. et al. Functional connectivity of EEG is subject-specific, associated with phenotype, and different from fMRI // *NeuroImage*. 2020. V. 218. Art. 117001. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2020.117001
 77. Pearman A., Neupert S.D., Hughes M.L. State anxiety is related to cortisol response during cognitive testing for older adults // *Gerontology & Geriatric Medicine*. 2020. V. 6. Art. 233372142091477. DOI: 10.1177/2333721420914776
 78. Schuster B.A., Sowden S.L., Abdikarim D. et al. Acting is not the same as feeling: Emotion expression in gait is different for posed and induced emotions // *Frontier in Human Neuroscience*. 2019. V. 13. DOI: 10.3389/conf.fnhum.2019.229.00010
 79. Shepherd D., Mulgrew J., Hautus M.J. Exploring the autonomic correlates of personality // *Autonomic Neuroscience: Basic and Clinical*. 2015. V. 193. P. 127–131. DOI: 10.1016/j.autneu.2015.05.004
 80. Smoller J., Block S., Young M. Genetics of anxiety disorders: The complex road from DSM to DNA // *Depression and Anxiety*. 2009. V. 26. № 11. P. 965–975. DOI: 10.1002/da.20623
 81. Sowden S., Schuster B.A., Keating C.T. et al. The role of movement kinematics in facial emotion expression production and recognition // *Emotion*. 2021. V. 21. № 5. P. 1041–1061. DOI: 10.1037/emo0000835
 82. Studer-Luethi B., Bauer C., Perrig W.J. Working memory training in children: Effectiveness depends on temperament // *Memory and Cognition*. 2016. V. 44. № 2. P. 171–186. DOI: 10.3758/s13421-015-0548-9
 83. Ward R.T., Smith S.L., Kraus B.T. et al. Alpha band frequency differences between low-trait and high-trait anxious individuals // *NeuroReport*. 2018. V. 29. № 2. P. 79–83. DOI: 10.1097/WNR.0000000000000915
 84. Weger M., Sandi C. Neuroscience and biobehavioral reviews high anxiety trait: A vulnerable phenotype for stress-induced depression // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2018. V. 87. P. 27–37. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2018.01.012

FEATURES OF PHYSIOLOGICAL SUPPORT FOR GOAL-DIRECTED ACTIVITY OF PEOPLE WITH VARIOUS INDIVIDUAL TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS

S. S. Pertsov*, A. V. Klimenko**

*Federal Research Center for Innovator and Emerging Biomedical and Pharmaceutical Technologies;
125315, Moscow, Baltiyskaya str., 8, Russia.*

**Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, ScD in Medicine, Director of P.K. Anokhin Research Institute of Normal Physiology.*

E-mail: pertsov_ss@academpharm.ru

***PhD (in Medicine), Researcher.*

E-mail: klimenko_av@academpharm.ru

Received 25.05.2023

Abstract. The challenge of increasing human productivity in different fields of professional and other activities has become particularly acute in the 21st century. For many years, research into the field of psychophysiology

gy, as one of the areas of medical and biological sciences, has been dedicated to solving a number of challenges related to optimizing human labor activity. However, the results of this work, especially when performed on different models, often present contradictory findings. This article presents both classical and new data on the physiological underpinnings for the goal-directed activity of individuals with various psychophysiological traits. Some of the most commonly analysed psychophysiological traits in the study of goal-directed activity in humans are intro-extraversion, neuroticism and personal anxiety. The behavioral characteristics of people with these individual typological features, and the variability of performance of goal-directed activity, are considered. The article presents data of vegetative support and the parameters of electrical brain activity during the realization of goal-directed activity of individuals with different psychophysiological characteristics.

Keywords: goal-directed activity, physiological value, introversion, extraversion, neuroticism, personal anxiety.

REFERENCES

1. Adamovskaya O.N., Dogadkina S.B., Ermakova I.V. et al. Osobennosti reaktivno-vegetativnoi nervnoi, serdechno-sosudistoi i endokrinnoi sistem pri vypolnenii kognitivnoi nagruzki u mladshikh shkol'nikov s raznym urovnem lichnostnoi trevozhnosti i neirotizma. *Science for Education Today*. 2021. V. 11. № 1. P. 151–173. DOI: 10.15293/2658-6762.2101.09 (In Russian)
2. Aizenk G.Yu. *Struktura lichnosti*. Moscow: KSP+; Saint-Petersburg: Yuventa, 1999. 463 p. (In Russian)
3. Aleksandrov Yu.I. *Psikhofiziologiya: uchebnik dlya vuzov*. Saint-Petersburg: Piter, 2022. P. 39–45. (In Russian)
4. Aleksandrov Yu.I., Bulava A.I., Bakhchina A.V. et al. Stress i individual'noe razvitiye. *Zhurnal vysshei nervnoi deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*. 2022. V. 72. № 4. P. 437–456. DOI: 10.31857/S0044467722040037. (In Russian)
5. Aleksandrov Yu.I., Sozinov A.A., Svarnik O.E. et al. Fundamental'naya nauka i praktika: ot mul'tidistsiplinarnogo analiza naucheniya, pamyati i moral'nykh reshenii k praktikoorientirovannym razrabotkam metodov obucheniya i vospitaniya. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2022. V. 43. № 2. P. 5–19. DOI: 10.31857/S020595920019402-8 (In Russian)
6. Aftanas L.I., Pavlov S.V. Osobennosti mezhpolutsharnogo raspredeleniya spektrov moshchnosti EEG u vysokotrevozhnykh individuumov v emotsional'no-neitral'nykh usloviyakh i pri otritsatel'noi emotsional'noi aktivatsii. *Zhurnal vysshei nervnoi deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*. 2005. V. 55. № 3. P. 322–328. (In Russian)
7. Batarshiev A.V. *Diagnostika temperamenta i kharaktera*. 2nd ed. Saint-Petersburg: Piter, 2007. 366 p. (In Russian)
8. Buduk-ool L.K. Etnicheskie osobennosti psikhosotsial'noi adaptatsii studentov k obucheniyu v vuze. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2011. V. 6 (108). P. 176–180. (In Russian)
9. Bushov Yu.V. Rol' fazovykh vzaimodeistvii mezhdu vysokoi i nizkочастотными ритмами EEG v kognitivnykh protsessakh i mekhanizmakh soznaniya. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*. 2012. № 45. P. 98–103. (In Russian)
10. Vasil'eva N.M., Petrash M.D. Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty samosokhranitel'nogo povedeniya meditsinskogo personala na nachal'nykh etapakh professional'noi deyatel'nosti. *Nauchnye issledovaniya vypusnikov fakul'teta psikhologii SPbGU*. 2013. V. 1. P. 48–55. (In Russian)
11. Venerina Ya.A., Dzhebrailova T.D., Karatygin N.A., Budnikov M.Yu. Spektral'nye kharakteristiki EEG i kontsenratsiya gormonov v slyune u lits s raznoi lichnostnoi trevozhnost'yu pri kognitivnoi deyatel'nosti. *Psikhicheskoe zdorov'e*. 2021. № 8. P. 3–12. (In Russian)
12. Verbitskii E.V. Trevozhnost' i son. *Zhurnal vysshei nervnoi deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*. 2013. V. 63. № 1. P. 6–12. DOI: 10.7868/S0044467713010152 (In Russian)
13. Grazhdan I.K., Kopylov F.Yu., Aksenova M.G. et al. Patogeneticheskie vzaimosvyazi osobennostei lichnosti i psikhicheskikh rasstroistv s ishemicheskoi bolezn'yu serdtsa. *Kardiologiya i serdechno-sosudistaya khirurgiya*. 2015. V. 8. № 2. P. 8–20. DOI: 10.17116/kardio2015828-20 (In Russian)
14. Gribanov A.V., Deputat I.S., Nekhoroshkova A.N. et al. Psikhofiziologicheskaya kharakteristika trevozhnosti i intellektual'noi deyatel'nosti v detskom vozraste (obzor). *Ekologiya cheloveka*. 2019. № 9. P. 50–58. DOI: 10.33396/1728-0869-2019-9-50-58 (In Russian)
15. Grigoryan V.G., Agababyan A.R. EEG-pokazateli funktsional'nogo sostoyaniya operatora pri dlitel'noi monotonnoi rabote na komp'yutere. *Zhurnal vysshei nervnoi deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*. 1999. V. 49. № 2. P. 220–226. (In Russian)
16. Degtyarev V.P., Pozdnyakov S.S. Vliyanie aktsentuatsii lichnosti studentov na pokazateli tselenapravlennoi deyatel'nosti. *Prikladnye informatsionnye aspekty meditsiny*. 2015. V. 18. № 1. P. 76–86. (In Russian)
17. Dzhebrailova T.D., Korobeinikova I.I., Karatygin N.A. et al. Dinamika spektral'nykh kharakteristik EEG u lits s raznoi lichnostnoi trevozhnost'yu pri kognitivnoi deyatel'nosti. *Fiziologiya cheloveka*. 2021. V. 47. № 1. P. 20–30. DOI: 10.31857/S0131164621010033 (In Russian)
18. Dzhebrailova T.D., Suleimanova R.G. Dinamika kharakteristik serdechnogo ritma u studentov s raznoi lichnostnoi trevozhnost'yu vo vremya komp'yuternogo testirovaniya. *Byulleten' eksperimental'noi biologii i meditsiny*. 2012. V. 153. № 5. P. 627–630. (In Russian)

19. *Dzhebrailova T.D., Ivanova L.V., Suleimanova R.G.* Rezul'taty komp'yuternogo testirovaniya i variabel'nost' serdechnogo ritma u studentov s raznoi stepen'yu intro-ekstraversii. *Akademicheskii zhurnal Zapadnoi Sibiri*. 2014. V. 10. № 3 (52). P. 16–17. (In Russian)
20. *Egoyan A.A., D'yakova A.V.* Osobennosti proyavleniya neirotizma u uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa. Nauchnye issledovaniya studentov i uchashchikhsya: Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v 2 chastyakh. V. 2. Penza: MTsNS "Nauka i Prosveshchenie", 2021. P. 246–248. (In Russian)
21. *Zapparov I.I., Mozhaev E.L.* Snizhenie urovnya neirotizma kak faktor formirovaniya blagopriyatnogo sotsial'no-psikhologicheskogo klimata v khokkeinnoi komande 13–14 let. *Obrazovatel'naya sreda segodnya: strategii razvitiya: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Cheboksary: Tsentr nauchnogo sotrudnichestva "Interaktiv plus", 2016. № 1 (5). P. 304–306. (In Russian)
22. *Zorin R.A., Zhadnov V.A., Lapkin M.M.* Pokazateli rezul'tativnosti deyatel'nosti u bol'nykh epilepsiei i ikh svyaz' s techeniem zabolevaniya. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologii*. 2017. V. 24. № 3. P. 66–73. (In Russian)
23. *Il'in E.P.* Psikhologiya individual'nykh razlichii. Saint-Petersburg: Piter, 2004. 701 p. (In Russian)
24. *Kazaryan A.F., Shershnev D.A.* Vliyaniye psikhologicheskikh osobennostei studentov na ikh uspehnost' v uchebnoi deyatel'nosti. Nemetsko-rossiiskoe sotrudnichestvo. *Innovatsii v ekonomike, nauke i obrazovanii: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ed. E.V. Koneeva. Kaliningrad: Baltiiskii federal'nyi universitet imeni Immanuila Kanta, 2019. P. 67–72. (In Russian)
25. *Kamilov M.A.* Lichnostnye kachestva, opredelyayushchie uspehnost' sportsmena. *Voprosy nauki i obrazovaniya*. 2018. V. 14. № 1. P. 138–142. (In Russian)
26. *Klimenko A.V., Pertsov S.S., Yakovenko I.Yu.* Vzaimosvyaz' mezhdru urovnem neirotizma i rezul'tativnost'yu tselenapravlennoi deyatel'nosti cheloveka na modeli bazovykh endokhirurgicheskikh trenirovok. *Fiziologiya cheloveka*. 2019. V. 45. № 6. P. 68–75. DOI: 10.1134/S0131164619050047 (In Russian)
27. *Klimenko A.V., Pertsov S.S., Yakovenko I.Yu.* Rezul'tativnost' tselenapravlennoi deyatel'nosti pri otrabotke bazovykh endokhirurgicheskikh navykov u introvertov i ekstravertov. *Vestnik ural'skoi meditsinskoi akademicheskoi nauki*. 2019. V. 16. № 1. P. 57–66. DOI: 10.22138/2500-0918-2019-16-1-57-66 (In Russian)
28. *Klimenko A.V., Pertsov S.S., Yakovenko I.Yu.* Fiziologicheskaya tsena i uspehnost' tselenapravlennoi deyatel'nosti pri endokhirurgicheskom treninge u lyudei s razlichnoi trevozhnost'yu. *Tekhnologii zhivyykh sistem*. 2019. V. 16. № 4. P. 35–45. DOI: 10.18127/j20700997-201904-04 (In Russian)
29. *Knyazeva S.A.S.* Individual'no-psikhologicheskie osobennosti lyudei, sklonnykh k depressivnym sostoyaniyam. *Vestnik nauki*. 2022. V. 2. № 11 (56). P. 173–182. (In Russian)
30. *Kolinenko E.A., Khromina T.V., Kostina K.A.* Rol' temperamenta v podgotovke vozdukhnykh gimnastok. *Fizicheskaya kul'tura i sport v sovremennom obshchestve: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Velikoi Pobedy*. Khabarovsk: Dal'nevostochnaya gosudarstvennaya akademiya fizicheskoi kul'tury, 2020. P. 133–136. (In Russian)
31. *Kochergina E., Nai D., Orel E.* Faktory "Bol'shoi pyaterki" kak psikhologicheskie prediktory akademicheskoi uspevaemosti studentov vuzov. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2013. V. 6. № 27. P. 4. DOI: 10.54359/ps.v6i27.723 (In Russian)
32. *Krivoshchekov S.G., Bobrova Yu.V., Solov'eva K.S. et al.* Izuchenie sorevnovatel'noi deyatel'nosti sportsmenov razlichnykh vozrastov s uchetom ikh temperamenta: sistemacheskii analiticheskii obzor. *Integratsiya nauki i obshchestva na sovremennom etape: Sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ed. L.K. Bobrov. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i upravleniya "NINKh", 2018. P. 153–176. (In Russian)
33. *Lazarus R.S.* Individual'naya chuvstvitel'nost' i ustoichivost' k psikhologicheskomu stressu. *Psikhosotsial'nye faktory na rabote i okhrana zdorov'ya*. Moscow-Geneva, 1989. P. 121–126. (In Russian)
34. *Lobasyuk B.A., Bodelan M.I., Babaenko T.P.* Vliyaniye ritmov EEG na pokazateli ekstraversii-introversii i testa SMIL u pravopolusharnykh i levopolusharnykh. *The Unity of Science: International Scientific Periodical Journal*. 2016. № 4. P. 94–99. (In Russian)
35. *Merkulova M.A., Lapkin M.M., Trutneva E.A., Akulina M.V.* Obratnaya svyaz' kak faktor formirovaniya sistemnoi organizatsii tselenapravlenного povedeniya pri vosproizvedenii zritel'nykh obrazov ispytuemymi s razlichnymi svoistvami TsNS. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*. 2018. № 2 (66). P. 116–121. DOI: 10.19163/1994-9480-2018-2(66)-116-121 (In Russian)
36. *Nebylitsyn V.D.* Psikhofiziologicheskie issledovaniya individual'nykh razlichii. Moscow: Nauka, 1976. 336 p. (In Russian)
37. *Nemov R.S.* Obshchaya psikhologiya: Uchebnik. In 3 V. Moscow: Yurait, 2017. 242 p. (In Russian)
38. *Nuikina M.R.* Nuzhno li vospityvat' khladnokrovie u studenta-medika? [Electronic resource] *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Koncept"*. 2017. V. 31. P. 946–950. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970204.htm> (accessed: 20.05.2023) (In Russian)
39. *Perkhurova V.D., Tsaturyan L.D., Eliseeva E.V.* Funktsional'nye vozmozhnosti serdechno-sosudistoi sistema pri studentov s razlichnym urovnem neirotizma pri

- vypolnenii fizicheskoi nagruzki. Nauka. Innovatsii. Tekhnologii. 2015. № 3. P. 137–144. (In Russian)
40. *Pertsov S.S., Koplik E.V., Kalinichenko L.S.* Intensivnost' okislitel'nykh i antioksidantnykh protsessov v golovnom mozge krys s raznymi parametrami povedeniya pri ostroi stressornoj nagruzke. Byulleten' eksperimental'noi biologii i meditsiny. 2011. V. 152. № 7. P. 4–7. (In Russian)
 41. *Pertsov S.S.* Rol' suprakhiyazmaticheskogo yadra gipotalamusa v realizatsii effektov melatonina na timus, nadpochekniki i selezenku krys. Byulleten' eksperimental'noi biologii i meditsiny. 2006. V. 141. № 4. P. 364–367. (In Russian)
 42. *Pokhachevskii A.L., Krapivin O.V., Mikhalev V.N. et al.* Psikhofiziologicheskaya regulatsiya perenosimosti fizicheskoi nagruzki v sporte. Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka. 2018. № 6. P. 38–40. (In Russian)
 43. *Pshenichnikova I.I., Shkol'nikova M.A., Zakharova I.N., Tvorogova T.M.* Adaptatsiya detei k obucheniyu v uchrezhdeniyakh razlichnogo tipa: vliyanie vegetativnogo gomeostaza i lichnostnykh adaptivnykh resursov. Rossiiskii vestnik perinatologii i pediatrii. 2018. V. 63. № 5. P. 81–91. DOI: 10.21508/1027-4065-2018-63-5-81-91 (In Russian)
 44. *Rubinshtein S.L.* Osnovy obshchei psikhologii. 2-e izd. Saint-Petersburg: Piter, 2002. 720 p. (In Russian)
 45. *Rusalova M.N.* Fronto-oktsipital'naya asimmetriya moshchnosti teta-ritma EEG cheloveka. Asimmetriya. 2018. V. 12. № 3. P. 20–30. (In Russian)
 46. *Safontseva S.V.* Vzaimosvyaz' razlichnykh tipov intellekta i kreativnosti u ekstravertov i introvertov: Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk Moscow, 2003. (In Russian)
 47. *Smit N.Yu., Aleksandrov M.V., Karelina N.R., Lytaev S.A.* Vzaimosvyaz' lichnostnykh osobennostei studentov s kharakterom bioelektricheskoi aktivnosti lobnoi kory (pamyati Natal'i Yur'evny Smit). Forcipe. 2021. V. 4. № 3. P. 4–10. (In Russian)
 48. *Smit N.Yu., Aleksandrov M.V., Karelina N.R. et al.* Svyaz' parametrov bioelektricheskoi aktivnosti lobnykh otdelov kory golovnogo mozga s urovnem ekstraversii i neirotizma. Pediatr. 2021. V. 12. № 1. P. 31–41. DOI: 10.17816/PED12131-41 (In Russian)
 49. *Smit N.Yu., Eirikh S.V., Mishina I.Yu.* Svyaz' temperamenta rebenka i stanovleniya ego rechevoi aktivnosti so strukturnoi organizatsiei golovnogo mozga. Materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 115-letiyu so dnya rozhdeniya professora M.G. Privesa. Moscow: Izdvo "Nauchnaya kniga", 2019. P. 202–205. (In Russian)
 50. *Stepanova G.K., Ustinova M.V.* Vegetativnaya regulatsiya serdechnogo ritma u studentov-yakutov s razlichnym psikhofiziologicheskim statusom. Ekologiya cheloveka. 2020. № 10. P. 10–16. DOI: 10.33396/1728–0869-2020-10-10-16 (In Russian)
 51. *Sultanov M.B.* EEG-korrelyaty lichnostnykh superfaktorov Aizenka u yushoshei-sportsmenov. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 454. P. 209–213. DOI: 10.17223/15617793/454/25 (In Russian)
 52. *Teplov B.M.* Novye dannye po izucheniyu svoystv nervnoi sistemy cheloveka. Tipologicheskie osobennosti vysshei nervnoi deyatel'nosti cheloveka. V. 3. Ed. B.M. Teplov. Moscow, 1963. (In Russian)
 53. *Tumanyan A.A.* Osobennosti sensomotornogo reagirovaniya u ispytuemykh srednego vozrasta do i posle umstvennoi deyatel'nosti s uchetom individual'no-tipologicheskikh kharakteristik. Vestnik RAU. 2015. № 1. P. 101–111. (In Russian)
 54. *Khekkhauzen Kh.* Motivatsiya i deyatel'nost'. Saint-Petersburg: Piter; Moscow: Smysl, 2003. 860 p. (In Russian)
 55. *Tserkovskii A.L.* Osobennosti temperamentnykh svoystv lichnosti kak faktorov stressoustoichivosti studentov meditsinskogo vuza. Vestnik farmatsii. 2012. № 1. P. 89–93. (In Russian)
 56. *Chernyi S.V., Shchepotkin V.S., Klimenko B.V.* Vzaimosvyaz' individual'no-tipologicheskikh osobennostei i effektivnosti strel'by iz pnevmaticheskogo pistoleta u sportsmenov podrostkovogo vozrasta. V Mezhdunarodnyi nauchnyi kongress "Problemy fizkul'turnogo obrazovaniya: kontseptual'nye osnovy i nauchnye innovatsii". Sbornik nauchnykh trudov. V. 5. Ed. D.V. Syshko. 2018. P. 222–227. (In Russian)
 57. *Shadrikov V.D.* Psikhologiya deyatel'nosti cheloveka. Moscow: Logos, 1996. 319 p. (In Russian)
 58. *Shtanenko N.I., Galitskii G.N., Bud'ko L.A.* Individual'no-tipologicheskie osobennosti mekhanizmov adaptatsii i variabel'nosti serdechnogo ritma u grebtsov v zavisimosti ot napravlenosti sorevnovatel'noi deyatel'nosti. Problemy zdorov'ya i ekologii. 2017. № 1 (51). P. 48–53. (In Russian)
 59. *Yung K.G.* Psikhologicheskie tipy. Ed. V.V. Zelenskiy. Moscow: Universitetskaya kniga, 1998. 720 p. (In Russian)
 60. *Butcher P.R., Heubeck B.G., Welvaert M.* Anxiety and verbal learning in typically developing primary school children: Less efficient but equally effective. British Journal of Educational Psychology. 2020. V. 22. DOI: 10.1111/bjep.12380
 61. *Caspi A., Shiner R.L.* Personality development. Handbook of child psychology. Social, emotional, and personality development. New York: Wiley, 2006. V. 3. P. 300–365.
 62. *Cheremushkin E.A., Petrenko N.E., Yakovenko I.A. et al.* Neurophysiological markers of high anxiety level in man during the process of preparing for a visual recognition. Journal of Integrative Neuroscience. 2018. V. 17. № 3–4. P. 377–390. DOI: 10.3233/JIN-170074
 63. *Chida Y., Hamer M.* Chronic psychosocial factors and acute physiological responses to laboratory-induced stress in healthy populations: a quantitative review of 30 years of investigations. Psychological Bulletin. 2008. V. 134. № 6. P. 829–885. DOI: 10.1037/a0013342

64. *Corr P.J., Matthews G.* The Cambridge handbook of personality psychology. New York: Cambridge University Press, 2009. 850 p.
65. *Eaton L.G., Funder D.C.* The creation and consequences of the social world: An interactional analysis of extraversion. *European Journal of Personality*. 2003. V. 17. № 5. P. 375–395.
66. *Egeren L.F.* A cybernetic model of global personality traits. *Personality and Social Psychology Review*. 2009. V. 13. № 2. P. 92–108. DOI: 10.1177/1088868309334860
67. *Etkin A., Egner T., Peraza D.M. et al.* Resolving emotional conflict: A role for the rostral anterior cingulate cortex in modulating activity in the amygdale. *Neuron*. 2006. V. 51. № 6. P. 871–882. DOI: 10.1016/j.neuron.2006.07.029
68. *Eysenck H.J.* Is there a paradigm in personality research? *Journal of Research in Personality*. 1983. V. 17. № 4. P. 369–397. DOI: 10.1016/0092-6566(83)90067-3
69. *Gallagher D.* Personality, coping and objective outcomes: Extraversion, neuroticism, coping styles and academic performance. *Personality and Individual Differences*. 1996. V. 21. P. 421–429.
70. *Harrewijn A., Van der Molen M.J.W., Westenberg P.M.* Putative EEG measures of social anxiety: comparing frontal alpha asymmetry and delta-beta cross-frequency correlation. *Cognitive Affective & Behavioral Neuroscience*. 2016. V. 16. № 6. P. 1086–1098. DOI: 10.3758/s13415-016-0455-y
71. *Hill W.D., Weiss A., Liewald D.C. et al.* Genetic contributions to two special factors of neuroticism are associated with affluence, higher intelligence, better health, and longer life. *Molecular Psychiatry*. 2020. V. 25 (11). P. 3034–3052. DOI: 10.1038/s41380-019-0387-3
72. *Inanaga K.* Frontal midline theta rhythm and mental activity. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. 1998. V. 5. № 6. P. 555–566. DOI: 10.1046/j.1440-1819.1998.00452.x
73. *Lazarus R.S., Launier R.* Stress-related transactions between person and environment. *Perspectives in International Psychology*. Eds. L.A. Pervin, M. Lewis. Boston: Springer, 1978. P. 287–327.
74. *Markon K.E.* Hierarchies in the structure of personality traits. *Social and Personality Psychology Compass*. 2009. V. 3. № 5. P. 812–826. DOI: 10.1111/j.1751-9004.2009.00213.x
75. *McAdams D.P., Olson B.D.* Personality development: Continuity and change over the life course. *Annual Review of Psychology*. 2010. V. 61. № 1. P. 517–542. DOI: 10.1146/annurev.psych.093008.100507
76. *Nentwich M., Ai L., Madsen J. et al.* Functional connectivity of EEG is subject-specific, associated with phenotype, and different from fMRI. *NeuroImage*. 2020. V. 218. Art. 117001. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2020.117001
77. *Pearman A., Neupert S.D., Hughes M.L.* State anxiety is related to cortisol response during cognitive testing for older adults. *Gerontology & Geriatric Medicine*. 2020. V. 6. Art. 233372142091477. DOI: 10.1177/2333721420914776
78. *Schuster B.A., Sowden S.L., Abdulkarim D. et al.* Acting is not the same as feeling: Emotion expression in gait is different for posed and induced emotions. *Frontier in Human Neuroscience*. 2019. V. 13. DOI: 10.3389/conf.fnhum.2019.229.00010
79. *Shepherd D., Mulgrew J., Hautus M.J.* Exploring the autonomic correlates of personality. *Autonomic Neuroscience: Basic and Clinical*. 2015. V. 193. P. 127–131. DOI: 10.1016/j.autneu.2015.05.004
80. *Smoller J., Block S., Young M.* Genetics of anxiety disorders: The complex road from DSM to DNA. *Depression and Anxiety*. 2009. V. 26. № 11. P. 965–975. DOI: 10.1002/da.20623
81. *Sowden S., Schuster B.A., Keating C.T. et al.* The role of movement kinematics in facial emotion expression production and recognition. *Emotion*. 2021. V. 21. № 5. R. 1041–1061. DOI: 10.1037/emo0000835
82. *Studer-Luethi B., Bauer C., Perrig W.J.* Working memory training in children: Effectiveness depends on temperament. *Memory and Cognition*. 2016. V. 44. № 2. P. 171–186. DOI: 10.3758/s13421-015-0548-9
83. *Ward R.T., Smith S.L., Kraus B.T. et al.* Alpha band frequency differences between low-trait and high-trait anxious individuals. *NeuroReport*. 2018. V. 29. № 2. P. 79–83. DOI: 10.1097/WNR.0000000000000915
84. *Weger M., Sandi C.* Neuroscience and biobehavioral reviews high anxiety trait: A vulnerable phenotype for stress-induced depression. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2018. V. 87. P. 27–37. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2018.01.012

УДК: 159.99

СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ СРАВНЕНИЕ У РАЗНЫХ КАТЕГОРИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ¹

© 2024 г. Н. Г. Артемцева*, Е. С. Самойленко**

ФБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

* Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории познавательных процессов и математической психологии.

E-mail: artemcevng@ipran.ru

** Доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории познавательных процессов и математической психологии.

E-mail: samoylenko@ipran.ru

Поступила 19.09.2023

Аннотация. Статья посвящена изучению показателей субъект-ориентированного сравнения коммуникантов, общающихся в цифровой среде. Склонность к социальному сравнению рассматривается, с одной стороны, как общая характеристика, с другой стороны, показано, что ориентированность на сравнение может различаться у тех, кто много и мало коммуницирует в социальных сетях. Для оценки общей ориентированности на социальное сравнение использован Русскоязычный опросник ориентированности на социальное сравнение (РООСС), для оценки ориентированности на сравнение по внешности — русскоязычная версия шкалы “Сравнение физической внешности”, для дифференциации респондентов по разным категориям использовалась авторская анкета. В исследовании участвовали 156 респондентов разного возраста. Основная гипотеза заключалась в том, что существуют различия в выраженности склонности к социальному сравнению между теми, кто много и мало коммуницирует в сети. Обнаружено, что чем больше времени проводят пользователи в социальных сетях и чем они моложе, тем более у них выражена общая направленность на интер- и интрасубъектные виды сравнения и сравнение своего внешнего облика. Выявлено, что показатели направленности на сравнение себя со знакомыми людьми и сравнение себя в настоящем с собой таким, каким респондент мог бы быть, но не стал, статистически значимо различаются у двух категорий пользователей социальных сетей: некоммуникативные респонденты более склонны к таким видам субъектно-ориентированного сравнения, чем коммуникативные респонденты, при этом отсутствуют значимые различия между этими группами по ориентированности на сравнение себя с другими людьми по внешности.

Ключевые слова: субъект-ориентированное сравнение, сравнение внешности, общение, коммуникативность, интер- и интрасубъектные виды сравнения, социальные сети.

DOI: 10.31857/S0205959224010075

ВВЕДЕНИЕ

Субъектно-ориентированное сравнение представляет собой важнейший когнитивный процесс, осуществляемый субъектом во всей целостности его качеств, общающимся, деятельным и обладающим сознанием, позволяющим осуществлять рефлекссию [2]. Этот процесс выражается в нахождении сходства и различия, во-первых, между собой и другими субъектами (интерсубъектное сравнение) и, во-вторых, между собой в разные

временные промежутки или между собой в настоящем и своим желаемым, возможным и идеальным Я (интрасубъектное сравнение) [4].

Субъектно-ориентированное сравнение играет важную роль в процессах самопознания, самооценки, осознания своего места среди других людей и успешного общения с ними, способствует формированию представлений о динамике собственной личности, самосовершенствованию и самореализации, имеет разнообразные аффективные последствия [14].

В последнее десятилетие одно из актуальных направлений прикладных исследований субъектно-

¹ Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0138-2024-0012.

ориентированного, и прежде всего интерсубъектного, сравнения касается пользователей социальных сетей (см.: [7; 9; 12; 18; 21–28; 31]).

Социальные сети насчитывают, согласно последнему отчету Global Digital Overview Report (2023, January) о состоянии цифровой сферы, 4,76 млрд пользователей, что составляет чуть менее 60% общей численности населения мира². Социальные сети предоставляют широкий спектр инструментов, позволяющих удовлетворить потребность человека в общении, в получении разнообразной социальной информации, которая зачастую содержит идеализированные образы очень успешных, остроумных, привлекательных людей, формируя у пользователей этих сетей ошибочный взгляд на социальную реальность [27]. Сайты социальных сетей (SNS) позволяют пользователям создавать личный профиль и список онлайн-подключений, а также просматривать и взаимодействовать с потоком часто обновляемой информации. Соответственно, пользователи имеют широкие возможности при просмотре профилей и постов сравнивать себя с другими людьми с точки зрения статуса, опыта, достижений, способностей, эмоций, личностных характеристик, внешнего вида, популярности (см., например: [11; 16; 19; 23]). При этом сравнение может быть нисходящим (с кем-то менее успешным в определенном отношении), восходящим (с кем-то более успешным) или латеральным (с “равным”) [10]. Показано, что сравнение на платформах социальных сетей, как правило, имеет восходящий характер [28] и обусловлено склонностью их пользователей представлять себя там наиболее эффективным образом.

В литературе выделяются две общие категории пользователей социальных сетей: активные и пассивные. Активное использование социальной сети выражается в действиях, облегчающих прямой обмен человеком информацией с другими людьми, предполагает порождение информации (например, транслирование всех событий своей жизни или только ее определенных сторон) и включает в себя целенаправленный межличностный информационный обмен (например, отправку личного сообщения) или трансляцию (например, публикацию обновления статуса). Пассивное использование социальной сети, представляющее собой прежде всего потребление информации, означает наблюдение за онлайн-жизнью других пользователей без участия в прямом обмене информацией с ними (например, пролистывание новостных лент или просмотр профилей других пользователей) [27].

Взаимосвязь характера и степени активности человека в социальных сетях с его направленностью на сравнение себя с другими людьми является предметом ряда современных психологических исследований, в которых, в частности, показано, что эта связь двунаправленная: наиболее склонные к такого рода сравнению люди проводят больше времени в социальных сетях, а то, с чем они там сталкиваются, может способствовать более частому сравнению себя с другими людьми (см., например: [9]).

Согласно литературным данным (см., например: [7; 9; 12; 17; 23; 25]), при изучении активности в социальных сетях анализируются следующие основные показатели: 1) интенсивность использования социальных сетей, измеряемая с помощью соответствующей шкалы SMIS (Social Media Intensity Scale [15]) или отдельных утверждений, степень согласия с которыми необходимо отразить на шкале; 2) количество просматриваемых сообщений; 3) количество просматриваемых чужих профилей; 4) частота редактирования собственных профилей; 5) количество лайков и комментариев на посты; 6) количество друзей в социальной сети; 7) время, затрачиваемое на просмотр профилей и в целом на посещение платформы; 8) активный/пассивный вид поведения в социальной сети; 9) психологическая включенность в социальную платформу.

Многие из этих показателей соотносятся с направленностью на сравнение по способностям и мнениям, которая измеряется с помощью шкалы INCOM [18] или ее вариантов, с направленностью на восходящее или нисходящее сравнение, оцениваемой с помощью соответствующей шкалы [6], а также с объективными показателями частоты сравнений, осуществляемых в той или иной социальной сети.

Обнаружены положительные связи между направленностью на сравнение себя с другими людьми (по шкале INCOM) и: 1) частотой осуществления сравнений в Facebook^{3*}, измеряемой через шкальную оценку респондентами степени согласия с утверждением “Я думаю, что часто сравниваю себя с другими людьми на Facebook*”, когда читаю новости, новостные ленты или просматриваю чужие фотографии”; 2) интенсивностью использования Facebook*, измеряемой с помощью варианта шкалы SMIS (Social Media Intensity Scale); при отсутствии корреляций с количеством друзей

² <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 01.03.2023).

^{3*} Социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

в Facebook* [23]; 3) количеством часов в неделю, проведенных на этой платформе [29].

Результаты масштабного исследования, реализованного с участием 38 тыс. человек из 18 стран [9], в котором анализировались агрегированные данные журнала сервера, содержащие информацию об активности в Facebook*, свидетельствуют о том, что люди с более высокой направленностью на интересубъектное сравнение, измеряемой с помощью модифицированного варианта шкалы INCOM, проводили больше времени на Facebook*, просматривали пропорционально больше социального контента на сайте, читали больше отзывов о постах друзей и имели больше друзей. Интересно, что результат, касающийся наличия положительной корреляции между количеством друзей в социальной сети и направленностью на интересубъектное сравнение не соответствует тому, который получен другими авторами [23].

Более выраженная направленность на интересубъектное сравнение (по шкале INCOM) оказалась значимо взаимосвязанной с более высокой частотой пассивного просмотра социальных сетей [12; 31], при возможном опосредовании этих взаимосвязей культурными нормами [13]; а также с более активным взаимодействием с друзьями [30; 31] и с более частым редактированием собственных профилей с целью представить себя в наилучшем свете (см., например: [12; 13]).

Ряд указанных показателей активности в социальных сетях соотносится также с направленностью на восходящее/нисходящее сравнение. Один из результатов исследования, проведенного с участием более чем 1300 пользователей социальных сетей [17], заключался в том, что интенсивность использования социальных сетей (по шкале SMIS) оказалась значимо больше в группе пользователей, характеризующейся большей направленностью на восходящее сравнение, чем в группе тех, у кого эта направленность была менее выражена.

В последние несколько лет внимание исследователей привлек феномен, обозначенный как проблематичное использование социальных сетей (Problematic social media use, PSMU), суть которого выражается в постоянном взаимодействии с социальными сетями, и озабоченность ими, несмотря на возникающие вследствие этого нарушения повседневного функционирования и/или психологический стресс [20]. Как правило, оценка выраженности этого феномена осуществляется с помощью шкал BFAS (Bergen Facebook Addiction Scale) и BSMAS (Bergen Social Media Addiction Scale) [8].

Например, показано, что чем более выражен феномен проблематичного использования социальных сетей (по шкале BSMAS), тем значимо более выражена направленность на сравнение себя с другими людьми по способностям (по шкале INCOM) [22; 24]; значимо менее выражена направленность на сравнение собственных и чужих мнений при отсутствии значимых взаимосвязей между выраженностью феномена PSMU и склонностью к восходящей/нисходящей формам сравнения. Таким образом, выраженность феномена PSMU по-разному взаимосвязана с направленностью на сравнение способностей и на сравнение мнений, и, кроме того, эта взаимосвязь опосредована видом платформ социальных сетей [24].

Необходимо отметить, что в большинстве приведенных выше исследований в качестве участников выступали респонденты молодого возраста, что не позволяло ставить задачу изучения возраста как звена во взаимосвязи активности в социальных сетях и направленности на интересубъектное сравнение. Исключением является исследование [26], в котором обнаружено, что возраст отрицательно взаимосвязан с интенсивностью использования Facebook* и что эта взаимосвязь опосредована направленностью на сравнение себя с другими людьми, оцениваемой по шкале INCOM.

Таким образом, актуальность продолжения исследований по данной проблематике обусловлена наличием открытых вопросов и некоторых противоречивых данных, касающихся взаимосвязи выраженности направленности на интересубъектное сравнение и показателей активности в социальных сетях. Кроме того, в настоящий момент данная проблема в России практически не изучена, несмотря на растущую популярность виртуального общения у отечественных пользователей разного возраста и социального статуса, что также обуславливает необходимость дальнейших исследований, ориентированных на изучение взаимосвязи направленности на субъектно-ориентированное сравнение и поведения в социальных сетях у разных категорий их пользователей.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАПРАВЛЕННОСТИ НА СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ СРАВНЕНИЕ У РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Цель исследования заключалась в изучении различий в общей направленности на субъектно-ориентированное сравнение и специфической направ-

ленности на сравнение по внешности у разных категорий пользователей социальных сетей⁴.

Теоретическая гипотеза заключалась в том, что степень направленности на субъектно-ориентированное сравнение различна у разных категорий пользователей социальных сетей и зависит от возраста пользователей.

Эмпирические гипотезы исследования:

— чем больше времени проводят пользователи в социальных сетях, тем более у них выражена общая направленность на интер- и интрасубъектные виды сравнения и тем более у них выражена специфическая направленность на сравнение себя с другими людьми по параметру внешности;

— существуют значимые различия между высоко- и низкокоммуникативными пользователями социальных сетей в степени общей направленности на интер- и интрасубъектные виды сравнения и в специфической направленности на сравнение себя с другими людьми по параметру внешности;

— чем старше пользователи социальных сетей, тем менее у них выражена общая направленность на интер- и интрасубъектные виды сравнения и менее выражена специфическая направленность на сравнение себя с другими людьми по параметру внешности.

Задачи исследования: 1) изучить различия в общей направленности на интер- и интрасубъектные виды сравнения, а также в специфической направленности на сравнение себя с другими по параметру внешности у пользователей социальных сетей в связи со временем проведения и уровнем коммуникативности в сетях; 2) изучить возрастные детерминанты общей направленности пользователей социальных сетей на интер- и интрасубъектные виды сравнения и специфической направленности на сравнение себя с другими по параметру внешности.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В исследовании принимали участие 155 женщин и мужчин в возрасте 20–55 лет, женщины составили 80% выборки, мужчины — 20%. Все респонденты проживают на территории РФ и являются пользователями социальных сетей (ВКонтакте, Одноклассники, ЯндексДзен, ЖЖ и др.).

⁴ В сборе данных принимала активное участие магистрантка Волкова А.А. при проведении исследования для ВКР под руководством Артемцевой Н.Г.

Процедура исследования. Все респонденты заполняли опросники, размещенные в электронном виде, после предварительной договоренности об участии в исследовании и ознакомления с его условиями. Порядок заполнения диагностических инструментов был следующим: авторская анкета “Пользователь социальных сетей”, опросник РООСС, русскоязычная версия шкалы “Сравнение физической внешности”.

Авторская анкета “Пользователь социальных сетей”, разработанная А.А. Волковой и Н.Г. Артемцевой⁵, содержит вопросы, позволяющие выявить виды используемых социальных сетей, возраст пользователей, количество времени, проводимого в социальных сетях, и тип коммуникации в них. В рамках исследования анализировались ответы респондентов на следующие вопросы:

1. Являетесь ли Вы пользователем социальных сетей? Варианты ответов: а) да; б) нет.

2. Сколько времени в день Вы проводите в социальных сетях? Варианты ответов: а) менее 1 ч — “0”; б) 2–3 ч — “1”; в) больше 3 ч — “2”.

3. Какими социальными сетями Вы пользуетесь?

4. Насколько Вы коммуникативны в интернете: а) некоммуникативен(-на), зарегистрировался(-лась) сам(-а) не знаю зачем — мало общаюсь с людьми, не завожу новые знакомства; б) почти некоммуникативен(-на), предпочитаю общение только со знакомыми людьми (друзьями, родственниками, коллегами); в) слабо коммуникативен(-на), общаюсь со знакомыми людьми, периодически завожу новые знакомства, но редко сам(-а) проявляю инициативу в коммуникации; г) в меру коммуникативен(-на), общаюсь со знакомыми людьми, завожу новые знакомства, но не сильно увлекаюсь в пополнении френд-ленты, особенно мало интересующими меня и малознакомыми людьми; д) коммуникативен(-на), много общаюсь в сети, иногда даже чаще, чем “в реальном времени” (это касается и друзей), легко завожу новые знакомства, поддерживаю контакты, участвую в мероприятиях; ж) очень коммуникативен(-на), предпочитаю общение в сети общению в реальном времени, часто завожу новые знакомства, общаюсь со старыми знакомыми и новыми людьми, общаюсь на форумах, в группах и сообществах, много комментирую и т.д.

Опросник РООСС [5] состоит из 12 утверждений, касающихся соотнесения человеком себя с разными категориями социальных референтов. Одна часть утверждений характеризует интересующее

⁵ Анкета разработана в рамках исследования для ВКР магистрантки Волковой А.А. под научным руководством Артемцевой Н.Г.

сравнение, т.е. сравнение человеком себя с другими людьми, знакомыми и незнакомыми. Другая часть имеет отношение к интрасубъектному сравнению, т.е. сравнению человеком себя в настоящем и прошлом; себя в настоящем с таким, каким он хочет, может, боится быть в будущем; с таким, каким мог бы стать, но не стал, должен стать, но не стал; со своим идеальным Я. Респонденты должны указать, как часто они осуществляют содержащиеся в утверждениях виды сравнения, используя 5-балльную шкалу (0 — никогда не сравниваю; 4 — сравниваю все время). В опроснике выделены три фактора: фактор 1 объединяет высказывания, касающиеся сравнения себя с самим собой; фактор 2 — высказывания, касающиеся сравнения себя со знакомыми людьми; фактор 3 — высказывания, касающиеся сравнения себя с незнакомыми людьми. Подсчитываются показатели по каждому из трех факторов и общий показатель направленности на субъектно-ориентированное сравнение (каждый из показателей представляет собой сумму баллов по соответствующим шкалам).

Русскоязычная версия шкалы “Сравнение физической внешности” PACS-R [1] позволяет диагностировать специфическую направленность на сравнение человеком себя с другими людьми по внешности. Шкала состоит из 11 утверждений, касающихся сравнения человеком себя с другими людьми в разных жизненных ситуациях: по внешности — находясь на людях, в спортзале; по размеру тела — при знакомстве с человеком того же пола, на работе или учебе; по фигуре — на работе или учебе, на вечеринке, общаясь с друзьями; по жировой прослойке тела — находясь на людях, в ресторане; по весу — находясь в магазине одежды, общаясь с друзьями. Респонденты должны указать, как часто они осуществляют содержащиеся в утверждениях виды сравнения, используя 5-балльную шкалу (0 — никогда не сравниваю; 4 — всегда). Подсчитывается средняя оценка — интегральный показатель направленности на сравнение по внешности. Чем выше оценка, тем более склонен человек сравнивать свою внешность с внешностью других.

Статистическая обработка данных. При обработке результатов исследования использовались параметрические методы анализа данных — коэффициент корреляции Пирсона и *T*-критерий Стьюдента для сравнения выборок (Statistica 7.0).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Описательная статистика. Исходя из результатов анкетирования было выявлено, что 83% наших респондентов проводили в социальных сетях более

2 ч в день. Эти данные совпадают с результатами, представленными в Digital Global Overview Report, согласно которым в 2021–2022 гг. (когда было выполнено наше исследование) житель России проводил в интернете в среднем 2 ч 28 мин. Более половины респондентов (60%) являлись пользователями двух социальных сетей, 20% респондентов — пользователями трех социальных сетей и только 20% опрошенных — пользователями одной социальной сети. Такой результат свидетельствует о существенной широте охвата респондентами цифрового пространства.

По показателям коммуникативности среди всей выборки 7 человек сообщили об отсутствии какого-либо общения в социальных сетях, они только зарегистрировались в некоторых социальных сетях и никогда не заходили туда. Соответственно, для анализа использовались данные 148 участников исследования, которые были разделены на две группы в соответствии с ответами на вопрос анкеты относительно их коммуникативности в интернете. В группу высококоммуникативных вошли респонденты (66 человек), которые, по их субъективной оценке, много общались в социальных сетях, иногда даже чаще, чем “в реальном времени”, заводили новые знакомства, поддерживали контакты, участвовали в мероприятиях и часто предпочитали общение в сети общению в реальном времени, много комментировали. В группу низкокоммуникативных вошли 82 респондента, которые предпочитали общение только с близкими людьми, почти не заводили новые знакомства и редко сами проявляли инициативу в коммуникации.

Анализ результатов исследования заключался в следующем.

На *первом этапе* проводилась оценка связей направленности на общее субъектно-ориентированное сравнение и специфическое сравнение по параметру внешности с возрастом респондентов и временем, которое они проводят в социальных сетях.

Согласно критерию Пирсона, интегральный показатель общей направленности на субъектно-ориентированное сравнение отрицательно коррелирует (при $p < 0.05$) с возрастом респондентов ($r = -0.4$) и положительно со временем, проводимым в социальных сетях ($r = 0.3$). Аналогичным образом направленность на сравнение себя с другими людьми по внешности отрицательно коррелирует с возрастом ($r = -0.2$) и положительно со временем, проводимым в социальных сетях ($r = 0.3$).

Интересно, что при анализе дифференцированных показателей по отдельным факторам и пунктам

опросника РООСС показано, что направленность человека на сравнение себя со знакомыми, друзьями и сексуальными партнерами никак не связана ни с возрастом, ни с временем, проводимым в социальных сетях. А вот направленность на сравнение себя с посторонними людьми значимо положительно коррелирует со временем, проводимым в социальных сетях ($r = 0.2$ при $p < 0.05$), но значимо не связана с возрастом.

Таким образом, чем старше пользователи социальных сетей, тем менее у них выражена общая направленность на интер- и интрасубъектные виды сравнения, а также специфическая направленность на сравнение себя с другими людьми по параметру внешности. При этом чем дольше по времени проводят пользователи в социальных сетях, тем более у них выражена общая направленность на интер- и интрасубъектные виды сравнения, а также специфическая направленность на сравнение себя с другими людьми по параметру внешности. Эти результаты согласуются с данными, полученными другими исследователями [9]. Возможно, такие результаты исследования связаны с тем, что чем старше становятся люди, тем более сформированным становится их представление о себе и, соответственно, снижается необходимость в сравнении с целью самопознания.

На *втором этапе* был проведен сравнительный анализ выраженности общей направленности на субъектно-ориентированное сравнение и специфической направленности на сравнение по внешности в группах низко- и высококоммуникативных пользователей социальных сетей. Оказалось, что в группе низкокоммуникативных пользователей социальных сетей по сравнению с группой высококоммуникативных пользователей значения интегрального показателя и показателей по трем факторам субъектно-ориентированного сравнения несколько выше, при отсутствии соответствующих значимых различий, оцениваемых с помощью T -критерия Стьюдента. Таким образом, направленность на сравнение себя с другими людьми и с самим собой, проявляющаяся в жизни вообще и неспецифицированная для поведения в сетях, возможно, является особенностью, не связанной с включенностью в общение как процесс взаимного обмена образами и представлениями в цифровой среде.

Далее группы низко- и высококоммуникативных пользователей социальных сетей сравнивались с точки зрения оценок по каждому высказыванию опросника РООСС, соответствующему направленности на сравнение с определенным референтом, а также по общему показателю шкалы "Сравнение

физической внешности". Результаты сопоставления степени направленности на сравнение себя с разными референтами у двух категорий людей, дифференцируемых по степени коммуникативности в социальных сетях, были проверены на наличие статистически значимых различий. Статистическая проверка по T -критерию Стьюдента показала значимость различий только в отношении направленности на сравнение себя со знакомыми людьми ($T = 2.4$ при $p = 0.01$) и на сравнение себя в настоящем с собой таким, каким мог бы быть, но не стал ($T = 3.03$ при $p = 0.002$). Низкокоммуникативные респонденты оказались значимо более склонны к таким видам субъектно-ориентированного сравнения, чем высококоммуникативные, при отсутствии различий между этими группами по направленности на сравнение себя с другими людьми по внешности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществляя сравнение себя с другими людьми и себя с самим собой, человек выстраивает свою Я-концепцию, имеющую когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Это взаимосвязано с особенностями презентации себя в процессе коммуникации в социальных сетях, изучение особенностей которой является в настоящий момент актуальным.

Коммуникация в социальных сетях рассматривалась в работе как особый вид общения, с опорой на взгляды Б.Ф. Ломова о том, что в общении люди обмениваются своими образами и представлениями [3]. Соответственно, дифференцировались высококоммуникативные пользователи социальных сетей, которые активно общаются на форумах, в группах и сообществах, и низкокоммуникативные пользователи, редко проявляющие инициативу в коммуникации.

Исходя из того что люди в разной степени могут быть склонны к субъектно-ориентированному сравнению в целом и к специфическому сравнению себя с другими людьми по внешности, в исследовании, проведенном на широкой с точки зрения возраста выборке, была сделана попытка сопоставить выраженность этих склонностей у разных категорий пользователей социальных сетей в зависимости от их возраста, времени, затраченного на общение в сетях, и степени коммуникативности.

При анализе взаимосвязей возраста и времени, проводимого в социальных сетях, с выраженностью направленности на субъектно-ориентированное сравнение и сравнение себя по внешности

были обнаружены закономерности, подтверждающие наши эмпирические гипотезы. При этом предположение, что выраженность склонности к субъектно-ориентированному сравнению у тех, кто много и мало коммуницирует в сети, может быть разной, подтверждена лишь частично.

ВЫВОДЫ

1. Время, которое проводят в социальных сетях их пользователи, положительно взаимосвязано с их общей направленностью на субъектно-ориентированное сравнение, с направленностью на специфические виды сравнения себя со знакомыми и с незнакомыми людьми, а также с направленностью на сравнение себя по внешности.

2. Выраженность направленности на сравнение себя с другими людьми по внешности, а также общей направленности на субъектно-ориентированное сравнение и ее отдельные виды отрицательно взаимосвязаны с возрастом пользователей цифровой среды.

3. Различия между низко- и высококоммуникативными пользователями социальных сетей подтверждены только в отношении выраженности направленности на сравнение ими себя со знакомыми людьми и себя с самим собой.

Одним из ограничений исследования является отсутствие дифференцированного анализа соответствующих закономерностей у респондентов разного пола и определенных возрастных периодов. Это составляет одну из перспектив дальнейшей работы. Другая перспектива исследований касается разработки системы объективных показателей коммуникативности в социальных сетях с последующим соотношением значений этих показателей с направленностью на субъектно-ориентированное сравнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемцева Н.Г., Самойленко Е.С.* Шкала "Сравнение физической внешности": апробация на российской выборке // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 4. С. 110–119.
2. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2003.
3. *Ломов Б.Ф.* Системность в психологии. Избранные психологические труды. М.-Воронеж: МПСИ-НПО "МОДЕК", 1996.
4. *Самойленко Е.С.* К проблеме систематизации видов сравнения в психологии // Познание и переживание. 2023. Т. 4. № 2. С. 6–19.
5. *Самойленко Е.С.* Процесс сравнения в системах познания, общения и личности: Дис. ... д-ра психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2012.
6. *Allan S., Gilbert P.* A social comparison scale: Psychometric properties and relationship to psychopathology // Personality and Individual Differences. 1995. V. 19 (3). P. 293–299. DOI: 10.1016/0191-8869(95)00086-L
7. *Andreassen C., Billieux J., Griffiths M., Kuss D., Demetrovics Z., Mazzoni E. et al.* The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study // Psychology of Addictive Behaviors. 2016. № 30. P. 252–262. DOI: 10.1037/adb0000160
8. *Andreassen C.S., Torsheim T., Brunborg G.S., Pallesen S.* Development of a Facebook addiction scale // Psychological Reports. 2012. № 110 (2). P. 501–517. DOI: 10.2466/02.09.18.PR0.110.2.501-517
9. *Burke M., Cheng J., de Gant B.* Social Comparison and Facebook: Feedback, Positivity, and Opportunities for Comparison // Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. N.Y.: Association for Computing Machinery, 2020.
10. *Buunk A.P., Gibbons F.X.* Social comparison: The end of a theory and the emergence of a field // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2007. V. 102 (1). P. 3–21.
11. *Chae J.* Virtual makeover: Selfie-taking and social media use increase selfie-editing frequency through social comparison // Computers in Human Behavior. 2017. V. 66. P. 370–376.
12. *Cheng J., Burke M., de Gant B.* Country differences in social comparison on social media // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. 2021. V. 4. № CSCW3. P. 1–26.
13. *Chua Trudy Hui Hui, Chang Leanne.* Follow me and like my beautiful selfies: Singapore teenage girls' engagement in self-presentation and peer comparison on social media // Computers in Human Behavior. 2016. № 55. P. 190–197.
14. *Crusius J., Corcoran K., Mussweiler Th.* Social Comparison: A Review of Theory, Research, and Applications // Theories in Social Psychology / D. Chadee (Ed.). Wiley-Blackwell, 2022. P. 165–187.
15. *Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C.* The benefits of Facebook "friends": Social capital and college students' use of online social network sites // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. V. 12 (4). P. 1143–1168. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x
16. *Feinstein B.A. et al.* Negative social comparison on Facebook and depressive symptoms: Rumination as a mechanism // Psychology of popular media culture. 2013. V. 2. № 3. P. 161.

17. *Festinger L.* A theory of social comparison processes // *Human relations*. 1954. № 7. P. 117–140.
18. *Gibbons F.X., Buunk A.P.* Individual differences in social comparison: development and validation of a measure of social comparison orientation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. № 76 (1). P. 129–142.
19. *Gomez M. et al.* Do you dare to compare? The key characteristics of social media users who frequently make on-line upward social comparisons // *International Journal of Human-Computer Interaction*. 2022. V. 38. № 10. P. 938–948.
20. *Griffiths M.D., Kuss D.J., Demetrovics Z.* Social networking addiction: An overview of preliminary findings // *Behavioral Addictions*. 2014. № 1. P. 119–141.
21. *Haferkamp N., Krämer N.C.* Social comparison 2.0: Examining the effects of online profiles on social-networking sites // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2011. V. 14. № 5. P. 309–314.
22. *Kim H., Schlicht R., Schardt M., Florack A.* The contributions of social comparison to social network site addiction // *PLoS One*. 2021. V. 16 (10). Art. e0257795. DOI: 10.1371/journal.pone.0257795
23. *Lee S.Y.* How do people compare themselves with others on social network sites? The case of Facebook. // *Computers in Human Behavior*. 2014. № 32. P. 253–260.
24. *Lewin K.M., Ellithorpe M.E., Meshi D.* Social comparison and problematic social media use: Relationships between five different social media platforms and three different social comparison constructs // *Personality and Individual Differences*. 2022. № 199. P. 111865.
25. *Lup K., Trub L., Rosenthal L.* Instagram# instasad?: exploring associations among instagram use, depressive symptoms, negative social comparison, and strangers followed // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2015. V. 18. № 5. P. 247–252.
26. *Ozimek P., Bierhoff H.W.* Facebook use depending on age: the influence of social comparisons // *Computers in Human Behavior*. 2016. № 61. P. 271–279.
27. *Verduyn P., Gugushvili N., Massar K., Täht K., Kross E.* Social comparison on social networking sites // *Current opinion in psychology*. 2020. № 36. P. 32–37.
28. *Vogel E.A., Rose J.P., Roberts L.R. et al.* Social comparison, social media, and self-esteem // *Psychology of Popular Media Culture*. 2014. № 3. P. 206–222.
29. *Vogel E.A., Rose J.P., Okdie B.M. et al.* Who compares and despairs? The effect of social comparison orientation on social media use and its outcomes // *Personality and Individual Differences*. 2015. № 86. P. 249–256.
30. *Yang C.-C.* Interact and browse on social media, but don't compare: Instagram use, loneliness, and social comparison orientation // *Cyberpsychology, Behavior, & Social Networking*. 2016. № 19 (12). P. 703–708. DOI: 10.1089/cyber.2016.0201.
31. *Yang C., Robinson A.* Not necessarily detrimental: Two social comparison orientations and their associations with social media use and college social adjustment // *Computers in Human Behavior*. 2018. № 84. P. 49–57. DOI: 10.1016/j.chb.2018.02.020

SUBJECT-ORIENTED COMPARISON OF DIFFERENT CATEGORIES OF USERS OF THE DIGITAL ENVIRONMENT⁶

N. G. Artemtseva*, E. S. Samoylenko**

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences,
Laboratory of Cognitive Processes and Mathematical Psychology;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.*

**PhD (Psychology), Senior Research Associate.*

E-mail: artemcevang@ipran.ru

***ScD. (Psychology), Chief Researcher.*

E-mail: elena.samoylenko@ipran.ru

Received 19.09.2023

Abstract. The article is devoted to the study of indicators of subject-oriented comparison of communicants communicating in a digital environment. The propensity for social comparison is considered, on the one hand, as a general characteristic, on the other hand, it is shown that the focus on comparison may be different for those who communicate a lot and a little on social networks. To assess the overall orientation to social comparison, a Russian-language Questionnaire of Orientation to Social Comparison was used, a Scale of

⁶ The study was carried out within the framework of the State Assignment, project № 0138-2023-0006.

Comparison of physical appearance was used to assess orientation to comparison by appearance, an author's questionnaire was used to differentiate respondents by different categories. The study involved 156 respondents of different ages. The main hypothesis was that there are differences in the severity of the propensity to compare between those who communicate a lot and a little online. It was found that the more time users spend on social networks and the younger they are, the more they have a general focus on inter- and intra-subject types of comparison and comparison of their appearance. It was revealed that the indicators of orientation to compare oneself with familiar people and to compare oneself in the present with oneself as the respondent could have been, but did not, statistically significantly differ in two categories of social network users: non-communicative respondents are more prone to such types of subject-oriented comparison than communicative respondents, and there are no differences between these groups in their orientation to compare themselves with other people in appearance.

Keywords: subject-oriented comparison, comparison of appearance, communication, communicativeness, inter- and intra-subject types of comparison, digital environment.

REFERENCES

1. *Artemtseva N.G., Samoylenko E.S.* The physical appearance comparison scale (PACS-R): approbation on the russian sample. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2023. V. 45. № 4. P. 110–119. (In Russian)
2. *Brushlinskij A.V.* Psihologiya sub"ekta. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2003. (In Russian)
3. *Lomov B.F.* Sistemnost' v psihologii. Izbrannye psikhologicheskie trudy. Moskva-Voronezh: MPSI-NPO "MODEK", 1996. (In Russian)
4. *Samoylenko E.S.* K probleme sistematizatsii vidov sravneniya v psihologii. *Poznanie i perezhivanie*. 2023. V. 4. № 2. P. 6–19. (In Russian)
5. *Samoylenko E.S.* The process of comparison in systems of cognition, communication and personality: Dis. ... Dr. psikhol. sciences. Moscow: Institute of Psychology RAS, 2012. (In Russian)
6. *Allan S., Gilbert P.* A social comparison scale: Psychometric properties and relationship to psychopathology. *Personality and Individual Differences*. 1995. V. 19 (3). P. 293–299. DOI: 10.1016/0191-8869(95)00086-L
7. *Andreassen C., Billieux J., Griffiths M., Kuss D., Demetrovics Z., Mazzoni E. et al.* The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study. *Psychology of Addictive Behaviors*. 2016. № 30. P. 252–262. DOI: 10.1037/adb0000160
8. *Andreassen C.S., Torsheim T., Brunborg G.S., Pallesen S.* Development of a Facebook addiction scale. *Psychological Reports*. 2012. V. 110 (2). P. 501–517. DOI: 10.2466/02.09.18.PR0.110.2.501-517
9. *Burke M., Cheng J., de Gant B.* Social Comparison and Facebook: Feedback, Positivity, and Opportunities for Comparison. *Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York: Association for Computing Machinery, 2020.
10. *Buunk A.P., Gibbons F.X.* Social comparison: The end of a theory and the emergence of a field. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2007. V. 102 (1). P. 3–21.
11. *Chae J.* Virtual makeover: Selfie-taking and social media use increase selfie-editing frequency through social comparison. *Computers in Human Behavior*. 2017. V. 66. P. 370–376.
12. *Cheng J., Burke M., de Gant B.* Country differences in social comparison on social media. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. 2021. V. 4. № CSCW3. P. 1–26.
13. *Chua Trudy Hui Hui, Chang Leanne.* Follow me and like my beautiful selfies: Singapore teenage girls' engagement in self-presentation and peer comparison on social media. *Computers in Human Behavior*. 2016. № 55. P. 190–197.
14. *Crusius J., Corcoran K., Mussweiler Th.* Social Comparison: A Review of Theory, Research, and Applications. *Theories in Social Psychology*. D. Chadee (Ed.). Wiley-Blackwell, 2022. P. 165–187.
15. *Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C.* The benefits of Facebook "friends": Social capital and college students' use of online social network sites. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2007. V. 12 (4). P. 1143–1168. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x
16. *Feinstein B.A. et al.* Negative social comparison on Facebook and depressive symptoms: Rumination as a mechanism. *Psychology of popular media culture*. 2013. V. 2. № 3. P. 161.
17. *Festinger L.* A theory of social comparison processes. *Human relations*. 1954. № 7. P. 117–140.
18. *Gibbons F.X., Buunk A.P.* Individual differences in social comparison: development and validation of a measure of social comparison orientation. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. № 76 (1). P. 129–142.
19. *Gomez M. et al.* Do you dare to compare? The key characteristics of social media users who frequently make online upward social comparisons. *International Journal of Human-Computer Interaction*. 2022. V. 38. № 10. P. 938–948.
20. *Griffiths M.D., Kuss D.J., Demetrovics Z.* Social networking addiction: An overview of preliminary findings. *Behavioral Addictions*. 2014. № 1. P. 119–141.

21. *Haferkamp N., Krämer N.C.* Social comparison 2.0: Examining the effects of online profiles on social-networking sites. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2011. V. 14. № 5. P. 309–314.
22. *Kim H., Schlicht R., Schardt M., Florack A.* The contributions of social comparison to social network site addiction. *PLoS One*. 2021. V. 16 (10). Art. e0257795. DOI: 10.1371/journal.pone.0257795
23. *Lee S.Y.* How do people compare themselves with others on social network sites? The case of Facebook. *Computers in Human Behavior*. 2014. № 32. P. 253–260.
24. *Lewin K.M., Ellithorpe M.E., Meshi D.* Social comparison and problematic social media use: Relationships between five different social media platforms and three different social comparison constructs. *Personality and Individual Differences*. 2022. № 199. P. 111865.
25. *Lup K., Trub L., Rosenthal L.* Instagram# instasad?: exploring associations among instagram use, depressive symptoms, negative social comparison, and strangers followed. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2015. V. 18. № 5. P. 247–252.
26. *Ozimek P., Bierhoff H.W.* Facebook use depending on age: the influence of social comparisons. *Computers in Human Behavior*. 2016. № 61. P. 271–279.
27. *Verduyn P., Gugushvili N., Massar K., Täht K., Kross E.* Social comparison on social networking sites. *Current opinion in psychology*. 2020. № 36. P. 32–37.
28. *Vogel E.A., Rose J.P., Roberts L.R. et al.* Social comparison, social media, and self-esteem. *Psychology of Popular Media Culture*. 2014. № 3. P. 206–222.
29. *Vogel E.A., Rose J.P., Okdie B.M. et al.* Who compares and despairs? The effect of social comparison orientation on social media use and its outcomes. *Personality and Individual Differences*. 2015. № 86. P. 249–256.
30. *Yang C.-C.* Interact and browse on social media, but don't compare: Instagram use, loneliness, and social comparison orientation. *Cyberpsychology, Behavior, & Social Networking*. 2016. № 19 (12). P. 703–708. DOI: 10.1089/cyber.2016.0201
31. *Yang C., Robinson A.* Not necessarily detrimental: Two social comparison orientations and their associations with social media use and college social adjustment. *Computers in Human Behavior*. 2018. № 84. P. 49–57. DOI: 10.1016/j.chb.2018.02.020

УДК 159.9

ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА “THE VENGEANCE SCALE”: ОПРОСНИК МСТИТЕЛЬНОСТИ И ПРОЩЕНИЯ

© 2024 г. Э. В. Колыванова¹, С. Н. Ениколопов^{2,*}

¹ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.

²ФГБНУ Научный центр психического здоровья;
115230, г. Москва, Каширское ш., д. 34.

e-mail: kolivanovaelina@gmail.com

*Кандидат психологических наук.

e-mail: enikolopov@mail.ru

Поступила 14.11.2023

Аннотация. Феномен мести активно изучается в психологии, однако склонность к мстительному поведению тяжело поддается измерению, что подтверждается малым количеством методик, предназначенных для ее измерения. Опросник “The Vengeance Scale” был разработан как первая методика, позволяющая измерить черту мстительности. Оригинальная версия опросника признана в зарубежной психологии и широко используется в научных и практических целях. Целью данной работы является анализ психометрических характеристик русскоязычной версии опросника “The Vengeance Scale”. В исследовании приняли участие 317 человек в возрасте от 18 до 69 лет, из которых 113 человек — мужчины (35.6%). Респонденты заполняли русскоязычную версию опросника “The Vengeance Scale” и опросник “ВРАQ-24”, позволяющий измерить гнев, физическую агрессию и враждебность. В результате факторного анализа была установлена двухфакторная структура опросника “The Vengeance Scale”, включающая факторы “мстительность” (α Кронбаха = 0.902) и “прощение” (α Кронбаха = 0.811), в связи с чем методика получила модифицированное название “Опросник мстительности и прощения” (ОМП). Корреляционный анализ установил значимые положительные связи мстительности с физической агрессией, враждебностью и гневом. Обнаружены половые различия: у мужчин сильнее выражена “мстительность”, у женщин — “прощение”. Психометрический анализ подтвердил надежность—согласованность, валидность и надежность—устойчивость ОМП, что позволяет рекомендовать адаптируемую методику в качестве инструмента для диагностики мстительности.

Ключевые слова: месть, мстительность, прощение, The Vengeance scale, Опросник мстительности и прощения.

DOI: 10.31857/S0205959224010083

Склонность отвечать агрессивной реакцией на причиненные страдания глубоко ушла корнями в психологию и культуру разных стран, однако отношение к мести в разных социальных группах различается: в одних культурах месть является благородным актом и долгом чести, в других — аморальным поступком. Интерес к мести фиксируется и в обыденной жизни, в том числе в художественной литературе и фильмах, где сюжетные линии определяются мотивом мести. В настоящее время месть приобрела новые пути осуществления (киберместь, киберпреследование), что связано с активной коммуникацией посредством интернета и социальных сетей [20]. Повсеместное распро-

странение идеи мести и ее амбивалентное восприятие привлекают внимание ученых уже долгое время, однако, несмотря на это, в России проведено мало серьезных исследований по теме мести.

В психологии феномен мести рассматривается давно: начиная с психоанализа в начале XX в. [12 и др.] и набирая активность в разных сферах психологической науки в 1970-х гг. [11; 15 и др.]. В зарубежной психологии с конца XX в. месть начинает активно изучаться в контексте индивидуальных характеристик и психологических черт человека [8; 18]. В изучение феномена мести вносят наибольший вклад три направления: теоретическое, экспериментальное и психодиагностическое.

Теоретическое направление сосредоточено на выделении мести как отдельного феномена. Несмотря на то что уже более 100 лет феномен мести рассматривается с научной точки зрения, его точное определение не установлено и работа над понятием мести и мотива мести продолжается [4; 3]. Большинство ученых соглашается с тем, что месть является формой агрессивного поведения [1; 4; 10 и др.], так как ее целью является причинение вреда обидчику, который, являясь первоначальным агрессором, не желает подобного отношения к себе. Ключевым моментом выделения мести как отдельного понятия становится определение намерения агрессивного акта. Акт агрессии задевает целостность личности, и человек стремится восстановить упущенное равновесие. Месть, в отличие от возмездия и наказания, имеет более личностный смысл [28] и ставит на первое место удовольствие от страданий обидчиков. В связи с этим следует рассматривать месть как поведение, которое направляется желанием причинить обидчику реальный вред и не ограничивается аффективным проявлением (негативной эмоцией, например, гневом): “Месть — это не эмоция, но желание отомстить” [13]. Акт мести определяется личностью мстящего, а также социальными, моральными, нравственными и духовными факторами [21; 24]. Желание мести подкрепляется стремлением к восстановлению задетой личности, положительного самовосприятия и сохранению чести [14; 24]. В связи с этим диада “месть—прощение” является в первую очередь личностным выбором, и ряд личностных характеристик определит готовность прощать или мстить.

Экспериментальное направление. Несмотря на то что мстительное поведение — распространенная модель ответа на обиду, оно тяжело поддается измерению. Экспериментальное направление, ставящее в центр внимания акты мести, организуется в основном по принципу игр: два человека взаимодействуют таким образом, что один из них фрустрирует или “обкрадывает” второго, после чего второму игроку предоставляется возможность продолжить игру или отомстить, забрав у первого еще больше игровых очков [5; 7]. Более того, в науке практически нет способов измерения склонности к подобному поведению.

Психодиагностическое направление, создание опросных и других методик является острой проблемой и отправным пунктом, открывающим новые возможности в исследовании мести [23; 6 и др.]. В психологии, как и в других науках о человеке, мало методик, позволяющих определить склонность человека к мстительному поведению. До 1992 г. не существовало специализированных

средств измерения мстительности, однако нельзя не отметить то, что эту характеристику личности старались контролировать в некоторых других методиках (опросниках), в основном измеряющих мотивационную сферу.

Одна из первых идей представить черту мстительности, а точнее, жажду мести на шкале принадлежит Эриху Фромму. В работе “Анатомия человеческой деструктивности” 1973 г. Э. Фромм предполагает, что любого человека можно поместить на определенную точку на шкале в соответствии с тем, насколько сильная жажда мести присутствует у данного человека. На одном конце шкалы находится человек — христианский идеал, а на другом конце — высшие нарциссы, которые в ответ на любой удар по своей личности отвечают настоящей жаждой мести [4].

В 1985 г. Г. Миллер представляет опросник, позволяющий создать общую характеристику мотивационной сферы человека. Мотивационная шкала Миллера (The Miller Motivation Scale) состоит из 160 утверждений, распределенным по 8 шкалам [25]. Шкала “месть” относится к трем шкалам (вместе с “Желание сдаться” (Give-Up) и “Привлечение внимания”), измеряющим уныние, самопоражение и эгоистичные интересы. Шкала мести включает утверждения, касающиеся эгоистичных мотивов и мотивов защиты себя и своего имущества.

Склонность к мстительности часто измеряют параллельно со склонностью к прощению или другими формами поведения относительно обидчика. Субшкала “месть” является одной из двух шкал в опроснике TRIM [22], содержащем 12 вопросов и предназначенном для определения отношения жертвы к обидчику. Субшкала “избегание” опросника “Transgression-Related interpersonal motivations” определяет мотивацию жертвы избежать своего обидчика, а субшкала “месть” измеряет желание причинить вред обидчику.

Первым психологическим инструментом, специализированным на мести, стал опросник “The Vengeance scale”, разработанный Норинем Стаклессом и Ричардом Горансоном в Канаде в 1992 г. [29]. Авторы опросника рассматривают месть как концепцию поведения, основанную на восприятии обиды, чувства несправедливости, проявленной со стороны других. Месть, как правило, является более сильным ответом, чем предполагает простая “взаимность” (ответить обидчику тем же). “Шкала мстительности”, по задумке авторов, состоит из утверждений, касающихся мнения человека о приемлемости мстительных ответов на причиненную обиду. Изначально авторы собрали

85 пунктов; 8 из них были направлены на измерение враждебности, чтобы установить различия между пунктами, предназначенными для измерения мести, и пунктами, предназначенными для измерения враждебности. В результате отбора пунктов были исключены 9 пунктов из-за сложности формулировки; 6 пунктов, связанных с терроризмом; 5 пунктов, связанных с уголовными вопросами и 8 пунктов, связанных с враждебностью. В дальнейших этапах отбора пунктов размер опросника был сокращен до итоговых 20 утверждений по типу “Это важно для меня покончить с человеком, который причинил мне боль” — пункты с прямым ключом; и “Обычно лучше проявить милосердие, чем отомстить” — пункты с обратным ключом. Методика переведена на несколько языков: итальянский, турецкий и др. [19; 26; 27].

Целью данной работы является адаптация на русский язык опросника “The Vengeance Scale”. Методика позволяет определить выраженность мстительности как личностной характеристики, определяемой нравственными и моральными суждениями о возможности мести.

ВЫБОРКА

В исследовании приняли участие 317 человек. Выборка включает 113 мужчин (35.6%) и 204 женщины (64.4%). Возраст респондентов варьируется от 18 до 69 лет ($M = 22$; $SD = 12.6$).

Во втором этапе исследования (ретест) приняли участие 34 человека, из которых 17 мужчин (50%). Возраст респондентов варьируется от 18 до 66 лет ($M = 24$; $SD = 12.5$).

МЕТОДИКИ

В ходе исследования респонденты заполняли методику в следующей последовательности.

Таблица 1. Показатели внутренней согласованности факторов методики ОМП

“Мстительность” ($\alpha = 0.902$)			“Прощение” ($\alpha = 0.811$)		
Пункт	Корр. пункта с итогом	Альфа-если удалить	Пункт	Корр. пункта с итогом	Альфа-если удалить
2	0.718	0.889	1	0.393	0.806
3	0.718	0.890	4	0.454	0.798
6	0.577	0.898	5	0.503	0.792
7	0.678	0.891	8	0.456	0.797
10	0.603	0.897	9	0.510	0.791
12	0.617	0.895	11	0.570	0.784
14	0.720	0.890	13	0.581	0.783
15	0.691	0.891	16	0.583	0.786
17	0.767	0.886	18	0.306	0.812
20	0.548	0.901	19	0.558	0.786

1. Опросник “ВРАQ-24”. Опросник был разработан А. Бассом и М. Перри в 1992 г. и адаптирован на русский язык С.Н. Ениколоповым и Н.П. Цибульским в 2007 г. [2]. Диагностирует три черты — “враждебность”, “гнев” и “физическая агрессия”. Опросник состоит из 24 пунктов, на каждую шкалу приходится 8, 7 и 9 пунктов соответственно. Респондентам предлагалось дать ответ на каждый пункт по 5-балльной шкале Лайкерта.

2. “Опросник мстительности и прощения” (ОМП) [29]. Оригинальная версия опросника состоит из 20 предложений, содержащих различные установки людей в отношении моральных и этических суждений о мстительности и мести. Респондентам предлагалось оценить степень своего согласия/несогласия с пунктами опросника по 7-балльной шкале Лайкерта.

Для обработки и анализа данных использовались программные пакеты SPSS (v. 26 for macOS), MS Excel, Jamovi (v. 2.2.5) и язык программирования R.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Надежность. Для установления надежности—согласованности методики ОМП использовался критерий α Кронбаха (табл. 1).

Шкалы “мстительность” и “прощение” имеют высокие индексы надежности—согласованности ($\alpha = 0.902$ и $\alpha = 0.811$ соответственно).

Далее для определения структуры опросника был проведен эксплораторный факторный анализ и конфирматорный факторный анализ.

Эксплораторный факторный анализ. Результаты анализа по критерию Кайзера—Майера—Олкина и критерию сферичности Бартлетта показали пригодность данных для проведения эксплораторного факторного анализа (табл. 2).

Для определения факторной структуры методики ОМП был проведен эксплораторный факторный анализ с вращением *oblimin*, который выявил четырехфакторную структуру, где на долю четырех факторов приходится 58.105% совокупной дисперсии. Анализ графика собственных значений показал, что можно сохранить первый и второй факторы при начальных собственных значениях, равных 7.168; 2.200; 1.191; 1.062 для 1, 2, 3 и 4 фактора соответственно. В данном исследовании было создано для сравнения две модели Опросника мстительности и прощения: однофакторная (как оригинальная версия опросника; модель 1) и двухфакторная (модель 2).

При однофакторной структуре Опросника мстительности и прощения (*модель 1*) по матрице значений выделяются положительный и отрицательный полюс оси “мстительность”. Фактор объясняет

35.842% дисперсии. При двухфакторной структуре Опросника мстительности и прощения (*модель 2*) по матрице значений выделяются два фактора, объясняющие 46.841% совокупной дисперсии: “мстительность” — 35.842% дисперсии и “прощение” — 10.999% дисперсии (табл. 3).

Пункты, относящиеся к шкале “прощение” при двухфакторной структуре, располагаются на отрицательном полюсе фактора “мстительность”, выделяемом в модели № 1.

Конфирматорный факторный анализ. Для проверки факторных моделей ОМП был проведен конфирматорный факторный анализ.

Модель 1, включающая один фактор “мстительность”, имеет значение CFI меньше 0.9 и значение RMSEA больше 0.08. Индексы согласованности эмпирической модели нельзя считать удовлетвори-

Таблица 2. Показатели критерия КМО и критерия сферичности Бартлетта для методики ОМП

КМО и критерий Бартлетта		
Мера адекватности выборки Кайзера—Майера—Олкина (КМО)		0.918
Критерий сферичности Бартлетта	Примерная Хи-квадрат	2577.314
	ст. св.	190
	Значимость	0.000

Таблица 3. Факторные нагрузки пунктов для модели 2 методики ОМП

Пункты		Компоненты	
		Мстительность	Прощение
1	Это не стоит моего времени или усилий отплатить кому-то, кто обидел меня		0.484
2	Это важно для меня покончить с человеком, который причинил мне боль	0.737	
3	Я стараюсь свести счеты с любым, кто причинил мне боль	0.813	
4	Лучше никогда не испытывать жажду мести		0.589
5	Я живу по принципу “пусть прошлое останется в прошлом”		0.665
6	Нет ничего неправильного в том, чтобы отыграться на ком-то, кто причинил Вам боль	0.618	
7	Я не просто злюсь, я даю сдачи	0.785	
8	Мне кажется, что легко простить тех, кто причинил мне боль		0.59
9	Я не мстительный человек		0.528
10	Я верю в правило “око за око, зуб за зуб”	0.75	
11	Мсть — это аморально		0.554
12	Если кто-то доставляет мне неприятности, я найду способ заставить его пожалеть об этом	0.634	
13	Люди, которые настаивают на мести, отвратительны		0.707
14	Если ко мне были несправедливы, я не прошу себе, если не отомщу	0.816	
15	Это вопрос чести покончить с тем, кто причинил Вам боль	0.756	
16	Обычно лучше проявить милосердие, чем отомстить		0.641
17	Любой, кто провоцирует меня, заслуживает быть наказанным мной	0.809	
18	Всегда лучше “подставить другую щеку”		0.463
19	Желание мести заставило бы меня стыдиться		0.677
20	Это не стоит моего времени или усилий отплатить кому-то, кто обидел меня	0.544	

Метод выделения факторов: метод главных компонент

Метод вращения: облимин с нормализацией Кайзера

Вращение сошлось за 5 итераций

тельными, поэтому была построена вторая модель. Данные анализа КФА представлены в табл. 4.

Индексы согласованности эмпирической двухфакторной модели можно считать удовлетворительными, поэтому было принято решение оставить двухфакторную модель, включающую фактор “мстительность” и фактор “прощение”.

Валидность. На русском языке нет методик, позволяющих измерить мстительность или склонность к мести, но в литературе принято мнение о связи мести и оборонительной агрессии [1], поэтому для установления конвергентной валидности Опросника мстительности и прощения использовался опросник “ВРАQ-24” (табл. 5).

Ожидаемо шкала “мстительность” имеет значимые корреляции со шкалами “гнев”, “враждебность” и “физическая агрессия”.

Таблица 4. Показатели КФА для однофакторной модели ОМП

			RMSEA 90% CI				
CFI	TLI	RMSEA	Lower	Upper	AIC	BIC	χ^2 (df; p)
Однофакторная модель							
00.773	00.746	0.102	0.0949	0.110	23946	24174	758 (170; 0.001
Двухфакторная модель							
00.905	00.893	0.0665	0.0585	0.0746	23606	23838	416 (169; 0.001

Таблица 5. Корреляционный анализ ОМП с опросником “ВРАQ-24”

		Сумма Враждебность	Сумма Физическая агрессия	Сумма Гнев	Сумма ВРАQ
Сумма Мстительность	ро-Спирмен	0.322**	0.533**	0.204**	0.460**
Сумма Прощение	ро-Спирмен	-0.151**	-0.421**	-0.216**	-0.338**
N		317			

Примечания. ** — $p < 0.001$; * — $p < 0.05$.

Таблица 6. Половые различия по методике ОМП

		Критерий равенства дисперсий Ливиня		Критерий для независимых выборок			
		F	знач.	t	ст. св.	Ср. разн.	Ср. кв. ошибка разности
Сумма Мстительность	Предп. равные дисперсии	1.281	0.259	4.268**	315	5.99375	1.40424
Сумма Прощение	Предп. равные дисперсии	1.612	0.205	-2.252*	315	-2.80557	1.24566

Примечания. ** — $p < 0.001$; * — $p < 0.05$.

Таблица 7. Возрастные различия по методике ОМП

		Критерий равенства дисперсий Ливиня		Критерий для независимых выборок			
		F	знач.	t	ст. св.	Ср. разн.	Ср. кв. ошибка разности
Сумма Мстительность	Предп. равные дисперсии	0.458	0.499	1.345	315	1.87468	1.39365
Сумма Прощение	Предп. равные дисперсии	8.091	0.005	-2.245*	315	-2.79465	1.2451

Примечания. ** — $p < 0.001$; * — $p < 0.05$.

Половозрастные различия. Половые различия были обнаружены по шкалам “мстительность” и “прощение” (табл. 6).

Мужчины в большей степени склонны к мстительному поведению, в то время как женщины сильнее, чем мужчины, склонны к прощению.

Для анализа возрастных различий респонденты были разделены на две группы по критерию “возраст”.

Первую группу составили респонденты возрастом до 25 лет включительно (181 чел.; 57.1%); во вторую группу вошли респонденты старше 25 лет (136 чел.; 42.9%). Данные представлены в табл. 7.

По мере взросления люди становятся более склонными к прощению.

Для методики «Опросник мстительности и прощения» были посчитаны половозрастные нормы, представленные в табл. 8.

Таблица 8. Нормы для методики ОМП

Группа	Мужчины	Женщины
Мстительность		
Низкий	0–18	0–12
Средний	19–42	13–36
Высокий	43–70	37–70
Прощение		
Низкий	0–33	0–35
Средний	34–53	36–57
Высокий	54–70	58–70

Анализ тест-ретестовой надежности был проведен на 34 испытуемых с интервалом в 1 месяц (табл. 9).

Таблица 9. Тест-ретестовая надежность методики ОМП

		Ретест Мстительность	Ретест Прощение
Тест Мстительность	ро- Спирмен	0.787**	0.736**
Тест Прощение	ро- Спирмен		
<i>N</i>	34		

Как видно из табл. 9, корреляции значимы и выше 0.4, поэтому можно сделать вывод об устойчивости адаптируемых методик во времени.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

При проведении конфирматорного факторного анализа однофакторная версия “The Vengeance Scale” показала неудовлетворительные результаты. Индексы согласованности двухфакторной модели можно считать удовлетворительными, в связи с чем было принято решение оставить двухфакторную модифицированную модель, включающую фактор “мстительность” (α Кронбаха = 0.902) и фактор “прощение” (α Кронбаха = 0.811), получившую название “Опросник мстительности и прощения”. На русской выборке обнаружена большая чувствительность к ортогональности феноменов мести и прощения. Так как прощение является сложным преобразованием мотивационной сферы человека [23], оно не рассматривается как низкая склонность к мести, однако снижение мотивации мести может служить опорным компонентом акта прощения [22].

Так как в России нет методик, предназначенных для измерения мести, конвергентная валидность шкалы “мстительность” была подтверждена посредством корреляции с показателями опросника “ВРАQ-24”: “враждебность” (ρ -Спирмен = 0.322), “физическая агрессия” (ρ -Спирмен = 0.533) и “гнев” (ρ -Спирмен = 0.204). Положительные корреляции объясняются включением в компонент враждебности склонности к обидчивости [2], восприятие которой приводит к формированию тенденции отомстить. Человек, желающий отомстить, старается нанести реальный вред обидчику, физическая агрессия выступает как средство достижения этой цели. Связь мстительности с данными конструктами была обнаружена в процессе разработки опросника [29] и неоднократно подтверждалась в исследованиях [17; 26 и др.], поэтому на основе полученных корреляций можно сделать вывод о валидности адаптируемой методики.

Обнаружены половые различия. Мужчины в большей степени склонны к мести, нежели женщины ($t = 4.268$ при $p < 0.001$). Такая же тенденция была обнаружена авторами опросника. В науке многие исследования показывают, что мужчины набирают более высокие показатели по агрессивности и феноменам, связанным с агрессией. Так как мстительность связана с физической агрессией и гневом, половые различия в которых установлены, полученные различия в мстительности ожидаемы. Женщины в большей степени, чем мужчины, склонны к прощению ($t = -2.252$ при $p < 0.005$). По мере взросления люди приобретают большую склонность прощать ($t = -2.245$ при $p < 0.005$), что подтверждается исследованиями, в которых утверждается, что с возрастом независимо от пола люди демонстрируют меньшую толерантность к агрессии [16].

Адаптируемый опросник является первой русскоязычной методикой, предназначенной для измерения мстительности. Опросник сосредоточен на личностной сфере и отражает личностные суждения о возможности и уместности мстительных ответов на предшествующую обиду. Русскоязычная версия широкопризнанного опросника позволит проводить исследования личностной сферы, характеристики мстительности и ее связи с другими личностными чертами на русскоязычном населении. Дальнейшая работа по изучению феномена мести должна включать рассмотрение когнитивного и аффективного компонентов мстительного поведения. Для изучения этой проблемы авторами проводится адаптация на русский язык методики “The Displaced Aggression Questionnaire”, включающей когнитивный компонент — “планирование мести” и “злое мышление” [9].

ВЫВОДЫ

1. Опросник “The Vengeance Scale” в русскоязычной версии включает две шкалы — “мстительность” и “прощение”, в связи с чем методика получила модифицированное название “Опросник мстительности и прощения” (ОМП).

3. Адаптируемая методика является надежным и валидным средством измерения мстительности. Корреляционный анализ методики с опросником “ВРАQ-24” подтверждает конвергентную валидность Опросника мстительности и прощения, т.е. методика действительно измеряет заявленный конструкт мстительности.

4. Обнаружены половозрастные различия и составлены нормы для Опросника мстительности и прощения. Мужчины в большей степени склонны к мести, в то время как у женщин выше выражена склонность к прощению.

5. Адаптируемая методика имеет высокие показатели тест-ретестовой надежности, проверенной с интервалом в 1 месяц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1999. С. 352. (Серия “Мастера психологии”).
2. Ениколопов С.Н. Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри / С.Н. Ениколопов, Н.П. Цибульский // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 115–124.
3. Пилецкий С.Г. Месть и возмездие: социальная эволюция с обратной связью // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 2.
4. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Эрих Фромм; пер. Э.М. Телятникова, Т.В. Панфилова. AST Publishers, 2015. С. 635.
5. Bone J.E., Raihani N.J. Human punishment is motivated by both a desire for revenge and a desire for equality // *Evolution and Human Behavior*. 2015. V. 36. № 4. P. 323–330.
6. Brown R.P. Vengeance is mine: Narcissism, vengeance, and the tendency to forgive // *Journal of research in Personality*. 2004. V. 38. № 6. P. 576–584.
7. Carlsmith K.M., Wilson T.D., Gilbert D.T. The paradoxical consequences of revenge // *Journal of personality and social psychology*. 2008. V. 95. № 6. P. 1316.
8. Cota-McKinley A.L., Woody W.D., Bell P.A. Vengeance: Effects of gender, age, and religious background // *Aggressive Behavior: Official Journal of the International Society for Research on Aggression*. 2001. V. 27. № 5. P. 343–350.
9. Denson T.F., Pedersen W.C., Miller N. The displaced aggression questionnaire // *Journal of personality and social psychology*. 2006. V. 90. № 6. P. 1032.
10. Frijda N.H. The lex talionis: On vengeance. Emotions. Psychology Press, 2014. P. 277–304.
11. Geen R.G., Stonner D. Context effects in observed violence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. V. 25. № 1. P. 145.
12. Gordon L. Incest as revenge against the pre-oedipal mother // *The Psychoanalytic Review* (1913–1957). 1955. V. 42. P. 284.
13. Gower M. Revenge: interplay of creative and destructive forces // *Clinical Social Work Journal*. 2013. V. 41. № 1. P. 112–118.
14. Grobbink L.H., Derksen J.J.L., van Marle H.J.C. Revenge: An analysis of its psychological underpinnings // *International journal of offender therapy and comparative criminology*. 2015. V. 59. № 8. P. 892–907.
15. Halleck S.L. Vengeance and victimization // *Victimology*. 1980. V. 5. № 2. P. 99–109.
16. Harris M.B., Knight-Bohnhoff K. Gender and aggression I // *Perceptions of aggression. Sex roles*. 1996. V. 35. P. 1–25.
17. Hennessy D.A., Wiesenthal D.L. Aggression, violence, and vengeance among male and female drivers // *Transportation Quarterly*. 2002. V. 56. № 4. P. 65–75.
18. Howard R., Duggan C. Personality disorder and offending // *Forensic Psychology*. 2021. P. 468–484.
19. Khalid S., Ashraf S., Azad S. Attitudinal Scale of Vengeance: Translation and Psychometric Evaluation in Pakistan // *Trends in Psychology*. 2021. V. 29. P. 617–636.
20. König A., Gollwitzer M., Steffgen G. Cyberbullying as an act of revenge? // *Journal of Psychologists and Counselors in Schools*. 2010. V. 20. № 2. P. 210–224.
21. Marongiu P., Newman G.R. Vengeance: The fight against injustice. Totowa, NJ: Rowman & Littlefield, 1987.
22. McCullough M.E. et al. Interpersonal forgiving in close relationships: II. Theoretical elaboration and measurement // *Journal of personality and social psychology*. 1998. V. 75. № 6. P. 1586.
23. McCullough M.E. et al. Vengefulness: Relationships with forgiveness, rumination, well-being, and the Big Five // *Personality and social psychology bulletin*. 2001. V. 27. № 5. P. 601–610.
24. McCullough M.E., Kurzban R., Tabak B.A. Cognitive systems for revenge and forgiveness // *Behavioral and Brain Sciences*. 2013. V. 36. № 1. P. 1–15.
25. Miller H.J. The Miller Motivation Scale: A New Counselling and Research Tool, 1987.
26. Ruggi S. et al. Assessing vindictiveness: Psychological aspects by a reliability and validity study of the Vengeance Scale in the Italian context // *Current Psychology*. 2012. V. 31. P. 365–380.
27. Satıcı A.S., Can G., Akın A. The vengeance scale: Turkish adaptation study, 2015.

28. *Schumann K., Ross M.* The benefits, costs, and paradox of revenge // *Social and Personality Psychology Compass*. 2010. V. 4. № 12. P. 1193–1205.
29. *Stuckless N., Goranson R.* The vengeance scale: Development of a measure of attitudes toward revenge // *Journal of social behavior and personality*. 1992. V. 7. № 1. P. 25.

PSYCHOMETRIC ANALYSIS OF THE RUSSIAN LANGUAGE VERSION OF THE QUESTIONNAIRE “THE VENGEANCE SCALE”: QUESTIONNAIRE OF REVENGE AND FORGIVENESS

E. V. Kolivanova¹, S. N. Enikolopov^{2,*}

¹*Lomonosov Moscow State University;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/9, Russia.*

²*Mental Health Research Center;
115230, Moscow, Kashirskoe highway, 34, Russia.*

E-mail: kolyvanovaelina@gmail.com

**PhD (Psychology).*

E-mail: enikolopov@mail.ru

Received 14.11.2023

Abstract. The phenomenon of revenge is actively studied in psychology, but the tendency to vindictive behavior is difficult to measure, which is confirmed by the small number of methods designed to measure it. The Vengeance Scale was developed as the first measure of vengefulness. The original version of the questionnaire is recognized in foreign psychology and is widely used for scientific and practical purposes. The purpose of this work is to analyze the psychometric characteristics of the Russian version of the “The Vengeance Scale” questionnaire. The study involved 317 people aged 18 to 69 years, of which 113 were men (35.6%). Respondents filled out the Russian version of the “The Vengeance Scale” questionnaire and the “BPAQ-24” questionnaire, which measures anger, physical aggression and hostility. As a result of factor analysis, a two-factor structure of the “The Vengeance scale” questionnaire was established, including the factors “vindictiveness” (Cronbach’s $\alpha = 0.902$) and “forgiveness” (Cronbach’s $\alpha = 0.811$), and therefore the technique received a modified name “Vengeance and Forgiveness Questionnaire” (WMD). Correlation analysis established significant positive relationships between vindictiveness and physical aggression, hostility and anger. Gender differences were found: in men, “vindictiveness” is more pronounced, in women, “forgiveness” is more pronounced. Psychometric analysis confirmed the reliability-consistency, validity and reliability-stability of the Vengeance and Forgiveness Questionnaire, which allows us to recommend the adaptable methodology as a tool for diagnosing vindictiveness.

Keywords: revenge, vindictiveness, forgiveness, The Vengeance scale, Vengeance and Forgiveness Questionnaire.

REFERENCES

1. *Beron R., Richardson D.* Агрессия. St. Petersburg: Izdatel'stvo “Piter”, 1999. P. 352. (Seriya “Mastera psikhologii”).
2. *Enikolopov S.N.* Psihometricheskij analiz russkoyazychnoj versii Oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri. S.N. Enikolopov, N.P. Cibul'skij. Psikhologicheskii zhurnal. 2007. V. 28. № 1. P. 115–124.
3. *Pileckij S.G.* Mest' i vozmездие: social'naya evolyuciya s obratnoj svyaz'yu. Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2010. № 2.
4. *Fromm E.* Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti. Erih Fromm; trans. from eng. by E.M. Telyatnikova, T.V. Panfilova. AST Publishers, 2015. P. 635.
5. *Bone J.E., Raihani N.J.* Human punishment is motivated by both a desire for revenge and a desire for equality. *Evolution and Human Behavior*. 2015. V. 36. № 4. P. 323–330.
6. *Brown R.P.* Vengeance is mine: Narcissism, vengeance, and the tendency to forgive. *Journal of research in Personality*. 2004. V. 38. № 6. P. 576–584.
7. *Carlsmith K.M., Wilson T.D., Gilbert D.T.* The paradoxical consequences of revenge. *Journal of personality and social psychology*. 2008. V. 95. № 6. P. 1316.

8. *Cota-McKinley A.L., Woody W.D., Bell P.A.* Vengeance: Effects of gender, age, and religious background. *Aggressive Behavior: Official Journal of the International Society for Research on Aggression*. 2001. V. 27. № 5. P. 343–350.
9. *Denson T.F., Pedersen W.C., Miller N.* The displaced aggression questionnaire. *Journal of personality and social psychology*. 2006. V. 90. № 6. P. 1032.
10. *Frijda N.H.* The lex talionis: On vengeance. *Emotions*. Psychology Press, 2014. P. 277–304.
11. *Geen R.G., Stonner D.* Context effects in observed violence. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. V. 25. № 1. P. 145.
12. *Gordon L.* Incest as revenge against the pre-oedipal mother. *The Psychoanalytic Review* (1913–1957). 1955. V. 42. P. 284.
13. *Gower M.* Revenge: interplay of creative and destructive forces. *Clinical Social Work Journal*. 2013. V. 41. № 1. P. 112–118.
14. *Grobink L.H., Derksen J.J.L., van Marle H.J.C.* Revenge: An analysis of its psychological underpinnings. *International journal of offender therapy and comparative criminology*. 2015. V. 59. № 8. P. 892–907.
15. *Halleck S.L.* Vengeance and victimization. *Victimology*. 1980. V. 5. № 2. P. 99–109.
16. *Harris M.B., Knight-Bohnhoff K.* Gender and aggression I: Perceptions of aggression. *Sex roles*. 1996. V. 35. P. 1–25.
17. *Hennessy D.A., Wiesenthal D.L.* Aggression, violence, and vengeance among male and female drivers. *Transportation Quarterly*. 2002. V. 56. № 4. P. 65–75.
18. *Howard R., Duggan C.* Personality disorder and offending. *Forensic Psychology*. 2021. P. 468–484.
19. *Khalid S., Ashraf S., Azad S.* Attitudinal Scale of Vengeance: Translation and Psychometric Evaluation in Pakistan. *Trends in Psychology*. 2021. V. 29. P. 617–636.
20. *König A., Gollwitzer M., Steffgen G.* Cyberbullying as an act of revenge? *Journal of Psychologists and Counsellors in Schools*. 2010. V. 20. № 2. P. 210–224.
21. *Marongiu P., Newman G.R.* Vengeance: The fight against injustice. Totowa, NJ: Rowman & Littlefield, 1987.
22. *McCullough M.E. et al.* Interpersonal forgiving in close relationships: II. Theoretical elaboration and measurement. *Journal of personality and social psychology*. 1998. V. 75. № 6. P. 1586.
23. *McCullough M.E. et al.* Vengefulness: Relationships with forgiveness, rumination, well-being, and the Big Five. *Personality and social psychology bulletin*. 2001. V. 27. № 5. P. 601–610.
24. *McCullough M.E., Kurzban R., Tabak B.A.* Cognitive systems for revenge and forgiveness. *Behavioral and Brain Sciences*. 2013. V. 36. № 1. P. 1–15.
25. *Miller H.J.* The Miller Motivation Scale: A New Counselling and Research Tool, 1987.
26. *Ruggi S. et al.* Assessing vindictiveness: Psychological aspects by a reliability and validity study of the Vengeance Scale in the Italian context. *Current Psychology*. 2012. V. 31. P. 365–380.
27. *Satici A.S., Can G., Akın A.* The vengeance scale: Turkish adaptation study, 2015.
28. *Schumann K., Ross M.* The benefits, costs, and paradox of revenge. *Social and Personality Psychology Compass*. 2010. V. 4. № 12. P. 1193–1205.
29. *Stuckless N., Goranson R.* The vengeance scale: Development of a measure of attitudes toward revenge. *Journal of social behavior and personality*. 1992. V. 7. № 1. P. 25.

ПРИЛОЖЕНИЯ

“Опросник мстительности и прощения”

ИНСТРУКЦИЯ

Ниже приведен ряд утверждений, описывающих установки разных людей. Здесь нет правильных или неправильных ответов, только мнения. Прочитайте каждый пункт и решите, с какими Вы соглашаетесь или не соглашаетесь, и в какой степени. Если Вы абсолютно согласны, обведите цифру 7; если Вы абсолютно не согласны, обведите цифру 1; если Вы чувствуете себя где-то посередине, обведите цифру, расположенную между 1 и 7. Если Вы чувствуете себя нейтрально или не определились, обведите цифру 4.

(1) Абсолютно не согласен

(3) Скорее не согласен

(2) Не согласен

(4) Не могу определиться

Это не стоит моего времени или усилий отплатить кому-то, кто обидел меня	1	2	3	4	5	6	7
Это важно для меня покончить с человеком, который причинил мне боль	1	2	3	4	5	6	7
Я стараюсь свести счеты с любым, кто причинил мне боль	1	2	3	4	5	6	7
Лучше никогда не испытывать жажду мести	1	2	3	4	5	6	7

Я живу по принципу “пусть прошлое останется в прошлом”	1	2	3	4	5	6	7
Нет ничего неправильного в том, чтобы отыграться на ком-то, кто причинил Вам боль	1	2	3	4	5	6	7
Я не просто злюсь, я даю сдачи	1	2	3	4	5	6	7
Мне кажется, что легко простить тех, кто причинил мне боль	1	2	3	4	5	6	7
Я не мстительный человек	1	2	3	4	5	6	7
Я верю в правило “око за око, зуб за зуб”	1	2	3	4	5	6	7
Мсть — это аморально	1	2	3	4	5	6	7
Если кто-то доставляет мне неприятности, я найду способ заставить его пожалеть об этом	1	2	3	4	5	6	7
Люди, которые настаивают на мести, отвратительны	1	2	3	4	5	6	7
Если ко мне были несправедливы, я не прощу себе, если не отомщу	1	2	3	4	5	6	7
Это вопрос чести покататься с тем, кто причинил Вам боль	1	2	3	4	5	6	7
Обычно лучше проявить милосердие, чем отомстить	1	2	3	4	5	6	7
Любой, кто провоцирует меня, заслуживает быть наказанным мной	1	2	3	4	5	6	7
Всегда лучше “подставить другую щеку”	1	2	3	4	5	6	7
Желание мести заставило бы меня стыдиться	1	2	3	4	5	6	7
Мсть сладка	1	2	3	4	5	6	7

Ключи

Опросник состоит из 20 утверждений, распределенных по двум шкалам: “мстительность” и “прощение”. Респонденты дают ответы по 7-балльной системе. Все пункты прямые.

1. Мстительность:

пункты 2, 3, 6, 7, 10, 12, 14, 15, 17, 20 (мин. — 10; макс. — 70).

2. Прощение:

пункты 1, 4, 5, 8, 9, 11, 13, 16, 18, 19 (мин. — 10; макс. — 70).

УДК 159.9

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРАВКОВ — ПСИХОЛОГ И ПСИХОФИЗИОЛОГ: ВЕХИ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ (К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

© 2024 г. О. Г. Носкова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.*

*Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда
и инженерной психологии факультета психологии.*

E-mail: nog4813@mail.ru

Поступила 29.10.2023

Аннотация. Статья подготовлена к 130-летию со дня рождения выдающегося отечественного ученого, психолога-экспериментатора, специалиста в области психофизиологии зрения С.В. Кравкова (1893–1951). Предметом историко-психологического исследования был этап профессионального становления ученого с 1916 по 1935 г. Применен биографический метод. Используются материалы Архива РАН, труды С.В. Кравкова, воспоминания и оценки ученых. Приведены сведения о семье и личности ученого. Установлены трудовые посты и виды профессиональной деятельности С.В. Кравкова в первые 20 лет его работы. Выявлены предпосылки перехода ученого от первоначально широкого круга психологических вопросов к светотехнике и психофизиологии зрения как центральной области его прикладных и фундаментальных исследований. Показано своеобразие метода самонаблюдения в экспериментальных исследованиях зрения в работах ученого. Сделан вывод о преобладающем влиянии П.П. Лазарева в научном становлении С.В. Кравкова как специалиста в области физиологической оптики и психофизиологии зрения.

Ключевые слова: историко-психологическое исследование, биографический метод, этап профессионального становления ученого, интроспекция, самонаблюдение, психология и физиология зрительных ощущений и восприятия, физиологическая оптика.

DOI: 10.31857/S0205959224010096

ЧТО ИЗВЕСТНО СОВРЕМЕННЫМ ПСИХОЛОГАМ О СЕРГЕЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ КРАВКОВЕ?

Сергей Васильевич Кравков родился 19 мая 1893 г. в г. Рязани, умер 16 марта 1951 г. в г. Москве. Известен как выдающийся ученый-экспериментатор, психолог и психофизиолог, один из основателей физиологической оптики в СССР, доктор биологических наук (1935), профессор (1935), чл.-корр. АН СССР (1946), чл.-корр. АМН СССР (1946), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1947).

С.В. Кравков руководил лабораторией психофизиологии ощущений в Государственном институте психологии, педологии и психотехники РАНИМП (более известный в настоящее время как Психологический институт РАО, а с 2023 г. — Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований) в Москве (1931–1936).

В 1936 г. организовал лабораторию физиологической оптики в Государственном институте офтальмологии имени Г. Гельмгольца, руководил лабораторией психофизиологии ощущений и восприятий в Институте философии АН СССР (1945–1951), преподавал в качестве профессора многие дисциплины на биологическом факультете МГУ (1936–1938), на кафедре психологии философского факультета МГУ (1945–1951), в других вузах.

Международную известность и признание получили книги С.В. Кравкова: “Глаз и его работа” (1932) [9], “Взаимодействие органов чувств” (1948) [13], “Цветовое зрение” (1951) [15] и др. Можно говорить о научной школе С.В. Кравкова; среди его учеников — профессора Е.Н. Соколов, А.И. Богословский, О.И. Никифорова, кандидаты и доктора наук А.Я. Бунин, Л.П. Галочкина, Г.К. Гуртовой, В.В. Мешков, Л.И. Мкртычева, В.И. Рождественский, В.Г. Самсонов, Л.И. Селецкая, Е.Н. Семе-

новская, Н.Т. Федоров, Л.А. Шварц, А.А. Яковлев и др.

Главные научные достижения С.В. Кравкова состоят в систематизации научных знаний о строении зрительного анализатора, его функциях, эволюции. Наряду со сведениями, накопленными в работах зарубежных и отечественных ученых, С.В. Кравковым и его сотрудниками были получены новые эмпирические факты. В частности, была эмпирически доказана возможность повышать (если нужно действовать в темноте) или снижать (если нужно преодолеть ослепляющее действие сильных потоков лучевой энергии) чувствительность зрительного анализатора; открыты способы повышения чувствительности сумеречного зрения путем “засветов” красным светом; разработан метод оценки зрительного утомления (оценка “устойчивости ясного видения”). К 1936 г. было доказано существование сенсорных условных рефлексов, возможность распространения на органы чувств человека закономерностей, выявленных в школе И.П. Павлова. Установлены морфофункциональные предпосылки взаимодействия органов чувств у человека, описаны и систематизированы феномены синестезии; выявлены условия, влияющие на эффект взаимодействия органов чувств. Представлены основания и пути развития трехкомпонентной теории цветового зрения; установлена различная ионная природа красно-ощущающего и зелено-ощущающего аппарата цветного зрения; разработаны методы ранней диагностики ряда глазных заболеваний на основе нарушений цветовых ощущений и др.

Отмечая 130-летие со дня рождения ученого, хотелось бы не просто повторить известные оценки его выдающегося вклада в психологическую науку, но также осветить некоторые малоизвестные стороны его жизни и научного творчества, которые могут иметь важное значение для психологии и ее истории. Психологам могут быть интересны сведения о семье, юности С.В. Кравкова, его личности, а также обстоятельства его профессионального становления. В подготовке данной статьи использованы историко-научные публикации [1–4; 16–20], мемуары [21; 22], труды ученого [5–15], а также некоторые материалы Фонда № 1533, посвященного С.В. Кравкову, в Архиве РАН.

О СЕМЬЕ КРАВКОВЫХ И ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО

Отец С.В. Кравкова — Василий Павлович Кравков (1859–1920), военный врач, участник Русско-японской и Первой мировой войн, награжден многими орденами. За заслуги перед отечеством ему

было присвоено дворянское звание, статус надворного советника, генерала, присуждена ученая степень доктора медицины. Он посвятил жизнь служению России, просвещению народа в области санитарии и гигиены. Его дневники во время военных действий оказались полезными в обобщении опыта русской военно-санитарной службы начала XX в. [19]. После Октябрьской революции В.П. Кравкову было предложено организовать амбулаторию для руководства Красной Армии. По семейным преданиям¹, Василий Павлович, уже не занимая генеральской должности, продолжал носить генеральский мундир; на войне он видел тысячи смертей и считал себя вне политики. Однако, видимо, с кем-то у него возникли конфликтные отношения, и 5 июля 1920 г. он был арестован по доносу о якобы допущенных им нарушениях при освидетельствовании новобранцев, и решением президиума ВЧК он был расстрелян [19]. Мать С.В. Кравкова — Елена Алексеевна (в девичестве Лукина) (1870–1922), потомственная дворянка Рязанской губернии; жена — Нина Павловна Колосова (1894–1985), дочь священника, пианистка, преподаватель Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского; сын — Юрий Сергеевич Кравков (1921–2003), военный врач, генерал-майор медицинской службы, начальник Главного военного клинического госпиталя имени Н.Н. Бурденко.

Как С.В. Кравков мог относиться к политическим событиям в стране, что для него значило его дворянское происхождение, мог ли и хотел ли он уехать из России во время революционных событий и гражданской войны? Прямых ответов у нас нет, но благодаря Д.Г. Узбековой [19] мы узнали важные сведения о близких людях, о семейных ценностях, отображающих мировоззрение Кравковых. Речь идет о замечательных людях, выходцах из разночинцев. Дед С.В. Кравкова — Павел Алексеевич, был военным медиком, служил в должности унтер-офицера, бабушка — Авдотья Ивановна, занималась домашним хозяйством. В их семье было семеро детей, денег постоянно не хватало, все, кто мог, находили подработку, но братья окончили Рязанскую гимназию, получили высшее образование и четверо из них (как и их дети) стали выдающимися сынами отечества, гордостью Рязанского края. Алексей Павлович и Василий Павлович — военные врачи; Сергей Павлович — почвовед, заведовал кафедрой в Санкт-Петербургском университете. Николая Павловича, профессора, доктора медицинских наук, принято

¹ Сведения собраны профессором, д.мед.н. Динарой Галиевной Узбековой на основе бесед с сыном С.В. Кравкова и представлены в ее книге “Кравковы: два поколения ученых из Рязани” [19].

считать одним из основателей отечественной фармакологии; его сын — Сергей Николаевич Кравков, гидрограф, заслуженный полярник, его именем назван один из островов Северного Ледовитого океана. Максимилиан Алексеевич Кравков, арестованный в царское время за участие в революционной деятельности, был сослан в Сибирь и после революции стал в этих краях исследователем Сибири, журналистом и писателем. Кстати, он приходился племянником В.П. Кравкову и жил после смерти своего отца в его семье. Революционная деятельность Максимилиана привела к тому, что В.П. Кравков еще до Февральской революции был лишен генеральской должности. Кравковы встретили Февральскую революцию с восторгом; правда, война продолжалась, а Временное правительство оказалось беспомощным, не могло решить жизненно важных проблем страны, но никто из Кравковых не уехал из России, каждый сумел стать полезным своему Отечеству.

По свидетельству Д.Г. Узбековой [19], отец С.В. Кравкова расстался с его матерью во многом по той причине, что ее родственники кичились своим потомственным дворянством и при случае унижали его низким происхождением. Несмотря на развод, Василию Павловичу удалось сохранить духовную связь с детьми (сыном и дочерью). Василий Павлович слыл среди близких — “сердцеведом”, и именно беседы с отцом “посеяли” в душе Сергея интерес к психологии. Сергей рос рассудительным, спокойным юношей, был прекрасным собеседником, обладал тонким чувством прекрасного, любил живопись, классическую музыку, играл на виолончели. Учился Сергей блестяще, освоил иностранные языки: немецкий, французский, английский. Ему нравились гуманитарные предметы (история, литература). В 1911 г. он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где готовили в то время психологов. В 1914 г. семья С.В. Кравкова переехала из Рязани в Москву. Социальный статус С.В. Кравкова (дворянское происхождение, трагическая судьба отца, жена из семьи священника) позволяет нам понять его осторожное и несколько отстраненное отношение к философским дискуссиям 1920—1930-х годов, к вопросам политики и идеологии.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ. ШКОЛА Г.И. ЧЕЛПАНОВА. СУБЪЕКТИВНАЯ И ОБЪЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В университете юноша стал посещать занятия в Психологическом институте имени Л.Г. Шукиной с момента его открытия в 1912 г., с IV курса он

начал в нем работать в должности лаборанта. Его интересовала экспериментальная психология, он был одним из лучших учеников профессора Г.И. Челпанова. Окончив университет с золотой медалью в 1916 г., С.В. Кравков остался на кафедре психологии в должности ассистента для подготовки к профессорскому званию².

Еще будучи студентом (12 марта 1915 г.) С.В. Кравков успешно выступил на публичном заседании Психологического института с докладом на тему “Объективная психология, ее предмет и значение”³. Это выступление отображает направление поисков молодого ученого, искавшего способы соотнесения дорогой его сердцу экспериментальной психологии с методом интроспекции и объективной психологией, представители которой пытались связать психические явления с работой мозга, а также методами объективного (внешнего) наблюдения.

Книга С.В. Кравкова “Самонаблюдение” (1922) [7] подводит итог этим исканиям и намечает пути преодоления недостатков, мешающих его использованию в психолого-педагогической практике. В частности, предлагалось использовать самонаблюдения другого человека (не самого психолога); в процедуре и содержании самонаблюдения рекомендовалось отказаться от оценочных суждений наблюдателя и его рефлексии по поводу фиксируемых феноменов содержания сознания. Другими словами, предлагалось в самонаблюдении применить методические ориентиры, установленные для объективного внешнего наблюдения; при этом сам этот метод представлялся ученому важным и неустрашимым в психологической науке. Обсуждаемая книга могла бы, на наш взгляд, быть защищена как магистерская диссертация, однако этого не случилось. Главным препятствием явилась развернутая критика идеалистической психологии и ее методов (метода интроспекции, который представлялся неотделимым от идеалистического мировоззрения применявших этот метод психологов). Уже в начале 1920-х годов разворачивается дискуссия, направленная на перестройку психологии на основе марксистской философии. Г.И. Челпанов был смещен в 1923 г. с поста директора Психологического института и покинул это учреждение, как и его ученики (и среди них С.В. Кравков).

² Полученная должность освобождала С.В. Кравкова от призыва в армию; в Психологическом институте С.В. Кравков работал ассистентом до 1923 г. [11].

³ Материал доклада позже был опубликован в журнале “Вестник знания” [5; 6].

С.В. КРАВКОВ НА ПЕРЕПУТЬЕ.
ШКОЛА П.П. ЛАЗАРЕВА

Историки психологии, исследовавшие научное творчество С.В. Кравкова [2; 4], выделяют начальный этап его становления как ученого, включающий студенческие годы и его деятельность в годы НЭПа⁴. При этом часто публикации С.В. Кравкова 1920-х годов рассматриваются как труды незрелого ученого, который ищет свое место в науке в условиях хаоса общественной жизни времен Мировой войны, революций и Гражданской войны [2]. В центре внимания историков психологии оказывались итоговые монографии С.В. Кравкова, в которых обобщались материалы, накопленные в многолетних экспериментальных исследованиях, обсуждалась его деятельность как руководителя и организатора науки преимущественно тех лет, когда он уже достиг вершин квалификации, был избран членом-корреспондентом двух академий. Итак, слабо освещенным до сих пор остается именно период его деятельности в 1916–1934 гг. Но это именно то время, когда С.В. Кравков обретал качества самостоятельного исследователя, накапливал эмпирический материал. Попробуем далее осветить именно этот период его творческого пути.

Известно, что с 1919 г. ученый одновременно с Психологическим институтом начинает работать в должности ассистента, а затем и старшего ассистента в отделе органов чувств Института биофизики Наркомздрава РСФСР под руководством П.П. Лазарева; этот институт становится главной базой научных исследований Сергея Васильевича до 1931 г. В своей автобиографии ученый отмечал, что П.П. Лазарев содействовал “в освоении математических методов, а также способствовал началу экспериментальных исследований в области психофизиологии зрения” [11]. Однако до сих пор не вполне понятно, что именно привлекало Сергея Васильевича к сотрудничеству в Институте биофизики, какое влияние Лазарев оказал на его профессиональное становление.

Заинтересовавшись проектами объективной психологии, молодой ученый решил, вероятно, глубже разобраться в физиологических процессах, сопровождающих работу органов чувств, и он нашел себе учителя в лице московского академика-биофизика Петра Петровича Лазарева (1878–1942). Если о Г.И. Челпанове (первом учителе С.В. Кравкова) написано в психологии немало и нет нужды в нашем очерке что-то добавлять, то имя П.П. Лазарева для психологов мало известно. Возможно,

первые контакты Кравкова и Лазарева действительно состоялись еще в 1918 г. (как отмечается в работе Е.А. Умрюхина [20]), но это взаимодействие могло быть “на общественных началах”. Уже через год, видимо, по рекомендации П.П. Лазарева С.В. Кравков оказался в должности вольнонаемного штатного сотрудника, а именно “заведующего Психофизиологическим кабинетом Высшей Школы Военной Маскировки РККА⁵” (ВШВМ). Его деятельность в этом качестве продолжалась с 1919 по 1924 г.⁶, однако в “Автобиографии” (1944) [11] Сергей Васильевич об этом не упоминает⁷. И действительно в 1918 г. в Институте физики под руководством Лазарева была организована физическая лаборатория, выполнявшая заказы ВШВМ. Академик С.И. Вавилов, один из учеников П.П. Лазарева, так описывал деятельность этой лаборатории: “Быстро и успешно решаются задачи о защитной окраске обмундирования, о спектральных методах контроля маскировки и демаскировки, о формах камуфляжа, строятся специальные спектрофотометры, издается атлас спектров красителей, производятся опыты по звуковой маскировке и пр.” [21, с. 20].

Итак, чем же мог быть интересен П.П. Лазарев и его институт для С.В. Кравкова? П.П. Лазарев окончил медицинский факультет Московского университета в 1901 г., сдал экзамены на степень доктора медицины, работал заведующим акустическим кабинетом одной из клиник Московского университета. Однако он решил пойти по стопам Г. Гельмгольца и специализироваться в области физики. Он сдал экстерном экзамен за весь курс обучения в университете в области физико-математических наук. С 1905 г. начал работать у выдающегося физика-экспериментатора, профессора Московского университета П.Н. Лебедева, экспериментально доказавшего факт давления света на поверхность твердых, а затем и газообразных тел. Защитив магистерскую и докторскую диссертации, Лазарев становится помощником П.Н. Лебедева, а после его неожиданной смерти в 1912 г. возглавляет его лабораторию. Он был избран профессором в Императорском Московском техническом училище, а в 1917 г. (еще до Октябрьской революции) — избран академиком Российской академии наук. В 1919 г. Лазарев назначается

⁵ РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия.

⁶ Справка в Архиве РАН (Фонд 1533, оп.1, ед. хр. 112).

⁷ Возможно С.В. Кравков старался не вспоминать о ВШВМ, руководство которой оказалось причастным к деятельности “Национального центра”, готовившего контрреволюционное восстание в Москве осенью 1919 г. (см.: Артузов А.Х. и разгром “Национального центра”. Семейные истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.famhist.ru> (дата обращения: 24.10.2023)).

⁴ НЭП — новая экономическая политика.

директором Института биологической физики при Наркомздраве РСФСР, организованном в составе Физического института в Москве.

Идеи П.Н. Лебедева и П.П. Лазарева в физике позволяли понять физическую природу света и вообще электромагнитных излучений разных видов, включая рентгеновское. В Институте биофизики Лазарев организует отдел по изучению органов чувств, при этом его интересовали все известные органы чувств, а не только зрение. Здесь ставились задачи исследования влияния лучистой энергии на живые организмы, понимания природы физико-химических и физиологических процессов в живых клетках.

Вполне оправдались оценки П.П. Лазарева, полученные им со стороны своего учителя. П.Н. Лебедев в письме Л.А. Чугаеву от 17.10.1910 г. приводил такую характеристику своего помощника: “По моему мнению, П.П. Лазарев — *огромная сила*: он и талантливый ученый с неисчерпаемым запасом научных тем и, вне сомнения, блестящим будущим, он и превосходный учитель, который искренне любит свое дело, который хочет и умеет объединять вокруг себя учеников, и вдобавок он умный и хороший человек. <...> П.П. Лазарев значительно *крупнее* меня и по таланту как ученый, и по способности организовать школу ученых работников” (цит. по: [21, с. 21]). Многие ученики П.П. Лазарева, ставшие профессорами, академиками, отмечали в своих воспоминаниях особую творческую атмосферу Института физики и биофизики, которую создавал его директор. Это объясняет, почему люди, однажды попавшие под обаяние Лазарева, длительное время работали с ним, и С.В. Кравков не был исключением.

В 1931 г. П.П. Лазарев был арестован на основании серии доносов, указывавших на его “сомнительное сотрудничество с зарубежными службами, <...> все сотрудники были уволены, оборудование изъято”⁸. После ареста и ссылки на Урал в 1932 г. П.П. Лазарев вернулся в Москву. Ему позволили организовать научную биофизическую лабораторию в составе Всесоюзного института экспериментальной медицины в Москве, но его жизнь и научное творчество оставались под надзором специальных органов. Ряд учеников Лазарева отвернулись от учителя. С.В. Кравков сохранял с ним добрые взаимоотношения и незадолго до своей кончины подготовил по просьбе редакторов статью о жизни и творчестве П.П. Лазарева для размещения ее

во втором издании сборника “Люди русской науки”⁹. Эта статья о выдающемся отечественном биофизике была опубликована в № 4 журнала “Успехи физических наук” за 1952 г. [16]. По нашему предположению, подготовка этого текста осенью 1950 г. требовала не просто почтительной памяти учителя; здесь понадобилось гражданское мужество, так как в это время еще не была завершена кампания борьбы с “космополитами”. Кроме того, летом 1950 г. состоялась известная сессия двух академий (АН СССР и АМН СССР), участники которой критиковали ученых, дерзнувших в чем-то не согласиться с идеями И.П. Павлова, и предлагали заменить психологию физиологией ВНД.

Располагая текстом данного очерка, мы можем не гадать о влиянии П.П. Лазарева на его ученика С.В. Кравкова, но воспользоваться его собственными высказываниями. С.В. Кравков отмечал в этом очерке, что уже первые самостоятельные работы Лазарева были посвящены исследованию органов чувств человека, в одной из них было экспериментально доказано, что может быть усилена слышимая громкость при одновременных световых раздражениях на глаз; и тем самым было намечено экспериментальное изучение вопроса о взаимодействии органов чувств. В докторской диссертации по физике на тему “Выцветание красок и пигментов в видимом спектре” (1912) Лазарев измеряет связь между количеством разложившегося под влиянием света вещества и количеством поглощенной энергии, зависимость этой реакции от длины волны света, влияние кислорода на выцветание. Лазарев разработал основы “ионной теории возбуждения живых тканей”, в рамках которой вывел законы действия электрического тока на живые ткани [16, с. 444]. Под руководством П.П. Лазарева была “впервые разработана и экспериментально проверена теория адаптации органов чувств к действующим на них раздражителям <...> изучались вопросы темновой и световой адаптации глаза” [Там же, с. 445]. Была предложена “теория процесса возбуждения сумеречного зрения, учитывающая квантовый характер природы света и дискретный характер световоспринимающих элементов сетчатки” [Там же, с. 446]; ученые впервые стали объяснять процессы зрительного возбуждения с помощью “квантово-статистических представлений” [Там же]. В явлениях световой чувствительности оказалось возможным анализировать особую роль

⁸ Петр Лазарев: академик, физик, педагог. 13.01.2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://ratnik.tv> (дата обращения: 24.10.2023).

⁹ Первое издание сборника вышло в свет в 1948 г., и в нем не было статьи, посвященной Лазареву; статья авторства С.В. Кравкова была опубликована в сборнике серии “Люди русской науки” в 1961 г. [17].

чисто периферических факторов (концентрации светочувствительного вещества в сетчатке) и роль состояния нервных клеток коры головного мозга [Там же]. Удалось объяснить феномены трансформации последовательных образов, явление “собственного свечения сетчатки” и пр.

Кравков подчеркивал позитивное отношение П.П. Лазарева к Октябрьской революции, его готовность всячески помогать родине в тяжелые для нее годы; он находил способы оказывать помощь в здравоохранении, военном деле и народном хозяйстве. В ведении Лазаревского института оказывались все формы лучистой энергии и ее влияния на живые организмы, неслучайно он был организатором предприятий по изготовлению рентгеновских установок для здравоохранения¹⁰.

Приведенные материалы, на наш взгляд, убедительно показывают тесную идейно-научную связь экспериментальных исследований С.В. Кравкова и фундаментальных теорий его учителя. Были взяты на вооружение не только научные идеи П.П. Лазарева, но также его стремление выстраивать научные обобщения, концепции, видеть проявление фундаментальных законов в феноменах природы, находить области приложения научной идеи в общественной практике. Вот это умение выстраивать научные концепции как основу для решения практических задач прослеживается и в публикациях С.В. Кравкова. Так, например, преподавание курса “цветоведения” студентам ВХУТЕМАС¹¹ (с 1924 по 1930 г.) делает понятным многолетний интерес С.В. Кравкова к проблемам цветового зрения; участие С.В. Кравкова в научной деятельности лаборатории экспериментальной эстетики, а также в группе по изучению художественного творчества с помощью гипноза в ГАХН в период с 1924 по 1931 г.¹² объясняет в известной мере, для кого им была написана книга “Внушение” (1924) [8]. Примером практикоориентированной разработки может служить конструирование С.В. Кравковым и Н.А. Вишневским в 1929 г. прибора для диагностики сниженного сумеречного зрения на основе деформации феномена Пуркинье при гемералопии, которое может быть результатом голодания и недостатка витамина А в пище [12, с. 139].

¹⁰ В.И. Ленин прошел рентгеновское обследование в Институте биофизики перед операцией по извлечению пули при ранении в 1918 г. и лично беседовал с П.П. Лазаревым [21, с. 22].

¹¹ ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские, где обучали будущих архитекторов, дизайнеров и театральных художников, осветителей сцены; вуз был закрыт в 1930 г. — *О.Н.*

¹² ГАХН — Государственная академия художественных наук, прекратила свою деятельность в 1931 г. Сведения о работе С.В. Кравкова в ГАХН получены от Н.Ю. Стоюхиной. — *О.Н.*

Для школы П.П. Лазарева был свойствен комплексный подход к изучаемым явлениям. Суть этого подхода в том, что исследователь учитывал природу воздействующего раздражителя (длину волны действующего на глаз света), физико-химические свойства живых клеток организма как объекта воздействия раздражителя, субъективные переживания, образы человека, обладающего сознанием, порожденные внешними воздействиями, особенности собственной активности человека, в которой психические образы выступают ее регуляторами. Опыт совместной работы С.В. Кравкова и П.П. Лазарева демонстрировал принципиально ограниченные возможности познания природы психических явлений (на примере зрительных ощущений и восприятий) при использовании исключительно метода интроспекции. В исследованиях Кравкова метод самонаблюдения не исчезал, не устранился полностью, но получал свое законное место в системе других методов изучения органов чувств человека (физико-химических, анатомо-морфологических, физиологических, поведенческих). Выбранная ученым форма интроспекции отвечала требованиям совершенствования метода самонаблюдения, намеченным в книге ученого в 1922 г. [7].

СВЕТОТЕХНИКА КАК ОБЛАСТЬ ПРИЛОЖЕНИЯ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ О ПСИХОФИЗИОЛОГИИ ЗРЕНИЯ

В середине 1920-х годов помимо работы в Институте биофизики С.В. Кравков много времени уделял преподаванию психологии в различных московских вузах (Институте экономики им. Г.В. Плеханова, в Военно-педагогической академии, в педагогических институтах, в творческих вузах, таких как ВХУТЕМАС, и др.). Но ему, вероятно, хотелось сконцентрировать свои усилия на такой области, где можно было связать преподавание и научную деятельность в Институте биофизики. Указанные выше формы профессиональных занятий С.В. Кравкова в сфере искусства оказались свернутыми по окончании эпохи НЭПа, наступала эпоха социалистической индустриализации, массовой коллективизации, эпоха предвоенного десятилетия с подготовкой к будущей неизбежной войне.

С 1927 г. главной легитимной и востребованной областью приложения научно-психологических знаний С.В. Кравкова оказалась светотехника. Конструкторы-светотехники решали задачи проектирования и оценки осветительных приборов, искали научные критерии выбора предпочтительных

условий освещения в труде. Практика требовала изучения факторов снижения зрительной работоспособности, поиск мер профилактики профессионально обусловленных заболеваний глаз и прочих вопросов, которые в настоящее время обозначаются как “офтальмоэргономика”. Все эти темы с 1927 г. стали постоянными объектами изучения для С.В. Кравкова, когда он приступил к преподаванию курса “Физиологическая оптика” на отделении светотехники Московского энергетического института, а позже и во Всесоюзном электротехническом институте. Именно для научно-методического обеспечения этой дисциплины была подготовлена монография ученого “Глаз и его работа. Психофизиология зрения. Гигиена освещения” (1932) [9]. Читатель получал в этой книге сведения о строении глаза, движении глаза, об основах свето- и цветоощущений, о световой и различной чувствительности глаза, природе цветового зрения, его аномалиях, о развитии зрительных ощущений во времени, последовательных образах, слиянии мельканий, механизмах восприятия пространства, зрительных иллюзиях и пр. Книга завершалась рассмотрением проблем гигиены освещения, феноменов зрительного утомления, его оценки. Публикация данной книги послужила основанием для утверждения ее автора в должности профессора МЭИ в 1932 г., а совокупность его научных статей в отечественных (20 работ) и зарубежных (17 работ)¹³ изданиях по тематике психофизиологии зрения в сочетании с этой книгой стала основой присвоения в 1935 г. С.В. Кравкову ученой степени доктора биологических наук (по психофизиологии зрения) и ученого звания профессора МЭИ по дисциплине “Физиологическая оптика”¹⁴. Исчерпывающую характеристику эта книга в ее третьем издании [12] получила в рецензии Б.М. Теплова [18]. Профессор С.В. Кравков представлен в рецензии как “крупнейший в СССР специалист по психофизиологии зрения”; отмечалось “чувство строжайшей научной ответственности, которое руководит всеми высказываниями” автора. Теплов писал: “Сергей Васильевич принадлежал к числу тех, кто, однажды определив

область своих интересов, неуклонно идет по избранному пути; в результате и получается та исчерпывающая эрудиция в своей специальности и то мастерство экспериментатора, которые отличают С.В. Кравкова” [18]. Весной 1946 г. Институт неврологии АМН СССР (в лице А.Р. Лурия, зав. отделом психофизиологии института, и П.Г. Снякина, зав. лабораторией физиологии зрения) поддержал предложение Института офтальмологии о выдвижении книги С.В. Кравкова на Сталинскую премию¹⁵, однако этого не случилось. Но все же в 1949 г. третье издание монографии “Глаз и его работа” было удостоено премии имени академика М.И. Авербаха [3].

Подводя итоги нашему историко-психологическому рассмотрению жизни и научного творчества С.В. Кравкова, позволим себе сделать следующие выводы.

1. Научные идеи С.В. Кравкова вобрали в себя лучшее из опыта экспериментальной интроспективной психологии начала XX в. (школа Г.И. Челпанова), объективной психологии (И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев), физиологического учения И.П. Павлова, А.А. Ухтомского и опыта естествоиспытателей и биофизиков (школа П.П. Лазарева).

2. Целью исследовательского проекта С.В. Кравкова, объединившего многолетние экспериментальные исследования 1920-х — начала 1930-х годов, стала разработка психофизиологических основ светотехнической практики. Предметом исследования ученого был не глаз человека с его загадочными функциями, взятый сам по себе, но зрительный анализатор как функциональное орудие, которым человек пользуется в работе и должен делать это осмысленно и рационально. Для научной концепции С.В. Кравкова характерно сочетание фундаментальности используемых знаний об изучаемой реальности и практической ориентации его экспериментальных исследований.

3. Творческое наследие С.В. Кравкова далеко не исчерпывается разработанными им прикладными дисциплинами, но содержит также основательное научно-психологическое знание. Не утратила своего научно-методологического значения программа совершенствования метода самонаблюдения, намеченная С.В. Кравковым и реализованная отчасти применительно к исследованию зрительных ощущений человека как субъекта труда.

4. Отечественным психологам можно гордиться тем, что среди наших предшественников были такие люди, как Сергей Васильевич Кравков. Это

¹³ Списки работ Кравкова С.В. на иностранных языках 1927–1946 гг. // Архив РАН. Фонд 1533, оп.1., ед. хр. 69.

¹⁴ С.В. Кравков не защищал магистерской диссертации, так как в 1918 г. Декретом Совнаркома были упразднены ученые степени и ученые звания, как и все связанные с ними привилегии, существовавшие в Российской империи. Ученая степень доктора биологических наук была присуждена ученому в 1935 г. без публичной защиты диссертации, по совокупности его научных трудов в области психофизиологии зрения, и формально это стало возможным на основе принятого Постановления СНК СССР от 13.01.1934 г. № 79 “Об ученых степенях и званиях”.

¹⁵ Документ в Архиве АН РАН (Фонд 1533, оп.1, ед. хр. 144).

люди, обладающие большим талантом, целеустремленностью, стремлением служить народному благу, гражданским мужеством и самыми высокими морально-нравственными качествами. И эти качества — не случайность, но закономерное следствие семейных ценностей, характерных для нескольких поколений Кравковых, представителей трудовой интеллигенции Рязанского края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авербах И.М., Белостоцкий Е.М., Бронштейн Р.И. и др.* Сергей Васильевич Кравков (Некролог) // Офтальмологический журнал. 1951. № 2. С. 96.
2. *Аишафьян И.Б.* Психологические и психофизиологические исследования С.В. Кравкова: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1973.
3. *Бунин А.Я., Гуртовой Г.К., Яковлев А.А.* Сергей Васильевич Кравков — жизнь и научная деятельность // Клиническая физиология зрения. Сборник научных трудов / Отв. ред. А.А. Яковлев. М.: Изд-во АО "Русомед", 1993. С. 2–6.
4. *Котова И.Б.* С.В. Кравков как психолог и психофизиолог // Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 50–60.
5. *Кравков С.В.* Современные объективные течения в психологии и их значение // Вестник знания. 1916. № 10. С. 572–578.
6. *Кравков С.В.* Современные объективные течения в психологии и их значение // Вестник знания. 1916. № 11. С. 626–633.
7. *Кравков С.В.* Самонаблюдение. М.: "Русский книжник", 1922. 176 с.
8. *Кравков С.В.* Внушение. М.: "Русский книжник", 1924. 45 с.
9. *Кравков С.В.* Глаз и его работа. Психофизиология зрения. Гигиена освещения. М.: Медицина, 1932. 245 с.
10. *Кравков С.В.* Глаз и его работа. Психофизиология зрения. Гигиена освещения. 2-е изд. М.—Л.: Биомедгиз, 1936. 354 с.
11. *Кравков С.В.* Автобиография (1944), рукопись // Архив РАН. Ф. 1533, оп. 1, ед. хр. 118.
12. *Кравков С.В.* Глаз и его работа. Психофизиология зрения. Гигиена освещения. 3-е изд. М.—Свердловск, 1945. 355 с.
13. *Кравков С.В.* Взаимодействие органов чувств. М.—Л.: АН СССР, 1948. 128 с.
14. *Кравков С.В.* Глаз и его работа. Психофизиология зрения. Гигиена освещения. 4-е изд. М.—Л.: Медгиз, 1950. 531 с.
15. *Кравков С.В.* Цветовое зрение. М.: АН СССР, 1951. 175 с.
16. *Кравков С.В.* Петр Петрович Лазарев (К десятилетию со дня смерти) // Успехи физических наук. 1952. Т. 46. Вып. 4. С. 441–449.
17. *Кравков С.В.* Петр Петрович Лазарев (1878–1942) // Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. Кн. 1: Математика. Механика. Астрономия. Физика. Химия / Под ред. И.В. Кузнецова. М.: Физматгиз, 1961. С. 314–321.
18. *Теплов Б.М.* Рецензия на книгу "Глаз и его работа" // Советская книга. 1946. № 8–9. С. 82–84.
19. *Узбекова Д.Г.* Кравковы: два поколения ученых из Рязани. М.: Вече, 2004. 352 с.
20. *Умрюхин Е.А.* С.В. Кравков: выдающиеся достижения и несбывшиеся надежды // Психологический журнал. 2002. Т. 21. № 54. С. 25–31.
21. *Физики о себе* / Ред. В.Я. Френкель, сост. Н.Я. Московченко, Г.А. Савина. Л.: Наука, 1990. 482 с.
22. *Ярошевский М.Г.* Несколько штрихов к портрету С.В. Кравкова // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 94–95.

SERGEY V. KRAVKOV AS A PSYCHOLOGIST AND PSYCHOPHYSIOLOGIST: MILESTONES OF SCIENTIFIC BIOGRAPHY (TO THE 130th ANNIVERSARY OF THE BIRTH)

O. G. Noskova

*Lomonosov Moscow State University;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/9, Russia.*

*ScD (Psychology), Professor, Professor of Department of Work and Engineering Psychology, Faculty of Psychology.
E-mail: nog4813@mail.ru*

Received 29.10.2023

Abstract. The article is prepared for the 130th anniversary of the birth of S.V. Kravkov (1893–1951), a preeminent Russian scientist, experimental psychologist and specialist in the field of psychophysiology of vision. The subject of this historical and psychological study is the period of his professional development between 1916 and 1935. The biographical method is used. The materials from the Archive of Russian Academy of Sciences, works of S.V. Kravkov, memories and assessments of other scientists are used. Information about his family and personality is provided. The employment positions and types of professional activities of S.V. Kravkov in the first 20 years of his work are identified. The prerequisites for the scientist's transition from an initially wide range of psychological issues to light engineering and the psychophysiology of vision as the central area of his applied and fundamental research are revealed. The originality of the method of introspection in experimental studies of vision in the scientist's works is shown. It is concluded that P.P. Lazarev had a predominant influence on S.V. Kravkov's scientific development as a specialist in the field of physiological optics and psychophysiology of vision.

Keywords: historical and psychological research, biographical method, stage of professional development of a scientist, introspection, self-observation method, psychology and physiology of visual sensations and perception, physiological optics.

REFERENCES

1. *Averbakh I.M., Belostotskiy Ye.M., Bronshteyn R.I. et al.* Sergei Vasil'evich Kravkov (Nekrolog). Oftal'mologicheskii zhurnal. 1951. № 2. P. 96. (In Russian)
2. *Ashraf'yan I.B.* Psikhologicheskie i psikhofiziologicheskie issledovaniya S.V. Kravkova: Avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk. M., 1973. (In Russian)
3. *Bunin A.Ya., Gurtovoi G.K., Yakovlev A.A.* Sergei Vasil'evich Kravkov — zhizn' i nauchnaya deyatel'nost'. Klinicheskaya fiziologiya zreniya. Sbornik nauchnykh trudov. Ed. A.A. Yakovlev. Moscow: Publ. AO "Rusomed", 1993. P. 2–6. (In Russian)
4. *Kotova I.B.* S.V. Kravkov kak psikholog i psikhofiziolog. Voprosy psikhologii. 1982. № 4. P. 50–60. (In Russian)
5. *Kravkov S.V.* Sovremennye ob"ektivnye tekhniki v psikhologii i ikh znachenie. Vestnik znaniya. 1916. № 10. P. 572–578. (In Russian)
6. *Kravkov S.V.* Sovremennye ob"ektivnye tekhniki v psikhologii i ikh znachenie. Vestnik znaniya. 1916. № 11. P. 626–633. (In Russian)
7. *Kravkov S.V.* Samonablyudeniye. Moscow: "Russkii knizhnik", 1922. 176 p. (In Russian)
8. *Kravkov S.V.* Vnusheniye. Moscow: "Russkii knizhnik", 1924. 45 p. (In Russian)
9. *Kravkov S.V.* Glaz i ego rabota. Psikhofiziologiya zreniya. Gigiena osveshcheniya. Moscow: Meditsina, 1932. 245 p. (In Russian)
10. *Kravkov S.V.* Glaz i ego rabota. Psikhofiziologiya zreniya. Gigiena osveshcheniya. 2nd ed. Moscow–Leningrad: Biomedgiz, 1936. 354 p. (In Russian)
11. *Kravkov S.V.* Avtobiografiya (1944), rukopis'. Arkhiv RAN. F. 1533, op. 1, ed. khr. 118. (In Russian)
12. *Kravkov S.V.* Glaz i ego rabota. Psikhofiziologiya zreniya. Gigiena osveshcheniya. 3rd ed. Moscow–Sverdlovsk, 1945. 355 p. (In Russian)
13. *Kravkov S.V.* Vzaimodeystvie organov chuvstv. Moscow–Leningrad: AN SSSR, 1948. 128 p. (In Russian)
14. *Kravkov S.V.* Glaz i ego rabota. Psikhofiziologiya zreniya. Gigiena osveshcheniya. 4th ed. Moscow–Leningrad: Medgiz, 1950. 531 p. (In Russian)
15. *Kravkov S.V.* Tsvetovoe zrenie. Moscow: AN SSSR, 1951. 175 p. (In Russian)
16. *Kravkov S.V.* Petr Petrovich Lazarev (K desyatiletiiyu so dnya smerti). Uspekhi fizicheskikh nauk. 1952. V. 46. № 4. P. 441–449. (In Russian)
17. *Kravkov S.V.* Petr Petrovich Lazarev (1878–1942). Lyudi russkoi nauki. Ocherki o vydayushchikhsya deyatelyakh estestvoznaniya i tekhniki. V. 1: Matematika. Mekhanika. Astronomiya. Fizika. Khimiya. Ed. I.V. Kuznetsov. Moscow: Fizmatgiz, 1961. P. 314–321. (In Russian)
18. *Teplov B.M.* Retseziya na knigu "Glaz i ego rabota". Sovetskaya kniga. 1946. № 8–9. P. 82–84. (In Russian)
19. *Uzbekova D.G.* Kravkovy: dva pokoleniya uchenykh iz Ryazani. Moscow: Veche, 2004. 352 p. (In Russian)
20. *Umryukhin E.A.* S.V. Kravkov: vydayushchiesya dostizheniya i nesbyvshiesya nadezhdy. Psikhologicheskii zhurnal. 2002. V. 21. № 54. P. 25–31. (In Russian)
21. *Fiziki o sebe.* Eds. V.Ya. Frenkel', N.Ya. Moskovchenko, G.A. Savina. Leningrad: Nauka, 1990. 482 p. (In Russian)
22. *Yaroshevskii M.G.* Neskol'ko shtrikhov k portretu S.V. Kravkova. Voprosy psikhologii. 1993. № 5. P. 94–95. (In Russian)

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

УДК 159.9.019

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ И ГОЛОСА: К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.П. МОРОЗОВА

© 2024 г. А. Л. Журавлев^{1,*}, Н. Д. Павлова^{1,**}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

* Академик РАН, научный руководитель Института психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

** Доктор психологических наук, зав. лабораторией психологии речи и психолингвистики.

E-mail: pavlovand@ipran.ru

Поступила 30.12.2023

Аннотация. Анализируется профессиональный путь Владимира Петровича Морозова, автора фундаментальных работ в области психофизиологии и психоакустики речи и голоса, невербальной коммуникации, научных основ вокального искусства. Выделены направления его научной деятельности, показана их связь с тенденциями развития современной науки, высокая актуальность и междисциплинарная востребованность. Подчеркнут особый стиль научного творчества Морозова, проявлявшийся в сочетании оригинальных теоретических идей с решением практических задач, обращении к пограничным вопросам психологии и музыкального искусства. Описаны важнейшие вехи профессионального пути и достижения ученого в методологии и теории психологии речи и голоса, а также экспериментальных исследованиях.

Ключевые слова: история психологии, В.П. Морозов, невербальная коммуникация, восприятие речи, эмоциональный слух, вокальная речь, художественный тип человека.

DOI: 10.31857/S0205959224010107

1 апреля исполняется 95 лет со дня рождения Владимира Петровича Морозова — доктора биологических наук, профессора, виднейшего специалиста в области психофизиологии и психоакустики речи и голоса человека, невербальной коммуникации, научных основ вокального искусства.

Владимир Петрович родился на берегах Валдайского озера и провел детство в славном своей историей городе Валдай. Как и многих в этом поколении, его не обошла стороной война. Погиб отец. Направляясь в эвакуацию, на станции “Бежецк” с матерью и сестрой попали под обстрел. Мальчик оказался под развалинами вокзала и чудом остался жив. Полученные ранения до конца лет не давали ему забыть пережитое. Возможно, эти воспоминания сформировали характер Владимира Петровича, отзывчивого и доброго человека, восхищавшего своими душевными качествами каждого, кто его знал.

По окончании школы в 1948 г. Владимир Петрович поступил в Ленинградский политехнический институт на физико-математический факультет. Увлечение психофизиологией заставило его,

однако, вновь пройти вступительные экзамены и продолжить учебу уже на биологическом факультете Ленинградского государственного университета, который Морозов с отличием закончил по кафедре высшей нервной деятельности. Защищенная в 1960 г. кандидатская диссертация на тему “Исследование роли вибрационной чувствительности в регулировании голосовой функции человека” определила направление его дальнейшей работы. В 1970 г. он защитил докторскую диссертацию “Биофизические характеристики вокальной речи”, и изучение психофизиологических основ невербальной коммуникации, человеческой речи и голоса стало в дальнейшем ведущей линией его научного творчества.

После университета Владимир Петрович на протяжении без малого 30 лет (1959–1987) трудился в Институте эволюционной физиологии им. И.М. Сеченова АН СССР, где прошел путь от научного сотрудника до заведующего лабораторией биоакустики. В это же время он стал организатором и заведующим лабораторией по изучению певческого голоса Ленинградской государственной

консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова. Знаменательным для него был 1987 г., когда по приглашению директора Института психологии АН СССР Б.Ф. Ломова и решению Президиума академии Морозов переезжает в Москву и занимает должность заведующего вновь организованной лаборатории невербальной коммуникации. Как отмечается в архивных материалах, связанных с образованием лаборатории, в ее тематику были включены такие сохраняющие до сих пор актуальность вопросы, как “передача эмоционально-эстетической информации, информации о личности говорящего, повышение надежности ввода информации в ЭВМ непосредственно с голоса человека”. Об огромной трудоспособности В.П. Морозова, стремлении изучать то, что может быть практически востребовано, говорит одновременное руководство Межведомственным центром “Искусство и наука” Академии наук и Министерства культуры РФ. Вместе с тем его деятельность в этот период была ознаменована работой в Научно-исследовательском центре Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского по изучению певческого голоса и эмоционального слуха студентов-вокалистов и мастеров вокального искусства, в том числе таких выдающихся, как Е. Образцова, Е. Нестеренко, П. Лисициан.

Постоянная и органичная взаимосвязь в деятельности В.П. Морозова науки и искусства проявилась в его участии в работе двух ученых советов по защите докторских диссертаций: Московской государственной консерватории и Института психологии РАН, в избрании в 2003 г. членом Научно-методического совета Министерства культуры РФ по вокальному искусству, почетном членстве в Российской академии голоса. О международном признании работ ученого свидетельствуют: статус действительного члена Международной академии творчества (1991) и Нью-Йоркской академии наук (1999), приглашение в Международную ассоциацию по экспериментальному изучению пения (Association for Experimental Research in Singing, США), избрание членом Издательского комитета международного журнала “Journal Research in Singing” (США).

Жизненный путь В.П. Морозова тесно переплетен с его научным творчеством, которое отличают ярко выраженное новаторство, комплексный подход к разработке широкого круга проблем невербальной коммуникации и вокального искусства. Среди научных областей, в которые внес вклад Владимир Петрович, психология речи и общения, психология личности, психология искусства, психология творчества и одаренности, социальная

и инженерная психология. Им сформулирован ряд положений, которые активно обсуждались коллегами и создавали альтернативу упрощенной трактовке коммуникации как преимущественно вербального процесса. Здесь и представление о двуканальной природе речевого общения, раскрывающее **значение невербальной коммуникации и ее особенности**, и классификация видов невербальной коммуникации, и описание их психологических характеристик [9–13 и др.]. Обосновывалась идея относительной независимости невербальной коммуникации, ее значительной произвольности и подсознательности, с учетом функциональной асимметрии мозга раскрывались механизмы кодирования фонетической и экстралингвистической информации [13; 15 и др.].

Можно выделить несколько магистральных направлений научной деятельности В.П. Морозова, сохраняющих высокую актуальность и междисциплинарную востребованность. В их числе: восприятие человека по голосу, эмоциональная экспрессивность речи и голоса, психологические свойства художественного типа личности, научные основы вокального искусства. Не претендуя на охват всего многопланового наследия ученого, остановимся на его важнейших экспериментально-теоретических разработках.

Одним из интереснейших направлений работы Морозова было изучение закономерностей формирования **психологического портрета человека по невербальным особенностям его речи** и экспрессивным движениям: жестам, позе, мимике [9; 13; 16 и др.]. Сопоставление субъективных оценок психологических качеств говорящего с оценками по опросникам Кэттелла, Айзенка и др. позволяло установить степень релевантности образа, складывающегося при восприятии речи у слушателя, реальному прототипу. Характеризовались индивидуальные и типологические особенности говорящих и слушателей как субъектов невербальной коммуникации, что приобретает сегодня возрастающую значимость в контексте дискурсивной персонологии — междисциплинарного направления, важным концептом которого стало понятие коммуникативной личности, личности в ее речевом, дискурсивном проявлении (Ю.Н. Караулов, А.А. Кибрик, И.А. Стернин и др.). Разработки в данной проблемной области способствовали развитию таких практикоориентированных направлений, как идентификация личности по речи и голосу, установление авторства и др. Вместе с тем построение речевых психологических портретов представителей различных профессий (бизнесменов, артистов, политиков) позволило В.П. Морозову сделать ряд

научно-практических выводов, служащих оптимизации речевого общения и совершенствованию коммуникативных навыков. Так, проведенные исследования выявили важную закономерность: чем выше невербальные эстетические качества речи (тембр, интонация, произношение), тем более высокие позитивные психологические свойства — располагающий, убедительный, компетентный и др. склонен приписать говорящему слушатель. Напротив, отрицательно оцениваемые качества речи положительно коррелируют с отрицательными качествами личности. На этой основе было сформулировано положение о роли стереотипов восприятия человека по голосу в межличностных отношениях [9; 12; 16]. Значимость такого рода стереотипов обусловила востребованность практических рекомендаций по устранению недостатков речи, снижающих ее позитивное восприятие.

Большая часть работ Владимира Петровича и его сотрудников посвящена изучению важной составляющей социальной перцепции эмоциональной импрессивности — восприимчивости человека к эмоциональной окрашенности звучащей речи. Поскольку опросниковые методики оценки эмоциональной импрессивности не вполне объективны, а рисуночные тесты (например, Гилфорда—Салливана) ограничены зрительной модальностью, большой интерес вызвало введенное Морозовым **понятие эмоционального слуха**. Новое понятие выступало частью концепции сенсорно-перцептивной системы невербальной коммуникации и определялось как способность к оценке эмоционального состояния говорящего по звучанию его голоса [6; 18; 20; 21 и др.]. Наряду с теоретическим обоснованием данного понятия, был разработан авторский **тест на оценку степени развитости эмоционального слуха**, включающий в себя набор эмоционально окрашенных фрагментов речи, пения и музыки. Тест, в подготовке материалов которого принимали участие известные актеры, певцы, музыканты, прошел многолетние испытания по оценке эмоциональной сферы людей различных возрастов и профессий. На его основе проведены разноаспектные исследования эмоционального слуха и его взаимосвязи с другими психологическими характеристиками личности: эмоциональным интеллектом, эмпатией, музыкальной одаренностью [22; 23 и др.]. В 2004 г. автором был получен патент на способ оценки эмоционального слуха человека.

Можно без преувеличения сказать, что проблема эмоциональной экспрессивности речи и ее восприятия адресатом никогда не уходила из поля зрения Владимира Петровича. Он неизменно находил все новые актуальные аспекты любимой темы. Так,

усиливающиеся миграционные процессы вызвали к жизни сравнительные **исследования восприятия эмоциональной экспрессивности русской речи русскоязычными и иноязычными аудиторами** [25]. Неожиданным оказалось значимое снижение уровня эмоционального слуха корейских и китайских студентов Московской консерватории по сравнению с русскоязычной группой и его соизмеримость с русскоязычными представителями нехудожественных профессий. Ключевыми стали, однако, данные распознавания конкретных эмоций: радости, печали, гнева, при анализе которых были обнаружены существенные различия по распознаванию гнева между русскими и иноязычными студентами. Сопоставление правильных и ошибочных ответов позволило заключить, что как китайцы, так и корейцы слышат в интонации русской речи гнев, и потому явные для русскоязычных слушателей признаки гнева принимают за норму или какую-либо другую эмоцию, что может привести к ошибкам взаимопонимания. Важно подчеркнуть, что этнокультурная специфика коммуникативного поведения, конфликтогенные дискурсивные практики — эта проблематика составляет одну из наиболее перспективных точек роста современных исследований, и значимость этого аспекта, очевидно, будет возрастать.

Другой пример актуального осмысления вопросов эмоционального слуха в работах Морозова и его сотрудников — **исследование эмоционально-психологического воздействия музыки** различных жанров. Общественные дискуссии о негативном воздействии на психику рок-музыки побудили к проведению серии сравнительных экспериментальных исследований музыкальных жанров и привлечению широкого круга специалистов, что позволило описать значимые факторы и механизмы как положительного, так и отрицательного воздействия музыки на психику человека [7].

Сочетание оригинальных теоретических идей с решением практических задач — характерная особенность научного творчества В.П. Морозова. Эту черту отчетливо выявляет экспериментально-психологический **подход к распознаванию искренности—неискренности говорящего**. Предложенный метод, так называемый психологический детектор лжи, опирается на многочисленные исследования психологической природы невербальной коммуникации и предусматривает оценку искренности—неискренности говорящего по степени соответствия слуховых и визуальных оценок его невербального поведения наблюдателем [24]. Чем более согласованы между собой интонация, жесты, мимика оратора, тем более искренним и убедительным он

воспринимается. Этот подход, признание оригинальности которого зафиксировано патентом, находит применение в обучении сценической речи, ораторскому мастерству и др.

Удивительная целостность творчества Морозова, неоднократно отмечавшаяся коллегами, ярко проявлялась в исследованиях **художественного типа личности**, описание которого выступило, по существу, его интегральной задачей. Для разработки данной проблемы по инициативе Морозова при поддержке Б.Ф. Ломова и ректора Московской консерватории Б.И. Куликова был организован Центр “Искусство и наука”. Большая группа специалистов: психологов, искусствоведов, педагогов и др. разработала комплекс методических средств, включавший традиционные и новые методики изучения природы художественного типа человека, причем в качестве основного использовался тест на развитость эмоционального слуха; привлекались также новые методы оценки функциональной асимметрии восприятия, свойств нервной системы и др. Результаты работы выявили многоуровневую структуру художественного типа личности, включавшую как факторы психофизиологического уровня, свойств нервной системы, эмоций, так и характеристики сенсорно-перцептивной и коммуникативной сферы [19, 26].

Закономерно обращение Морозова к **невербальным особенностям искусства пения**, которому посвящена значительная часть его исследований. Интерес к изучению психофизиологических основ певческого голоса возник у Владимира Петровича еще в студенческие годы. Уже в университете он занимался анализом особенностей образования и восприятия певческого голоса с помощью прибора собственной конструкции [14]. Эта работа, выполненная в качестве дипломной на базе вокального факультета Ленинградской консерватории, получила высокую оценку специалистов. Владимир Петрович и сам был хорошим певцом и в молодости обучался сольному пению в классе вокального педагога М.М. Матвеевой. Он прошел также солидную стажировку (1950–1960) по вокально-педагогическим методам на кафедре сольного пения Ленинградской консерватории. В дальнейшем под руководством В.П. Морозова в лаборатории по изучению певческого голоса консерватории были проведены исследования акустических и психофизиологических особенностей формирования и восприятия голоса певцов разных возрастных и профессиональных групп, включая именитых мастеров вокального искусства. К этому периоду становления авторитета Морозова как крупнейшего специалиста в области вокальной науки относится

наибольшее число его работ по данной теме, в том числе три монографии [1; 3; 17]. Исследования певческого голоса и вокальной речи были продолжены в Московской консерватории, где В.П. Морозов широко применял компьютерные методы [2; 8]. Результатом этих многолетних исследований процесса пения стала объемная монография “Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники”, вышедшая двумя изданиями, в том числе в качестве учебно-методического руководства для вокалистов [5]. Были сформулированы основные положения резонансной теории искусства пения и получен ряд патентов на способы распознавания и развития вокальной одаренности.

В этой связи нельзя не отметить значение патентной деятельности Владимира Петровича — автора пяти патентов РФ на изобретения — как свидетельство официального признания оригинальности, приоритетности и высокого уровня его разработок. Все патенты имеют научно-практическую направленность, что выразительно характеризует стиль его научной деятельности. В неменьшей степени этот стиль характеризуют широкая междисциплинарная компетенция и богатый культурный кругозор, заметный в том числе в непременном цитировании классиков философии и литературы для иллюстрации собственных мыслей. Вместе с тем уникальный исследовательский почерк Морозова неотделим от его способности писать ясно, просто и интересно о сложном. Редкое искусство популяризации научных знаний — причина постоянного интереса к его трудам со стороны СМИ, где регулярно появлялись интервью с Владимиром Петровичем. Оно же лежит в основе успеха его научно-популярных изданий, в первую очередь книги “Занимательная биоакустика. Рассказы о языке эмоций”, неоднократно публиковавшейся на многих языках [4 и мн. др.]. Но Морозов не ограничивался только печатным словом. До последних лет он много преподавал, и те, кто его слышал, сохранили образ увлеченного исследователя, глубокого знатока, в академическом облике и выразительности голоса которого находили проявление артистизма и художественные склонности.

В заключение уместно поставить вопрос, каковы слагаемые удивительной продуктивности профессиональной деятельности ученого? Ответ лучше всего было бы услышать от самого Владимира Петровича, но мы нередко не успеваем вовремя задавать подобные вопросы. Коллеги отмечали такие профессиональные качества, как увлеченность предметом, умение ставить новые проблемы, энциклопедизм, поразительная работоспособность. К этому важно добавить способность Морозова

собирать вокруг себя талантливых людей, специалистов разных научных направлений, творчески развивающих его идеи. Он привлекал к себе и людей искусства, с которыми умел не только сотрудничать, но и дружить. Нельзя недооценивать роль очень современного профессионального кредо ученого, стремившегося всегда к практическому применению получаемых результатов. Но главным, как представляется, стал выбор Владимиром Петровичем в молодые годы своего призвания, вполне отвечавшего многосторонней одаренности его личности. Владимир Петрович прожил долгую жизнь, и этот выбор до конца дней определял свойственную ему неповторимую манеру общаться с людьми, действовать и работать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Морозов В.П.* Биофизические основы вокальной речи. Л.: Наука, 1977. 232 с.
2. *Морозов В.П.* Вокальная одаренность: ее природные основы и компьютерная диагностика // Вопросы вокального образования. Методические рекомендации для муз. вузов и средних специальных учебных заведений. М.-СПб., 2006. С. 34–41.
3. *Морозов В.П.* Вокальный слух и голос. Л.: Музыка, 1965. 86 с.
4. *Морозов В.П.* Занимательная биоакустика: рассказы о языке эмоций в мире животных и человека. М.: Знание, 1983. 238 с.
5. *Морозов В.П.* Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники. М.: Изд-во “Московская консерватория”: “Институт психологии РАН”, 2008. 592 с.
6. *Морозов В.П.* Исследование способностей людей различных возрастных групп и профессиональных категорий к определению эмоционального состояния человека по звуку его голоса // Проблемы формирования профпригодности специалистов / Под ред. Ю.М. Забродина. М.: Экономика, 1985. С. 164–166.
7. *Морозов В.П.* К проблеме эмоционально-психологического воздействия музыки на человека // Вестник РГНФ. 1997. № 3. С. 234–243.
8. *Морозов В.П.* Компьютерные исследования интонационной точности вокальной речи // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 3. С. 35–46.
9. *Морозов В.П.* Невербальная коммуникация в системе речевого общения. Психофизиологические и психоакустические основы. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998. 72 с.
10. *Морозов В.П.* Невербальная коммуникация в системе речевого общения: психофизиологические и психоакустические основы // Современная психология: Справ. руководство / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 304–329.
11. *Морозов В.П.* Невербальная коммуникация как понятие в психологии // Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021. С. 359–403.
12. *Морозов В.П.* Невербальная коммуникация. Экспериментально-психологические исследования. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011. 528 с.
13. *Морозов В.П.* Невербальная коммуникация. Экспериментально-теоретические и прикладные аспекты // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 1. С. 18–31.
14. *Морозов В.П.* Прибор для исследования голосовой функции человека // Ученые записки ЛГУ. 1957. № 222. С. 264–271.
15. *Морозов В.П.* Психоакустические аспекты изучения речи // Механизмы деятельности мозга / Под ред. Н.П. Бехтерева. Л.: Наука, 1988. С. 578–607.
16. *Морозов В.П.* Психологический портрет коммерсанта по невербальным особенностям его речи // Труды ИП РАН. М.: ИП РАН, 1995. Т. 1. С. 242–251.
17. *Морозов В.П.* Тайны вокальной речи. Л.: Наука, 1967. 204 с.
18. *Морозов В.П.* Эмоциональный слух и методы его исследования // Проблемы экологической психоакустики / Под ред. В.Н. Носуленко, Е.Г. Епифанова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1991. С. 240–246.
19. *Морозов В.П.* Эмоциональный слух как показатель художественного типа личности // Вопросы вокального образования. Методические рекомендации для преподавателей вузов и средних учебных заведений. М.-СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. консерватории, Академии музыки им. Гнесиных, 2004. С. 21–35.
20. *Морозов В.П.* Эмоциональный слух человека // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 1985. Т. 21. № 6. С. 568–577.
21. *Морозов В.П.* Эмоциональный слух: экспериментально-психологические исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 45–62.
22. *Морозов В.П., Васильева А.Г.* Невербальный слух и эмпатия // Труды Института психологии РАН. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1995. Т. 1. С. 251–258.
23. *Морозов В.П., Люсин Д.В., Есин И.Б., Ямпольский А.Ю.* Восприятие эмоциональной экспрессивности речи и эмоциональный интеллект // Труды международной конференции “Функциональные стили звучащей речи” (5–7 сент. 2005 г.). М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 91–93.
24. *Морозов В.П., Морозов П.В.* Искренность–неискренность говорящего и “психологический детектор

- лжи” // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 54–67.
25. Морозов В.П., Морозов П.В. Особенности восприятия эмоциональной экспрессивности русской речи китайскими и корейскими аудиторами // Экспериментальный метод в структуре психологического знания / Отв. ред. В.А. Барабанщиков. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012. С. 431–437.
26. Художественный тип человека. Комплексные исследования / Под ред. В.П. Морозова, А.С. Соколова. М.: МГК, 1994. 234 с.

THE EXPRESSIVENESS OF HUMAN SPEECH AND VOICE: ON THE 95th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF V.P. MOROZOV

A. L. Zhuravlev^{1,*}, N. D. Pavlova^{1,**}

¹*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.*

^{*}*Academic of the RAS, Professor, Scientific Supervisor of Institute of Psychology.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru*

^{**}*ScD (Psychology), Professor, Head of the Laboratory of Speech Psychology and Psycholinguistics.
E-mail: pavlovand@ipran.ru*

Received 30.12.2023

Abstract. The article analyzes the professional path of Vladimir Petrovich Morozov, the author of fundamental works in the field of psychophysiology and psychoacoustics of speech and voice, non-verbal communication, scientific foundations of vocal art. The main directions of his scientific activity are highlighted, their connection with the trends in the development of modern science, high relevance and interdisciplinary demand are shown. The special style of Morozov's scientific creativity is emphasized, manifested in a combination of original theoretical ideas with the solution of practical problems, addressing borderline issues of psychology and musical art. The most important milestones of the scientist's professional path and achievements in the methodology and theory of speech and voice psychology, as well as in experimental research, are described.

Keywords: history of psychology, V.P. Morozov, nonverbal communication, speech perception, emotional hearing, vocal speech, artistic type of man.

REFERENCES

1. Morozov V.P. Biofizicheskie osnovy vokal'noj rechi. Leningrad: Nauka, 1977. 232 p. (In Russian)
2. Morozov V.P. Vokal'naya odarennost': ee prirodnye osnovy i komp'yuternaya diagnostika. Voprosy vokal'nogo obrazovaniya. Metodicheskie rekomendacii dlya muz. vuzov i srednikh special'nykh uchebnykh zavedenij. Moscow; Saint Petersburg, 2006. P. 34–41. (In Russian)
3. Morozov V.P. Vokal'nyj slukh i golos. Leningrad: Muzyka, 1965. 86 p. (In Russian)
4. Morozov V.P. Zanimatel'naya bioakustika: rasskazy o yazyke ehmocij v mire zhivotnykh i cheloveka. Moscow: Znanie, 1983. 238 p. (In Russian)
5. Morozov V.P. Iskustvo rezonansnogo peniya. Osnovy rezonansnoj teorii i tekhniki. Moscow: Izd-vo “Moskovskaya konservatoriya”, “Institut psikhologii RAN”, 2008. 592 p. (In Russian)
6. Morozov V.P. Issledovanie sposobnostej lyudej razlichnykh vozrastnykh grupp i professional'nykh kategorij k opredeleniyu ehmocional'nogo sostoyaniya cheloveka po zvuku ego golosa. Problemy formirovaniya profprigodnosti specialistov. Ed. Yu.M. Zabrodin. Moscow: Ehkonomika, 1985. P. 164–166. (In Russian)
7. Morozov V.P. K probleme ehmocional'no-psikhologicheskogo vozdejstviya muzyki na cheloveka. Vestnik RGNF. 1997. № 3. P. 234–243. (In Russian)
8. Morozov V.P. Komp'yuternye issledovaniya intonacionnoj tochnosti vokal'noj rechi. Ehksperimental'naya psikhologiya. 2009. V. 2. № 3. P. 35–46. (In Russian)
9. Morozov V.P. Neverbal'naya kommunikaciya v sisteme rechevogo obshcheniya. Psikhofiziologicheskie i psikhokusticheskie osnovy. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 1998. 72 p. (In Russian)
10. Morozov V.P. Neverbal'naya kommunikaciya v sisteme rechevogo obshcheniya: psikhofiziologicheskie i psikhokusticheskie osnovy. Sovremennaya psikhologiya:

- Sprav. Rukovodstvo. Ed. V.N. Druzhinin. Moscow: INFRA-M, 1999. P. 304–329. (In Russian)
11. *Morozov V.P.* Neverbal'naya kommunikaciya kak ponyatie v psikhologii. Razrabotka ponyatij sovremennoj psikhologii. V. 3. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.E. Kharlamenkova, G.A. Vilenskaya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN". 2021. P. 359–403. (In Russian)
 12. *Morozov V.P.* Neverbal'naya kommunikaciya. Ehksperimental'no-psikhologicheskie issledovaniya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2011. 528 p. (In Russian)
 13. *Morozov V.P.* Neverbal'naya kommunikaciya. Ehksperimental'no-teoreticheskie i prikladnye aspekty. Psikhologicheskii zhurnal. 1993. V. 14. № 1. P. 18–31. (In Russian)
 14. *Morozov V.P.* Pribor dlya issledovaniya golosovoj funkcii cheloveka. Uchenie zapiski LGU. 1957. № 222. P. 264–271. (In Russian)
 15. *Morozov V.P.* Psikhooakusticheskie aspekty izucheniya rechi. Mekhanizmy deyatel'nosti mozga. Ed. N.P. Bekhtereva. Leningrad: Nauka, 1988. P. 578–607. (In Russian)
 16. *Morozov V.P.* Psikhologicheskij portret kommersanta po neverbal'nym osobennostyam ego rechi. Trudy IP RAN. Moscow: IPRAN, 1995. V. 1. P. 242–251. (In Russian)
 17. *Morozov V.P.* Tajny vokal'noj rechi. Leningrad: Nauka, 1967. 204 p. (In Russian)
 18. *Morozov V.P.* Ehmocional'nyj slukh i metody ego issledovaniya. Problemy ehkologicheskoy psikhooakustiki. Eds. V.N. Nosulenko, E.G. Epifanova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 1991. P. 240–246. (In Russian)
 19. *Morozov V.P.* Ehmocional'nyj slukh kak pokazatel' khudozhestvennogo tipa lichnosti. Voprosy vokal'nogo obrazovaniya. Metodicheskie rekomendacii dlya prepodavatelej vuzov i srednikh uchebnykh zavedenij. Moscow; Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. gos. konservatorii, Akademii muzyki im. Gnesinykh, 2004. P. 21–35. (In Russian)
 20. *Morozov V.P.* Ehmocional'nyj slukh cheloveka. Zhurnal ehvolyucionnoj biokhimii i fiziologii. 1985. V. 21. № 6. P. 568–577. (In Russian)
 21. *Morozov V.P.* Ehmocional'nyj slukh: ehksperimental'no-psikhologicheskie issledovaniya. Psikhologicheskii zhurnal. 2013. V. 34. № 1. P. 45–62. (In Russian)
 22. *Morozov V.P., Vasil'eva A.G.* Neverbal'nyj slukh i ehmpatiya. Trudy Instituta psihologii RAN. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 1995. V. 1. P. 251–258. (In Russian)
 23. *Morozov V.P., Lyusin D.V., Esin I.B., Yampol'skij A.Yu.* Vospriyatie ehmocional'noj ehkspressivnosti rechi i ehmocional'nyj intellect. Trudy mezhdunarodnoj konferencii "Funkcional'nye stili zvuchashchej rechi" (5–7 sent. 2005 g.). Moscow: Izd-vo MGU, 2005. P. 91–93. (In Russian)
 24. *Morozov V.P., Morozov P.V.* Iskrennost'—neiskrennost' govoryashchego i "psikhologicheskij detektor lzhi". Psikhologicheskii zhurnal. 2010. V. 31. № 5. P. 54–67. (In Russian)
 25. *Morozov V.P., Morozov P.V.* Osobennosti vospriyatiya ehmocional'noj ehkspressivnosti russkoj rechi kitajskimi i korejskimi auditorami. Ehksperimental'nyj metod v strukture psikhologicheskogo znaniya. Ed. V.A. Baraban-shchikov. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2012. P. 431–437. (In Russian)
 26. *Khudozhestvennyj tip cheloveka. Kompleksnye issledovaniya.* Eds. V.P. Morozova, A.S. Sokolova. Moscow: MGK, 1994. 234 p. (In Russian)

ДИСКУССИЯ

УДК 159.9.019

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОНЯТИЙ В ПСИХОЛОГИИ: ОТВЕТ УЧАСТНИКАМ ДИСКУССИИ

© 2024 г. А. Л. Журавлев^{1,*}, Е. А. Сергиенко^{1,**}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Академик РАН, профессор, научный руководитель ИП РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

**Доктор психологических наук, профессор.

E-mail: elenas13@mail.ru

Поступила 17.01.2024

Аннотация. Обсуждаются дискуссионные вопросы в откликах и комментариях участников дискуссии (9 работ) на серию статей А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко “Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий”, “Анализ современных понятий в психологии. Часть II. Разработка современных понятий учеными Института психологии РАН”, “Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН)”, которые были подготовлены на основе коллективного труда “Разработка понятий современной психологии” (2018, 2019, 2021). Большинство участников дискуссии обсуждали системно-сетевую гипотезу организации понятийного пространства, уделяв незначительное внимание тем характеристикам современных понятий, которые были нами выделены. Многие из участников дискуссии принимают гипотезу о системно-сетевой организации психологических понятий. Были высказаны суждения о полипарадигмальном характере современных понятий, который может, с одной стороны, противоречить допарадигмальному статусу психологии (В.А. Мазиллов), а с другой — вносить путаницу в теоретическое планирование исследования. Были представлены современные взгляды на полипарадигмальность психологии в эпоху метамодерна, постоянное взаимодействие и взаимовлияние разных парадигм, не всегда рефлексированное авторами. Предложение о развитии системно-сетевого подхода при учете силы связей и степени роста иерархий становится задачей для дальнейшей проверки данной гипотезы. Возможно также и иное разделение понятий, чем предпринятое авторами, это позволило бы показать, что суть их организации, вероятно, не изменилась бы. Перспективами нашей работы могут стать дальнейшее обоснование критериев выделения психологических понятий, их места и значения в социогуманитарных науках и усиление междисциплинарного анализа. Отчасти некоторые ответы на дискуссионные вопросы представлены в последующей статье А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко, А.А. Федорова “Библиометрический анализ трехтомного труда “Разработка понятий современной психологии” (2018–2021 гг.)” (2023) и коллективной монографии “Научные подходы в современной отечественной психологии” (2023).

Ключевые слова: методология психологии, современные психологические понятия, системно-сетевая гипотеза, организация понятийного пространства, характеристики понятий.

DOI: 10.31857/S0205959224010112

В “Психологическом журнале” на протяжении 2021 и 2022 гг. были опубликованы три статьи, посвященные анализу современных понятий и гипотезе системно-сетевой организации современных понятий. Напомним, что данные научные публикации были подготовлены на основе содержания трехтомного труда “Разработка понятий современной психологии” (2018, 2019, 2021), в который вошли статьи ученых Института психологии РАН. В конце 2022 и в течение 2023 г.

состоялась дискуссия по нашим статьям. В ней участвовали девять ученых разных научных школ, учреждений и городов. Мы искренне благодарны коллегам, принявшим участие в состоявшейся дискуссии. Развернутые комментарии [1; 2; 7; 8; 10–14], поступившие на наши статьи [3–5], содержат как суждения, развивающие и углубляющие высказанные в статьях позиции, так и аргументы, поднимающие спорные и проблемные вопросы.

Прежде всего отметим, что большинство авторов сконцентрировались на обсуждении гипотезы о системно-сетевой организации понятий современной психологии.

Как отмечает в своей статье *И.В. Зеленкова*, “системно-сетевая модель обладает всеми свойствами, необходимыми и достаточными для интеграции психологического знания. Во-вторых, системно-сетевая модель реализует принцип историчности: все ценное, полученное на предыдущих этапах развития знания, сохраняется в свернутом виде, а ненужное отбрасывается. И, наконец, такая организация знания позволяет рассматривать каждую отдельно взятую концепцию с множества позиций, постоянно уточняя ее место среди других подходов, в том числе междисциплинарных” [13, с. 111]. Наряду с этим автор справедливо считает, что необходимо учитывать как степени связанности сети (они могут быть сильными и слабыми), так и типы иерархий (роста, развития, доминирования), что ведет к разным вариантам системно-сетевой организации. Данное пожелание представляется точками роста концепции системно-сетевой организации понятий. Возвращаясь к анализу понятийной сетки Петровского—Ярошевского, подробно обсуждаемой в наших работах, *И.В. Зеленкова* считает, что в сетке содержатся понятия, близкие к сетевым и зонтичным. Мы подчеркивали креативность системы понятий, предложенной *А.В. Петровским* и *М.Г. Ярошевским*. Однако показывали при конкретном анализе понятий, представленных в трех томах коллективного труда, что “современные психологические понятия хотя и связаны с общенаучными философскими категориями, но обладают своей логикой образования и эволюции. Несмотря на стройность и конструктивность идей указанных предшественников (*К.К. Платонова*, *А.В. Петровского* и *М.Г. Ярошевского*. — Курсив наш), следует отметить невозможность категоризации психологических понятий в настоящее время в их координатах, что связано с изменением общенаучных методологических принципов. Представленные классификации в большей степени описываются критериями классической или неклассической методологии, чем постнеклассической или пост-постнеклассической” [8, с. 5]. Более подробно аргументация представлена в указанной публикации.

М.С. Гусельцева в целом соглашается с системно-сетевой гипотезой организации понятий в психологии, сравнивая ее с квантово-волновой теорией в физике. Однако она обращает внимание на вопрос, “существуют ли в познаваемой реальности чистые системы или чистые сети? Ведь наблюдая

любой феномен, будь то общество или мозг, исследователь в зависимости от выбранного подхода и соответствующей оснастки может обнаружить в исследуемом объекте как сеть (концепция гипер-сетевого мозга *К.В. Анохина*), так и систему (изучение мозга *А.Р. Лурией* в качестве структурно-функциональной системы)” [4, с. 126]. Действительно в познаваемой реальности использование различных “чистых” сетевых и/или системных моделей фактически невозможно. Это аналитическая работа, которая отражается в интерпретации познаваемой реальности, в попытках достичь ее понимания и обладает субъектностью как творца этой реальности, так и субъектных выборов теоретической “оптики”. Мы выделили субъектность понятий как одну из их характеристик, демонстрируя на примерах ранее рассмотренных нами понятий.

М.С. Гусельцева предлагает иное разделение понятий, нежели реализованное в трехтомном коллективном труде ИП РАН. При формировании разделов книг понятия были отнесены к общетеоретическим, отраслевым и практическим. Она предлагает за основу дифференциации принять уровни методологии науки, выделяя четыре уровня: философский, включающий философские категории (движение, материя, развитие, психика, сознание, бытие и т.п.); общенаучный, к которому относятся “междисциплинарные и общенаучные понятия, выступающие предпосылками для установления междисциплинарных связей смежных наук; позволяющие сопоставлять наблюдения и результаты, полученные с позиции различных подходов и исследовательских ракурсов” [4, с. 127]; конкретно-научный — это уровень методологии науки (общепсихологические и отраслевые понятия), имеющий место внутри дисциплинарного пространства психологической науки, и инструментальный, в который входят понятия, используемые в психологической практике. Тогда как “понятия в психологии распределяются и по иным категориям: как общепсихологические и отраслевые; прикладные и практические. Тем не менее первые можно отнести к конкретно-научному уровню методологии науки, а вторые — к инструментальному” [Там же, с. 127].

Во-первых, напомним, что попытка анализа общепсихологических категорий материалистической диалектики в психологии была представлена в книге 1988 г. под редакцией и авторском участии *Л.И. Анцыферовой* (1988). Идея данной книги — показать, как общенаучные философские понятия реализуются в психологической науке. Мировоззренческо-методологические функции философии, как отмечает *Л.И. Анцыферова*, состоят в том

числе в обобщении научных знаний конкретных дисциплин для создания целостной “научной картины мира”, интегрирующей социогуманитарные, естественнонаучные и технические науки. “В понятиях психологии отражается текучесть, пластичность, постоянная изменчивость, напряженность, многокачественность явлений душевной жизни человека, основным способом которых является развитие”, — пишет Л.И. Анцыферова [1, с. 6]. Данная характеристика психологических понятий перекликается с характеристикой понятий метамодернизма. М.С. Гусельцева на примере понятия “культура” показывает возможность анализа по выделенным ею уровням, демонстрируя специфику и изменение смыслов данного понятия на разных уровнях. Представляется, что упоминавшиеся выше авторы нашего трехтомного труда стремились показать эволюцию понятий и их изменения при переходе на разные уровни анализа, например категория субъекта — от философской к общепсихологической, конкретно-психологической и практической (например, субъект обучения, субъект развития).

М.С. Гусельцева также уточняет эволюционный тренд понятий, который подчеркивается нами при анализе их современного содержания в психологии [8]. Она пишет: «В эволюционной перспективе психологические понятия претерпевают три периода развития: 1) скрытое развитие — зарождение смутных представлений; “нащупывание” нового/неизвестного феномена; обнаруженный феномен нередко обозначается разными терминами; постепенно отыскивается адекватное понятие; 2) дисциплинарное развитие — происходит органичная встреча феномена и термина; появляется четкое определение, которое большинство ученых используют в этом поле знания; 3) трансдисциплинарное развитие — отдельные понятия перерастают свои дисциплинарные границы, обретают популярность и востребованность в смежных науках, а также меняют изначальный смысл, становятся полисемантическими (подобно понятиям “парадигма”, “ментальность”, “постмодернизм” и др.)» [4, с. 129]. Отчасти данная тенденция отражена при рассмотрении понятий авторами трехтомника ИП РАН (например, в понятиях жизнеспособности, субъектности, дискурса, интенции, менталитета). Однако историко-эволюционный анализ понятийного пространства в психологии требует отдельной работы.

Наконец М.С. Гусельцева намечает перспективы разработки понятий в психологии. Она предлагает усилить анализ междисциплинарных понятий, используя разные уровни анализа, и разграничить психологическое пространство от других

социогуманитарных наук, показывая специфику психологических понятий. На наш взгляд, данная работа начата в трехтомном издании и требует новых значительных теоретико-методологических усилий.

Обсуждая проблему соотношения понятий в системно-сетевом подходе к психологическому знанию, Т.В. Корнилова высказывает ряд полемических суждений. «Во-первых, предложенная на рисунке во второй статье сеть, на мой взгляд, не проясняет такого соотношения. Во-вторых, обаяние “мета-модернистской эпистемологии” — при невозможности отрицания самой этой современной ступени организации знаний — несколько затемняет именно анализ психологического содержания понятий (а префикс “мета” вряд ли что проясняет)» [14, с. 128]. Хотелось бы ответить автору, что представленная сеть понятийных связей — это лишь гипотетическая схема, но построенная именно на анализе их содержания и гипотетических взаимосвязей. Кроме того, в последующей статье [10] был проведен библиометрический анализ понятий, представленных в трехтомном издании, который аргументировал такие взаимосвязи. Приставка “мета” указывает лишь на степень обобщенности, основанной именно на раскрытии содержания (например, см. анализ понятий субъекта и коллективного субъекта в [19]). Далее Т.В. Корнилова отмечает, что, говоря об интеграции понятий, авторы не выделяют ее критерия и рефлексировуют соотношение новых и традиционных понятий, не анализируют причины, по которым новые понятия становятся востребованными в исследовательском поле. Нам представляется, что интегративность современных понятий достаточно полно обоснована. Кроме того, не позиционируется приоритет в разработке новых понятий по сравнению с традиционными, поскольку и те, и другие изменяются на современном этапе развития психологической науки. Авторы статей, в которых вводятся новые понятия, обосновали их становление и реализацию и показали взаимосвязь с другими понятиями в психологии.

Соглашаясь с тенденцией мультипарадигмальности в современной науке, Т.В. Корнилова высказывает ряд других сомнений: “смешение разных позиций не всегда выступает критерием продуктивного продвижения в познании изучаемой реальности. В отдельном исследовании такое смешение может приводить к необоснованной эклектике. Другое дело — мир теорий. В нем смешение теорий или парадигм (включающих также способы организации исследования) не обязательно будет означать многомерность взглядов или мультипарадигмальность.

Многомерность надо задавать как раз с четко очерченных разных теоретико-методологических позиций. И путь смещений в одном исследовании разных парадигм может создавать лишь видимость новизны подхода» [14, с. 129]. Позволим себе не согласиться с данным суждением, поскольку такое взаимовлияние парадигм происходит постоянно и даже не всегда рефлексировано ученым с четкими теоретико-методологическими позициями, что, например, можно проиллюстрировать фактом использования самых разнообразных методических приемов, взятых из совершенно разных теоретических подходов, но интерпретируемых со своей теоретической позиции. Эта проблема требует своего методологического и теоретико-эмпирического решения.

Еще одно сомнение у Т.В. Корниловой возникает в связи с тем, что авторы не проводили сравнений понятийного строя отечественной и зарубежной психологии, тогда как «перетекание в отечественные исследования иных по концептуальному и эмпирическому содержанию понятий (без того, чтобы сами исследователи эксплицировали указанные понятийные различия) не развивает указанные конструкты, а лишь запутывает понятийные связи и интерпретации устанавливаемых закономерностей» [Там же, с. 130]. Действительно в обобщающем анализе таких сравнений не проводилось, но при рассмотрении отдельных понятий авторы указывали на аналогичные разработки в зарубежной психологии, которые образуют сплав понятийной структуры, наполняя ее иным содержанием и использованием (например, понятия «контроль поведения», «модель психического», «жизнеспособность» и др.), создавая понятия отечественной психологии, которая и ранее включала в себя завоевания европейской науки (например, теория культурно-исторического развития психики), что при развитии понятий и разработке подхода не запутывает, а проясняет взаимосвязи с другими понятийными структурами.

Т.В. Корнилова высказывает согласие с гипотезой системно-сетевой организации понятийного поля науки, но при этом считает необходимым «добавить в эту тему — сопоставление различий в использовании конструкта психологической системы в разных подходах» [Там же, с. 130]. Такая задача представляется важной для последующей работы.

Иное отношение к принципу системно-сетевой организации представлено в дискуссионной статье Т.Д. Марцинковской [17]. Она пишет, что «в виде сети целесообразно представить связи различных субкультур или коммуникации между отдельными людьми внутри художественного или научного

сообщества. Но с точки зрения методологии соединение понятий по сетевому принципу приводит к размыванию смысла и конкретного понятия, и категориального строя научной школы, и конкретной науки... говорить о сетевом принципе нецелесообразно. Ведь так невозможно понять иерархию в системе категорий, что необходимо и для дальнейшего выстраивания горизонтальных связей, в том числе и цепочек таких связей» [17, с. 134].

Трудно согласиться с данным суждением. Т.Д. Марцинковская обращалась в своих работах к метафоре сети и невода, который мы неоднократно обсуждали. Так, в обобщающей статье первой книги «Разработка понятий современной психологии» [23] уже приводилось мнение указанного автора: «Если сетевой принцип применим к изучению отдельных категорий и их взаимосвязи, предполагая встраивание новых категорий, проблем, образующих систему знаний, то «невод» образует единую многомерную систему концепций и подходов (вертикальных и горизонтальных отношений, т.е. разные представления о предмете анализа в одной концепции и однотипные — в разных научных подходах), собирая их воедино, не давая растекаться в разные стороны» [5, с. 13]. Данные метафоры чрезвычайно важны для развития научного знания, однако здесь возникает вопрос о выборе «материала»: теорий и подходов, равнозначности и составе ячеек в «сети» и «неводе». Этот вопрос сопряжен с субъектностью самого научного знания, с ответственностью и профессионализмом самого исследователя, от которого зависят выдвижение гипотезы, их экспериментальная проверка, интерпретация и дальнейшее место в выбранной «сети» категорий и в «неводе» теорий. Возможно, именно такое положение отвечает метамодернизму, предполагающему поиск творца. Однако данные метафоры лишены какой-либо системной иерархии в построении категориального строя психологической науки. [17]. Кроме того, приведем мнение Н.В. Гришиной и С.Н. Костроминой в их дискуссионной статье: «Системно-сетевой принцип описания позволяет перейти от смысловых «гнезд» — тематических тезаурусов к проблемно ориентированному типу построения и осуществления научного поиска, объяснить сосуществование феноменов объективной и субъективной реальности (например, поведенческих паттернов и переживаний, опирающихся на разные исследовательские парадигмы и методы изучения)» [3, с. 100]. Т.Д. Марцинковская считает, что направление построения методологии психологии лежит на пути решения проблемы соотношения ядра и периферии понятия. Она считает, что

ядра понятий — относительно устойчивые образования, а периферии понятий — гибкие и подвижные. Именно эти соотношения ядра и периферии раскрываются в работе В.А. Кольцовой, А.Л. Журавлева, посвященной менталитету [12]. Мы провели анализ ведущих и конкретизирующих понятий при сравнительном анализе психологических подходов [17], что позволило показать взаимные пересечения понятий. Обращение к сетевому принципу организации психологического знания не ново, о нем писали Т.В. Корнилова, С.Д. Смирнов, Т.В. Зеленкова, М.С. Гусельцева и др., но мы попытались показать на конкретных примерах при анализе содержания современных понятий не только сетевую, но и системную их организацию, следовательно, представить и иерархию в системе понятийной организации.

В статье *Н.В. Гришиной* и *С.Н. Костроминой* подчеркивается важность реализации эволюционного принципа при анализе понятий, “причем не только в ее самовоспроизведении, но и в самообновлении (воспроизводстве на новом уровне в ходе познания и усложнения) и в самопорождении (создании новых понятий и отношений между ними), изменении системного качества в процессе развития структуры психологического знания, его подвижность и вариативность (многоликость), пространственно-временные характеристики понятийной психологической системы, механизмы появления новых понятий, отражающие текущие изменения и разнообразие взглядов на один и тот же конструкт или смешение взглядов” [3, с. 102]. Отчасти в разработке понятий авторы показывали их эволюцию, обосновывали происхождение новых понятий, показывали их истоки. Согласимся, что данный аспект анализа может быть даже усилен. Указывая на необходимость разработки критериев для систематизации понятий, авторы подчеркивают, что “разработка универсальных критериев позволила бы не только обозначить основания систематизации, но и могла бы быть использована для анализа научного дискурса отдельных областей психологии с возможным последующим сравнением и соотносением с понятийным и категориальным аппаратом всей психологической науки” [Там же, с. 102].

По-видимому, вопрос об универсальных критериях можно отнести к вопросу о критериях статуса понятий. *Н.В. Богданович* [2] выделяет следующие критерии категориального статуса понятия на основе обобщения разных подходов в отечественной психологии: несводимость к другим и невыводимость из других (*М.Г. Ярошевский*); связанность с основными принципами науки и ее

предметом — методологический критерий; критерий систематизированности, означающий, что категории должны состоять в определенном соотношении друг с другом (*Б.Ф. Ломов*); принципообразующий критерий, согласно которому каждая категория должна выдвинуть новый принцип науки. Подробно обсуждая эти критерии, было показано, что раскрываемые понятия соответствуют в основном трем из них, при этом принципообразующему критерию удовлетворяет только незначительная часть (например, понятия субъекта, антиципации) [6].

Авторы также ставят вопрос о правомерности переноса понятий из житейской психологии, например понятия счастья. В статье *А.Л. Журавлева* и *А.В. Юревича* специально рассматривается данный вопрос. Научное рассмотрение термина, прошедшего из обыденной психологии, позволяет не только определить и операционализировать его, но и начать его научное изучение. Авторы анализируют психологическую структуру счастья и его ключевые компоненты. Они сопоставляют соотношение понятия счастья с близкими понятиями, такими как удовлетворенность жизнью, качество жизни, субъективное благополучие. Трактровка счастья не просто эквивалентна субъективному или психологическому благополучию, а понимается как превосходная степень полюса на его шкале. Авторы полагают, что представление о смысле жизни является одним из ключевых компонентов удовлетворенности ею и счастья [6].

В дискуссионной работе *В.А. Мазилова* и *Ю.Н. Слепко* отмечается уникальность и монументальность трехтомного труда, что становится “лучшим подтверждением концепции коллективного субъекта и тезиса о возможности реального функционирования коллективного субъекта: осуществить подобного рода объемную работу (напомним, в трех томах сборника проанализированы 70 теоретических, эмпирических и используемых в практической психологии понятий, а также их взаимосвязи) под силу только целому научному коллективу, объединенному общей целью” [16, с. 94]. Несмотря на высокую оценку, автор ставит ряд вопросов, например, насколько правомерно включать психологическую науку в парадигмальный и полипарадигмальный анализ при учете дискуссионности отнесения ее к парадигмальным наукам? Поскольку проблемы методологии и теории психологии остаются открытыми и спорными, представляется, что в нашей работе мы достаточно детально проанализировали новый этап развития научного знания — *метамодернизм*, который привел к изменению принципов методологического

и теоретического построения в науке. “Основные краеугольные содержательные положения методологии постнеонеклассической общенаучной парадигмы находят выражение, прежде всего, в одновременном существовании и борьбе различных парадигм; в изменении идеала научной деятельности (не знание о мире, а знание деятельности в мире); в том, что натуралистические гео- и гелиоцентрализации уступают место аксиологической антропоцентрализации; что общий эффект науки и научных исследований определяется системой идеалов: практологических, эпистемологических, методологических, экологических, социальных, экономических, демографических, этических и др.; в изменении не только понятий и методов, но и всего стиля мышления на основе новых технологий. Для современных научных исследований характерны: коллективные формы исследовательской деятельности; выдвижение на передний план исследования сложных системных и повседневных объектов, междисциплинарных и проблемно-ориентированных форм исследовательской деятельности; усложнение саморефлексии науки, ее уровней и форм; трансформация и сближение методологии естественных, социальных, гуманитарных исследований; распространение идей синергетики, формирование синергетического подхода к методологии научных исследований; выдвижение в методологии научных исследований на первое место познания закономерностей циклической динамики, социогенетики, эволюционного и информационного подходов, объединение статического и динамического подходов” [15. с. 23].

Говоря о противопоставлении плюрализма теорий психического единой теории психики, В.А. Мазиллов указывает на то, что плюрализм, кроме простого множества теорий, не может привести к единой теории психики. Скорее следует стремиться, по мнению автора, к единому пониманию *предмета* психологической науки. По нашему мнению, единого предмета психологической науки также быть не может, как и единой теории психики. Этот вопрос дискутируется нами при обсуждении и сравнении научных подходов в отечественной психологии [18] и в отдельной статье [25]. Приведем аналогию с развитием медицины, которая значительно опережает психологию в своей эволюции. Никакая дифференциация на области изучения и практики (например, отоларингология, онкология, стоматология, кардиология), никакое существование разных медицинских теорий и направлений (традиционная, доказательная, аллопатическая, восточная, натуропатическая, тибетская медицина и др.) не препятствуют ее интенсивному развитию как относительно единой науки.

Далее автор ставит вопрос о передаче знаний внутри психологического сообщества при сетевой организации понятийного пространства, не теряя их сущностных характеристик. Кроме того, такая характеристика, как спрессованность современных понятий, подобно понятийным способностям экспертов, затруднит их понимание при обучении, подготовке научных кадров. Представляется, что организация понятий по системно-сетевому принципу никак не влияет, а, напротив, проясняет сущность понятий, задавая научно-теоретический контекст с наиболее взаимосвязанными понятийными конструктами как по горизонтали, так и по вертикали. Более того, передача знаний, усвоение понятий проходит путь от недифференцированного, обобщенного понимания к более дифференцированному общему принципу в онтогенезе и микрогенезе. Даже опытные ученые не всегда могут дать точное определение понятия, особенно многозначного. Например, понятие личности, субъекта предполагает как представление эволюции понятий, так и выделение критериев и характеристик, что никак не препятствует их интегрированности на современном этапе, отражающих новые содержания, антиномичность, латентные составляющие, субъектность понимания.

Наконец В.А. Мазиллов обращает внимание на то, что системно-сетевой подход к анализу понятийного пространства психологической науки конкурирует с наукометрическим подходом, популярным в настоящее время. Именно наукометрический анализ понятий, представленных в трехтомном труде, был проведен в соавторстве с А.А. Федоровым [10]. Он подтвердил основные гипотезы системно- сетевого подхода, выделение узловых понятий и тематических полей в общем понятийном пространстве.

Л.М. Попов и П.Н. Устин при обсуждении серии статей, посвященных разработке понятий современной психологии, выделяют несколько проблемных моментов. Они считают, что выделение понятий индивидуального и коллективного субъекта как узловых может быть “ограничением понятийного поля для характеристики текучего субъекта в текучей современности... для полноты охвата действий субъекта понятийное пространство должно отражать и контекстуальность события, и многочисленные детерминанты внешнего и внутреннего плана” [20, с. 128] При обсуждении индивидуального и коллективного субъекта в статьях трехтомника вопросы полидетерминации, контекстуальности, динамики, смысловые и прочие составляющие подробно рассматривались, более того, выделение этих понятий как метапонятий было подтверждено

при библиометрическом анализе всех понятий, представленных в трехтомном труде [10; 22–24].

Далее авторы указывают, что научная психология скорее идет от понимания частей к целому. Трудно согласиться с данным суждением, поскольку при изучении психологического феномена происходит аналитическая работа, выделяющая из общего часть, которую возможно изучить, при понимании ограниченности данного членения. Авторы приводят изучение индивидуальности человека как пример целостного исследования. При всем уважении к данному представлению, именно в этом понятии тесно переплетено множество составляющих, “частей”, детерминаций, поэтому ее изучение неизбежно связано с выделением только некоторых аспектов индивидуальности.

Авторы подчеркивают, что в психологии сегодня скорее есть запрос на разработку понятий, адекватных для практического решения жизненно важных задач, чем на научную разработку понятийного аппарата. Во-первых, в коллективном трехтомном труде ИП РАН, в каждом из томов представлены разделы, посвященные понятиям в прикладных областях психологии, которые тесно взаимосвязаны с современными практическими решениями, например “счастье”, “компенсация”, “субъективный возраст” и др. Кроме того, было показано, что эти понятия, как и общетеоретические, отраслевые и прикладные термины, характеризуются общими чертами [22–24]. Отсюда и предложение авторов включать в общий анализ понятия, возникающие в психологической практике консультирования, что сближает научную и практическую психологию. Однако для обретения статуса научного понятия необходимо пройти путь теоретико-эмпирического анализа. Во-вторых, выполненный нами анализ ограничивался только теми понятиями, которые разрабатывались сотрудниками нашего Института психологии РАН, что подчеркивалось неоднократно. Будет научно значимым, если авторы данной дискуссионной статьи предпримут подобный анализ.

Л.М. Попов и П.Н. Устин также предлагают включить в понятийное поле понятие “взаимосодействие”, что расширяет понятийный аппарат, а в психологии развития вернуться к проблеме проявления колебаний и/или зоне ближайшего развития. В другом труде “Принцип развития в современной психологии” [21] отчасти обсуждались данные проблемы в рамках анализа системно-динамического подхода. Что касается понятия взаимосодействия, то оно представлено при реализации коммуникативной функции субъекта, но

в ином варианте, а также в критериях и уровнях развития коллективного субъекта [22].

В дискуссионной работе *С.Ф. Сергеева* подчеркивается важность разработки сетевого подхода как междисциплинарного, охватывающего “множественные формы отношений человека в различных социальных и техногенных средах, проводить экспериментальные работы в рамках концепции искусственного общества (В.Л. Макаров)” [26, с. 136]. Однако хотелось бы заметить, что, кроме сетевого подхода, сформулирована гипотеза о системно-сетевой организации понятий, аргументировано объединение их взаимных возможностей.

Наконец статья *А.Н. Плюща* [19], который, обсуждая представленные в наших статьях положения, предлагает модель организации психологических понятий как гипертекст саморазвивающегося коллективного автора, основываясь на тринитарной оптике современной методологии (внешний мир — носитель психики — внутренний мир). Авторский вариант понятийной системы в целом не вступает в существенные противоречия с нашей позицией, но некоторые решения в определении субъекта, коллективного субъекта, развития субъекта требуют отдельного и детального обсуждения, что невозможно сделать в рамках данной статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Состоявшая дискуссия на страницах “Психологического журнала” показывает актуальность обсуждения теоретико-методологических проблем психологической науки в настоящее время. Еще раз хотелось бы выразить признательность всем авторам, принявшим в ней участие. Обсуждение спорных моментов проведенного анализа современных понятий психологии становится только первым шагом дальнейшей разработки проблем и обмена мнениями.

Большинство участников дискуссии обсуждали системно-сетевую гипотезу организации понятийного пространства, уделив, в частности, незначительное внимание тем характеристикам современных понятий, которые были нами выделены. Нам представляется, что это немаловажный вопрос для дальнейшего продвижения в предпринятом анализе.

Выделим те вопросы, которые требуют дальнейших обсуждений и решений, что отразилось и в нашей дискуссии.

Можно ли перенести характеристики современных понятий и модель их организации, полученные на примере 70 понятий ученых Института

психологии РАН, на более широкий их круг в современной психологии? Авторам представляется это высоковероятным.

Дальнейшей разработки требует системно-сетевая гипотеза, в соответствии с которой необходимо показать, каким образом могут взаимодействовать горизонтальные и вертикальные взаимосвязи при разной степени их связанности в сети и роста иерархий.

Необходим также специальный анализ понятий отечественной и зарубежной психологии, который нам представляется достаточно сложной задачей.

Наконец, как показала дискуссия, необходимо продолжать и реализовывать идею оппонентного круга, в котором разные школы и научные подходы, разные точки зрения будут представлены в поле общего обсуждения. Отчасти такая работа уже начата в рамках коллективной монографии “Научные подходы в современной отечественной психологии” [18]. Ожидается, что дискуссия продолжится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анциферова Л.И.* Материалистическая диалектика и психологическая наука // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л.И. Анциферовой. М.: Наука, 1988. С. 5–21.
2. *Богданович Н.В.* Субъект как категория отечественной психологии: история и современное состояние // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. С. 58–84.
3. *Гришина Н.В., Костромина С.Н.* К проблеме эволюции понятийного аппарата психологии: от прошлого к будущему // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 99–105. DOI: 10.31857/S020595920026161-3
4. *Гусельцева М.С.* О разработке понятий в современной российской психологии // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 4. С. 124–132. DOI: 10.31857/S020595920027091-6
5. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Вместо введения. Современные понятия в психологической науке: попытка анализа // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 5–60.
6. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Счастье как психологическая категория // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 63–649.
7. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 5–15. DOI: 10.31857/S020595920015130-9
8. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Анализ современных понятий в психологии. Часть II. Разработка современных понятий учеными ИНСТИТУТА психологии РАН // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 5–15. DOI: 10.31857/S020595920016002-8
9. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.
10. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А., Федоров А.А.* Библиометрический анализ трехтомного труда “Разработка понятий современной психологии” (2018–2021 гг.) // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 113–126. DOI: 10.31857/S020595920024366-8
11. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А., Виленская Г.А.* Вводная глава Современные подходы в отечественной психологии: единство в разнообразии // Научные подходы в современной отечественной современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. С. 7–97.
12. *Зеленкова Т.В.* К проблеме создания системно-сетевого психологического тезауруса в контексте метамодерна // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 6. С. 109–113.
13. *Кольцова В.А., Журавлев А.Л.* Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 162–187.
14. *Корнилова Т.В.* Проблема соотношения понятий в системно-сетевом подходе к психологическому знанию // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 128–131.
15. *Котенко В.П.* Парадигма как методология научной деятельности // Библиосфера. 2006. № 3. С. 21–25.
16. *Мазилев В.А., Слепко Ю.Н.* Проблема понятийного пространства современной психологии // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 93–98. DOI: 10.31857/S020595920026160-2
17. *Марцинковская Т.* Новые методологические подходы современной психологии в цифровом обществе // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 132–136. DOI: 10.31857/S020595920024915-2
18. Научные подходы в современной отечественной современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. 759 с.
19. *Плющ А.Н.* Современные понятия психологии: Эволюция понимания логики их организации // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 6. С. 114–123. DOI: 10.31857/S020595920029015-2

20. Попов Л.М., Устин П.Н. Сетевой и трансдисциплинарный подходы как возможность расширения понятийного состава психологии // Психологический журнал. 2022. Т. 44. № 1. С. 127–132. DOI: 10.31857/S020595920024368-0
21. Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. 479 с.
22. Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. 702 с.
23. Разработка понятий современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. 815 с.
24. Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Е.А. Харламенкова, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021. 732 с.
25. Сергиенко Е.А. Внутренний мир человека: един ли предмет психологии? (дискуссионные заметки) // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 6. С. 124–134. DOI: 10.31857/S020595920029080-4
26. Сергеев С.Ф. Перспективы сетевого подхода в психологии // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 133–136. DOI: 10.31857/S020595920024369-1

ANALYSIS OF MODERN CONCEPTS IN PSYCHOLOGY: THE ANSWER TO THE DEBATERS

A. L. Zhuravlev^{1,*}, E. A. Sergienko^{1,**}

¹*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.*

^{*}*Academic of the RAS, Professor, Scientific Supervisor of Institute of Psychology.*

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

^{**}*ScD (Psychology), Professor, Chief Researcher.*

E-mail: elenas13@mail.ru

Received 17.01.2024

Abstract. Debatable issues are discussed in the responses and comments of the debaters (9 papers) on a series of articles by A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko “Analysis of modern concepts in psychology. Part I. The experience of systematization of concepts”, “Analysis of modern concepts in psychology. Part II. Development of modern concepts by scientists of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”, “System-network organization of modern concepts of psychology (using the example of developments by employees of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences)”, which were prepared on the basis of collective work “Development of concepts of modern Psychology” (2018, 2019, 2021). Most of the debaters discussed the system-network hypothesis of the organization of the conceptual space, paying little attention to the characteristics of modern concepts that we have highlighted. Judgments have been made about the polyparadigmatic nature of modern concepts, which on the one hand may contradict the pre-paradigm status of psychology (V.A. Mazilov), and on the other — to confuse the theoretical planning of research. Modern views on the polyparadigmality of psychology in the era of metamodern, constant interaction and mutual influence of different paradigms, not always reflected by the authors, were presented. The proposal to develop a system-network approach, taking into account the strength of connections and the degree of growth of hierarchies, becomes a task for further testing of this hypothesis. There may also be a different division of concepts than that undertaken by the authors, and this would show that the essence of their organization probably would not have changed. The prospects of our work may be further substantiation of the criteria for the allocation of psychological concepts, their place and significance in the socio-human sciences and strengthening interdisciplinary analysis. In part, some answers to the debatable questions are presented in a subsequent article by A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, A.A. Fedorov “Bibliometric analysis of the three-volume work “Development of concepts of modern psychology” (2018–2021)” (2023) and the collective monograph “Scientific approaches in modern domestic psychology” (2023).

Keywords: methodology of psychology, modern psychological concepts, system-network hypothesis, organization of conceptual space, characteristics of concepts.

REFERENCES

1. *Ancyferova L.I.* Materialisticheskaya dialektika i psihiologicheskaya nauka. Kategorii materialisticheskoy dialektiki v psikhologii. Ed. L.I. Ancyferova. Moscow: Nauka, 1988. P. 5–21. (In Russian).
2. *Bogdanovich N.V.* Sub'ekt kak kategoriya otechestvennoy psikhologii: istoriya i sovremennoe sostoyanie. Sub'ekt, lichnost' i psikhologiya chelovecheskogo by'tiya. Eds. V.V. Znakov, Z.I. Ryabikina. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2005. P. 58–84. (In Russian).
3. *Grishina N.V., Kostromina S.N.* K probleme e'vol'yucii ponyatijnogo apparata psikhologii: ot proshlogo k budushhemu. *Psikhologicheskij zhurnal*. 2023. V. 44. № 3 P. 99–105. DOI: 10.31857/S020595920026161-3 (In Russian)
4. *Gusel'ceva M.S.* O razrabotke ponyatij v sovremennoj rossijskoj psikhologii. *Psikhologicheskij zhurnal*. 2023. V. 44. № 4. P. 124–132. DOI: 10.31857/S020595920027091-6. (In Russian)
5. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Vmesto vvedeniya. Sovremennyy'e ponyatiya v psikhologicheskoy nauke: popytka analiza. Razrabotka ponyatij sovremennoj psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 5–60. (In Russian)
6. *Zhuravlev A.L., Yurevich A.V.* Schast'e kak psikhologicheskaya kategoriya. Razrabotka ponyatij sovremennoj psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 631–649. (In Russian)
7. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Analiz sovremenny'x ponyatij v psikhologii. Chast' I. Opyt sistematizacii ponyatij. *Psikhologicheskij zhurnal*. 2021. V. 42. № 3. P. 5–15. DOI: 10.31857/S020595920015130-9 (In Russian)
8. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Analiz sovremenny'x ponyatij v psikhologii. Chast' II. Razrabotka sovremenny'x ponyatij ucheny'mi INSTITUTA psikhologii RAN. *Psikhologicheskij zhurnal*, 2021. V. 42. № 4. P. 5–15. DOI: 10.31857/S020595920016002-8 (In Russian)
9. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Sistemno-setevaya organizaciya sovremenny'x ponyatij psikhologii (na primere razrabotok sotrudnikov Instituta psikhologii RAN). *Psikhologicheskij zhurnal*. 2022. V. 43. № 3. P. 5–14. (In Russian)
10. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A., Fyodorov A.A.* Bibliometricheskij analiz trextoznogo truda "Razrabotka ponyatij sovremennoj psikhologii" (2018–2021 gg.). *Psikhologicheskij zhurnal*. 2023. V. 44. № 1. P. 113–126. DOI: 10.31857/S020595920024366-8 (In Russian)
11. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A., Vilenskaya G.A.* Vvodnaya glava Sovremennyy'e podhody' v otechestvennoj psikhologii: edinstvo v raznoobrazii. Nauchny'e podhody' v sovremennoj otechestvennoj sovremennoj psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2023. P. 7–97. (In Russian).
12. *Zelenkova T.V.* K probleme sozdaniya sistemno-setevogo psikhologicheskogo tezaurusa v kontekste metamoderna. *Psikhologicheskij zhurnal*. 2023. V. 44. № 6. P. 109–113. (In Russian).
13. *Kol'czova V.A., Zhuravlev A.L.* Sushhnostny'e harakteristiki i faktory' formirovaniya rossijskogo mentaliteta. Razrabotka ponyatij sovremennoj psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 162–187. (In Russian).
14. *Kornilova T.V.* Problema sootneseniya ponyatij v sistemno-setevom podhode k psikhologicheskomu znaniyu. *Psikhologicheskij zhurnal*. 2023. V. 44. № 2 P. 128–131. (In Russian).
15. *Kotenko V.P.* Paradigma kak metodologiya nauchnoj deyatel'nosti. *Bibliosfera*. 2006. № 3. P. 21–25. (In Russian).
16. *Mazilov V.A., Slepko Yu.N.* Problema ponyatijnogo prostanstva sovremennoj psikhologii. *Psikhologicheskij zhurnal*. 2023. V. 44. № 3. P. 93–98. DOI: 10.31857/S020595920026160-2 (In Russian)
17. *Marcinkovskaya T.* Novyy'e metodologicheskie podhody' sovremennoj psikhologii v cifrovom obshhestve. *Psikhologicheskij zhurnal*. 2023. V. 44. № 2. P. 132–136. DOI: 10.31857/S020595920024915-2 (In Russian)
18. *Nauchny'e podhody' v sovremennoj otechestvennoj sovremennoj psikhologii.* Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2023. 759 p. (In Russian).
19. *Plyushh A.N.* Sovremennyy'e ponyatiya psikhologii: E'vol'yuciya ponimaniya logiki ih organizacii. *Psikhologicheskij zhurnal*. 2023. V. 44. № 6. P. 114–123. DOI: 10.31857/S020595920029015-2 (In Russian)
20. *Popov L.M., Ustin P.N.* Setevoy i transdisciplinarnyy'j podhody' kak vozmozhnost' rasshireniya ponyatijnogo sostava psikhologii. *Psikhologicheskij zhurnal*. 2022. V. 44. № 1. P. 127–132. DOI: 10.31857/S020595920024368-0 (In Russian)
21. *Princip razvitiya v sovremennoj psikhologii.* Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2016. 479 p. (In Russian)
22. *Razrabotka ponyatij sovremennoj psikhologii.* Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. 702 p. (In Russian)
23. *Razrabotka ponyatij sovremennoj psikhologii. V. 2.* Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. 815 p. (In Russian)
24. *Razrabotka ponyatij sovremennoj psikhologii. V. 3.* Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, E.A. Kharlamenkova, G.A. Vilenskaya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2021. 732 p. (In Russian)
25. *Sergienko E.A.* Vnutrennij mir cheloveka: edin li predmet psikhologii? (diskussionny'e zametki). *Psikhologicheskij zhurnal*. 2023. V. 44. № 6. P. 124–134. DOI: 10.31857/S020595920029080-4 (In Russian)
26. *Sergeev S.F.* Perspektivy' setevogo podhoda v psikhologii. *Psikhologicheskij zhurnal*. 2023. V. 44. № 1 P. 133–136. DOI: 10.31857/S020595920024369-1 (In Russian)

УДК 159.9:061.2/3

Х ЮБИЛЕЙНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ “ПСИХОЛОГИЯ — НАУКА БУДУЩЕГО”

© 2024 г. С. В. Тарасов

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии.

E-mail: sementarasovvas@gmail.com

Поступила 15.12.2023

Аннотация. 16–17 ноября 2023 г. в Институте психологии РАН (Москва) при поддержке факультета психологии Государственного академического университета гуманитарных наук состоялась Х юбилейная международная конференция молодых ученых “Психология — наука будущего”. Мероприятие было посвящено обсуждению актуальных проблем психологической науки, новых методов исследования и обработки данных, развитию сотрудничества молодых ученых из различных вузов и научных институтов. Были представлены доклады участников более чем из 30 городов России, ближнего и дальнего зарубежья по девяти научным направлениям, прошли секционные заседания, мастер-классы, круглый стол и лекции. По итогам выпущен электронный сборник материалов конференции. Также экспертами были выделены лучшие доклады с правом последующей публикации статей в 12-м сборнике молодых ученых “Психологические исследования”, издаваемом факультетом психологии ГАУГН и Институтом психологии РАН.

Ключевые слова: конференция, молодые ученые, современные исследования в психологии, перспективы психологических исследований, Институт психологии РАН.

DOI: 10.31857/S0205959224010127

Х юбилейная международная конференция молодых ученых “Психология — наука будущего” состоялась 16–17 ноября 2023 г. в Москве. Конференция прошла в Институте психологии Российской академии наук при поддержке факультета психологии Государственного академического университета гуманитарных наук.

Свои тезисы на конференцию прислали молодые специалисты более чем из 30 городов России, ближнего и дальнего зарубежья. Для очного участия в Москву приехали исследователи из Вологды, Перми, Санкт-Петербурга, Томска, Ярославля. Проведение конференции в смешанном формате позволило подключиться онлайн участникам из разных регионов России (Казань, Курск, Красноярск, Мурманск, Омск, Симферополь, Севастополь, Самара, Саратов) и зарубежья (Ереван, Армения; Алматы, Казахстан; Торонто, Канада; Быдгощ, Польша).

Одним из замыслов конференции является поддержание сотрудничества молодых ученых из различных вузов и научных институтов России и зарубежья. Результаты такого многолетнего сотрудни-

чества были отмечены на открытии конференции руководителями и организаторами, которые обратились к участникам конференции с приветственными словами. Среди них: председатель организационного комитета, академик РАН, директор ИП РАН Д.В. Ушаков; врио ректора Государственного академического университета гуманитарных наук, к.юрид.н. И.М. Соколыцки; заместитель председателя программного комитета конференции, д.психол.н. Е.А. Сергиенко; хранители традиций конференции — начальник отдела по связям с общественностью ИП РАН К.Б. Зувев и к.психол.н. И.И. Ветрова; ученый секретарь конференции С.В. Тарасов. Представленный на открытии краткий доклад о более чем 16-летней истории проведения этого научного мероприятия позволил слушателям проследить его преемственность и верность традициям, а также продемонстрировал потенциал Института психологии РАН как одного из научных центров, открытого для развития молодых ученых.

Активное участие в работе конференции представителей московских, региональных и зарубеж-

ных вузов свидетельствует как о сохранении традиции интеграции академической и университетской науки, объединении молодого поколения психологов-исследователей в стенах Института психологии РАН, так и о перспективах дальнейшего развития конференции и тех профессиональных связей между учеными, что образуются в период ее проведения.

В ходе работы конференции прошли секционные заседания, мастер-классы, круглый стол и лекции. Открытием научной программы конференции послужила лекция д.психол.н. *Т.В. Дробышевой* на тему *“Экономическая социализация личности: история, актуальные проблемы и перспективные направления исследований”*. В выступлении были прослежены путь становления экономико-психологической проблематики социализации личности, его связь с кризисными условиями социально-экономического развития общества, актуальное состояние и перспективы дальнейших исследований.

Проведенные мастер-классы были ориентированы на актуальные в социальном и научном плане темы. *С.О. Скорик*, выпускник ГАУГН, провел мастер-класс о том, как академическому психологу представлять результаты своего исследования в новых формах коммуникации общества (на примере Телеграм-канала). Психолог, специалист по прикладному анализу поведения, куратор поведенческих программ *Е.В. Апанович* провела мастер-класс на тему *“Нежелательное поведение у детей с РАС: функции и методы работы с ним”*. На круглом столе *“Какое будущее у психологических исследований: направления, тематика, методология?”* под руководством к.психол.н. *И.Р. Абитова* обсуждались проблемы трансформации психологической науки в реалиях современного мира и роль в этих процессах молодых ученых. Перед закрытием конференции лекцию на тему *“Планирование исследования: от формулировки проблемы к объяснению полученных результатов”* прочли д.психол.н. *И.О. Александров* и к.психол.н. *Н.Е. Максимова*.

Сохраняя традиции конференции, на каждой секции экспертами были выделены лучшие доклады с правом последующей публикации статей в 12-м сборнике молодых ученых *“Психологические исследования”*, издаваемом факультетом психологии ГАУГН и Институтом психологии РАН. Также каждый из докладчиков конференции получил диплом в номинации, отражающей наиболее сильные стороны представленного исследования.

Остановимся на кратком обзоре докладов, признанных на X юбилейной конференции лучшими.

В выступлении *Ю.А. Абдулиной* (Москва) *«Динамика развития идентичности профессионала оператора “Системы-112”»* было показано, что профессиональная идентичность у специалистов связана с аккумуляцией информации профессионального содержания, а ее последующая трансформация реализуется через конкретизацию профессиональных функций, самопознание в профессиональной деятельности, принятие специфики профессии и своих возможностей в ней.

Доклад *К.В. Барцевой, М.В. Лиханова, Е.А. Аленовой, Г.А. Вартамян и Е.Л. Солдатовой* (Санкт-Петербург) *“Пространственные активности в детстве и уровень развития пространственных способностей во взрослом возрасте: ретроспективное исследование”* имел своей целью уточнение взаимосвязи между пространственными способностями, измеренными во взрослом возрасте, и детскими пространственными активностями, оцененными ретроспективно. Результаты анализа показали, что пространственные активности в детстве значимо улучшают объяснительный потенциал модели пространственных способностей взрослых.

Доклад *“Динамика изменения амплитуд компонентов ЭЭГ в процессе научения”* *Д.Л. Гладилина, Э.А. Арамяна, К.С. Юдакова и В.В. Апановича* (Москва) был посвящен проблеме изучения процесса научения с включением принципа “скользящего окна” для расчета показателей, что предоставляет возможность изучать научение как процесс, обладающий своей динамикой. Было показано, что различные компоненты связанных с событиями потенциалов (ССП) по-разному связаны с результативностью в ходе научения.

В докладе *Д.И. Голубицкой и О.Ю. Стрижицкой* (Санкт-Петербург) *“Ресурсы продуктивного старения”* рассматривались особенности планирования старения в период поздней взрослости. Авторами выделены две стратегии старения — активная и спокойная. Обе являются продуктивными, различаясь ресурсами, которые лежат в их основе. Спектр данных ресурсов достаточно широк и отражает их включенность в повседневную жизнь.

Выступление *С.Б. Клумовой и Г.Я. Меньшиковой* (Москва) *“Индивидуальные стратегии движения глаз при восприятии экспрессий лица”* было посвящено выявлению возможных индивидуальных стратегий движений глаз в процессе распознавания экспрессий лица. Показано, что субъекты с высоким уровнем социальной тревожности склонны направлять внимание к зоне глаз при первой фиксации. Около трети участников исследования, включенных в выборку, используют одну и ту же стратегию независимо от типа экспрессии (радость,

гнев или нейтральное выражение), остальные представители выборки пользуются различными стратегиями.

Коллектив авторов, *А.В. Ключенко, А.Д. Кубанцева, К.В. Франзен и К.И. Ананьева* (Москва), представил доклад на тему *“Как личностные черты определяют наличие имплицитных стереотипов”*. Проведенное исследование показало, что большинство респондентов продемонстрировали имплицитное предпочтение “красивых” лиц мужчин и женщин и ассоциацию этих изображений со словами позитивной коннотации. В целом имплицитные стереотипы характерны для людей, с вниманием и одобрением относящихся к собственной внешности.

Доклад *К.М. Крупиной* (Санкт-Петербург) *“Предикторы представлений о старении в период взрослости”* отразил результаты эмпирического исследования факторов представлений о старении людей от 22 до 64 лет, проживающих в разных регионах РФ. На формирование позитивных представлений о старении оказывают влияние факторы психологического благополучия и ЗОЖ, а негативным представлениям способствуют параметры переживания одиночества.

Е.В. Лебедева (Саратов) в своем выступлении *“Авторитарное подчинение и авторитарная агрессия в структуре личности жертв домашнего насилия”* затронула остросоциальную проблему межличностных взаимоотношений. Была представлена путевая модель авторитарного подчинения и авторитарной агрессии у жертв домашнего насилия. Влияние на авторитарную агрессию оказывают “авторитарное подчинение”, “силовое мышление”, “склонность к потреблению порнографического контента”, “нетерпимость”.

М.П. Логинова (Санкт-Петербург) представила доклад по теме *“Гендерные установки у молодежи, увлекающейся современной корейской культурой”*, в котором обсуждались различия гендерных установок у людей, увлекающихся и не увлекающихся корейской культурой. Результаты показали, что наблюдается противоречие в транслируемых гендерных нормах субкультуры К-поп в России с традиционными ценностями российской культуры.

В выступлении *В.Д. Мамаевой-Найлз* (Санкт-Петербург) *“Цели и диспозиции личности в ситуациях неконгруэнтности”* была освещена проблема влияния восприятия неконгруэнтности целей и ситуационных возможностей на первоначально поставленные цели и проявление личностных диспозиций. Результаты исследования показывают, что в неконгруэнтной ситуации значения по шкалам

“дружелюбие” “экстраверсия”, “добросовестность”, “открытость новому опыту” ниже, чем в ситуациях конгруэнтности.

В докладе *П.В. Морозова* (Москва) *“Разработка модификации теста на эмоциональный слух человека для отбора операторов служб экстренной помощи по телефону”* было показано, что распознавание эмоций на слух, при условии отсутствия сигналов иных модальностей (например, зрительной), можно отнести к одному из профессионально важных качеств операторов “Системы-112”.

Н.С. Наумчук (Москва) раскрыла в своем докладе *“Репрезентация своего рождения как часть идентичности”* проблему выявления факторов, связанных с представлением о своем рождении в контексте становления идентичности личности. В качестве факторов автор выделяет неблагоприятный детский опыт и особенности прохождения стадий психосоциального развития, в качестве возможных следствий для идентичности рассматриваются эмоции самосознания, симптомы стрессовых расстройств, нарушения Я и др.

Представленный *Е.Е. Нефельд, М.К. Шугаревым, А.И. Ковалевым, А.Г. Долгих и М.В. Самусевой* (Москва) доклад *“Изучение нейрофизиологических механизмов распределения внимания в результате обучения приемам актерского мастерства”* касался проблемы более глубокого понимания психологических и психофизиологических основ эффективных методов обучения актеров. Результаты анализа показали, что использование нейровизуализации мозговой активности в области лобных отделов обнаружило различия в протекающих мозговых процессах у участников эксперимента, прошедших обучение актерским приемам, в сравнении с участниками, не проходившими такого обучения.

В докладе *П.О. Подтягиной* (Москва) *“Характеристики профессионального опыта и офисной среды как факторы развития профессионального выгорания специалистов ИТ-индустрии”* рассматривалась проблема выгорания как социально-психологического феномена с точки зрения салютогенеза среды. По результатам анализа показано, что на выраженность выгорания оказывают влияние параметры профессионального опыта, возраст и субъективно воспринимаемые характеристики офисной среды.

Доклад *А.А. Рахановой, А.В. Доценко, И.Ю. Суворовой* (Москва) *“Особенности взаимосвязи профессионального выгорания и копинг-стратегий у пилотов гражданской авиации с разным стажем”* представил результаты эмпирического исследования, которые показали, что пилоты с небольшим стажем

работы в большей степени руководствуются непродуктивными копинг-стратегиями. В то же время пилоты со стажем более 20 лет применяют скорее позитивные, совладающие копинг-стратегии, однако при этом демонстрируют больше симптомов профессионального выгорания.

Д.В. Тихомирова (Москва) в своем выступлении “*Невербальные средства, ресурсы и помехи установления доверительного контакта: пилотное исследование*” представила результаты исследования по проблеме доверительного контакта, выделив качества, которые способствуют его установлению. На основании полученных результатов предложены следующие элементы модели доверительного контакта: цель, роль, контекст, способ инициации, качества и навыки, ресурсы, помехи, мимика, жесты, позы, интонация, дистанция, результат контакта и отношение к собеседнику.

В докладе “*Особенности психоэмоционального состояния детей младшего школьного возраста с туберкулезом органов дыхания в стрессовой ситуации поступления в стационар*” *О.С. Шелоумовой* (Москва) было показано, что у подавляющего большинства пациентов выявлено наличие тревоги и стрессового состояния, более чем у половины — повышенный уровень нервно-психической напряженности и тревожности. Также было выявлено наличие у пациентов эмоциональных, поведенческих и межличностных проблем со сверстниками. Полученные результаты обуславливают особую актуальность разработки эффективных программ психологического сопровождения данной категории пациентов.

Коллектив авторов, *Е.К. Щерба, С.К. Нартова-Бочавер* (Москва), *П.М. Ларионов* (Быдгощ, Польша), представил доклад на тему “*Привязанность к домашним питомцам и любовь к людям — есть ли связь?*”. Обсуждалась связь между привязанностью людей к своим домашним питомцам и просоциальными качествами личности. Авторы представили русскоязычную адаптацию методики “Лексингтонская шкала привязанности к питомцу”. На основе пилотажного исследования показано, что разные характеристики привязанности к питомцу связаны с экологической идентичностью, моральными мотивами и социальным экоактивизмом.

На закрытии конференции все участники были приглашены к участию в XI конференции молодых ученых “Психология — наука будущего”, посвященной 30-летию факультета психологии ГАУГН в 2025 г.

По мнению участников, конференция получилась интересной, информативной, полезной как для самих докладчиков, так и для слушателей, студентов, начинающих свой профессиональный путь. Докладчики, выступающие не в первый раз, отметили неизменно высокий научно-организационный уровень конференции, приверженность традициям, которые сохраняются на протяжении уже 16 лет. Основными достижениями конференции стали обсуждение актуальных проблем психологической науки, новых методов исследования и обработки данных, качественная экспертиза не только уже выполненных эмпирических исследований, но также теоретических концепций авторов и планов будущих работ, корректировка и стимулирование дальнейших исследований.

X ANNIVERSARY INTERNATIONAL CONFERENCE OF YOUNG SCIENTISTS “PSYCHOLOGY — THE SCIENCE OF THE FUTURE”

S. V. Tarasov

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.
Junior Researcher at the Laboratory of Social and Economic Psychology.
E-mail: sementarasovvas@gmail.com*

Received 15.12.2023

Abstract. On November 16–17, 2023, the X anniversary international conference of young scientists “Psychology — the Science of the Future” was held at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow) with the support of the Faculty of Psychology of the State Academic University of Humanities. The event was dedicated to discussing topical issues of psychological science, new methods of research and data processing, and the development of cooperation between young scientists from various universities and

scientific institutes. The conference featured presentations by participants from more than 30 cities of Russia, near and far abroad in nine scientific areas, breakout sessions, master classes, a round table and lectures. As a result, an electronic collection of conference materials was released. Also experts highlighted the best reports with the right to publish articles in the twelfth collection of young scientists "Psychological Research", published by the Faculty of Psychology of the State Academic University of Humanities and the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: conference, young scientists, modern research in psychology, prospects for psychological research, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

УДК 159.9:061.2/3

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЮБИЛЕЙНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ”

© 2024 г. А. Е. Воробьева

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии.

E-mail: aeVorobieva@yandex.ru

Поступила 24.12.2023

Аннотация. 7–8 декабря 2023 г. в Институте психологии РАН (Москва) состоялась Международная юбилейная научная конференция “Проблемы социальной и экономической психологии: итоги и перспективы исследований”, посвященная 50-летию лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН и 75-летию академика РАН А.Л. Журавлева. В рамках конференции были проведены пленарное и семь секционных заседаний, мастер-класс и круглый стол. По итогам был выпущен сборник научных трудов. Работа конференции позволила обсудить ведущие научные проблемы психологии, представить прорывные направления исследований (психология конкуренции, социально-психологическое понимание коллективной и межличностной солидарности, наукометрический анализ, сочетающий библиометрические и тематические показатели и др.), обозначить перспективы дальнейших исследований и сотрудничества. Заседания многих секций сопровождались активной дискуссией по вопросам методологии, истории и разработки понятий. В целом ряде докладов был представлен междисциплинарный и организационно-научный вклад А.Л. Журавлева в развитие разных отраслей и научных направлений современной отечественной психологии.

Ключевые слова: конференция, современные исследования в психологии, перспективы психологических исследований, Институт психологии РАН.

DOI: 10.31857/S0205959224010137

Международная юбилейная научная конференция “Проблемы социальной и экономической психологии: итоги и перспективы исследований”, посвященная 50-летию лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН и 75-летию академика РАН А.Л. Журавлева, состоялась 7–8 декабря 2023 г. в Москве. В работе конференции приняли участие 110 человек очно и 4 человека онлайн, в том числе 39 докторов наук, 44 кандидата наук, 24 молодых участника (аспиранты, соискатели, магистры, бакалавры). География участников как охватывала основные научные центры России (Астрахань, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Кострома, Красноярск, Курск, Москва, Омск, Пенза, Пермь, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Саратов, Севастополь, Тверь, Тюмень, Ярославль), так и включала представителей Республики Беларусь (Минск) и Болгарии (Стара Загора).

Целью мероприятия было обозначить научный вклад работ отечественных психологов в методоло-

гию, теорию и историю социальной психологии и смежных отраслей, а также обозначить перспективы дальнейшей работы с опорой на их теоретико-методологические разработки.

В рамках работы конференции были рассмотрены ведущие **научные проблемы** психологии: проблемы методов (измерения (В.А. Хащенко, Е.В. Тугарёва, М.В. Клементьева, А.Н. Лебедев, О.В. Гордякова, М.А. Гагарина, А.С. Панфилова, Москва) и моделирования (Н.В. Муращенкова, Москва) психологических феноменов, воздействия (Л.В. Миллер, Н.В. Антонова, Москва) на поведение индивида и группы), социальной обусловленности психики (А.В. Карпов, Ярославль; Т.А. Нестик, В.И. Панов, Н.Г. Артемцева, Х.А. Гаджиев, А.Н. Тартарко, Е.Н. Махмутова, А.А. Грачев, А.Ю. Саенко, П.А. Кисляков, И.В. Ларионов, Т.В. Дробышева, Москва; В.В. Константинов, Н.В. Путилова, Пенза; М.И. Логвинова, С.В. Сарычев, Курск; А.Д. Карнышев, Иркутск).

Современный дискурс проблем личности в рамках социальной психологии порой сужен до поиска копинг-стратегий в неопределенном мире и транзитивном обществе. Доклады *В.И. Пищик* и *М.Р. Шабукоевой* (Ростов-на-Дону), *А.В. Микляевой* и *С.В. Васильевой* (Санкт-Петербург), *В.В. Константинова* и *Н.В. Путиловой* (Пенза), *Т.А. Воронцовой* и *А.Г. Артамоновой* (Ростов-на-Дону), *А.И. Черновой* (Москва) и *С.А. Хазовой* (Кострома), *Е.Ю. Коржовой* (Санкт-Петербург), *Л.В. Миллер* (Москва), *О.И. Титовой* (Красноярск), представленные на секции социальной психологии личности в изменяющемся обществе, позволили расширить палитру направлений современных исследований. Спектр выступлений участников секции “Социально-психологические проблемы в организационной психологии и психологии управления” (*А.А. Грачев*, Москва; *А.В. Карпов*, Ярославль; *Н.В. Антонова*, Москва; *П.С. Курьез*, Москва; *Т.Н. Лобанова*, Москва; *О.А. Ключева*, Тверь; *О.А. Первачева*, Москва; *Е.Н. Власюк*, Рязань) охватывал вопросы как теоретико-концептуального, так и эмпирического характера. Действительно концептуальные модели организационной психологии пока определены слабо и требуют дальнейшего осмысления и развития.

Впервые представлено исследование проблемы конкуренции в психологии (*О.А. Ключева*, Тверь) — это редкостная работа психологов. Аналитический обзор проблемы конкуренции в психологии, выполненный докладчиком, позволил систематизировать и описать основные направления в исследованиях, обозначить актуальность идентификации и измерения переменных, которые обуславливают качественно различные типы конкурентного взаимодействия, а также необходимость разработки обобщающей теоретической концепции (с учетом специфики условий), адаптации и конструирования измерительного инструментария.

Совершенно новым становится для психологии изучение феномена социальной солидарности (доклад *Т.П. Емельяновой*, Москва), которая ранее интенсивно разрабатывалась в социологии. В докладе не только была обозначена необходимость определения социально-психологического содержания этого явления, но и предложена схема выделения социально-психологических компонентов и проявлений коллективной и межличностной солидарности в период пандемии.

Уникальная техника наукометрического анализа на основе корпусов заголовков научных трудов (как полного, вплоть до учебно-методических и интервью, так и исключительно индивидуальных исследований автора) использована впервые

в работе *В.И. Белополюского* и *А.А. Костригина* (Москва): публикационная активность академика РАН и научного руководителя Института психологии РАН А.Л. Журавлева проанализирована не в отдельных отраслях психологии (как это было сделано ранее), а в течение всей научной биографии. Кроме того, использованные докладчиками библиометрические показатели позволили охарактеризовать динамику интенсивности работы А.Л. Журавлева и ее востребованности научным сообществом, последовательную смену его научных интересов и обоснованно (по критерию принципиальной смены должностного статуса) выделить четыре периода, среди которых по количеству публикаций, цитирований и соавторов особо выделялся период работы директором ИП РАН, что связано с научно-организационными функциями автора и повышением фундаментальности его работ (методологической, теоретической и историко-психологической тематикой), обращением к социально значимым темам (психологические проблемы общества, макросоциальные и глобальные феномены в психологии и др.). Для тематического анализа индивидуальных исследований А.Л. Журавлева применялся сервис Sketch Engine.

Как пленарное, так и секционные заседания конференции носили остро **дискуссионный** характер. Так, например, в докладе *О.С. Дейнека* (Санкт-Петербург) обосновано новое направление экономико-психологических исследований — монетарная психология — предполагающее учет геополитических факторов в анализе отношения к валютам личности и социальных групп. Доклад вызвал дискуссию о субъекте монетарного поведения, понятии “экономический патриотизм” и методическом обеспечении исследований в этом направлении. В рамках секции “Актуальные проблемы экономической психологии” состоялась активная дискуссия о понимании феномена материализма на основе докладов *Е.В. Тугарёвой* (Москва) и *В.А. Хащенко* (Москва), представивших разные подходы к трактовке материализма: как личностного свойства и как ценностной ориентации. В докладе *Е.Н. Махмутовой* (Москва) были представлены результаты сравнительного исследования эффектов образовательной среды, направленной на формирование предпринимательских компетенций у студентов вузов Москвы и Севастополя. Этот доклад вызвал обсуждение соотношения факторов образовательной среды, региональных особенностей и корпоративной культуры вузов.

На секции “Актуальные проблемы психологии малых групп и межгрупповых отношений” обсуждались методические проблемы, связанные

с поиском выборок для проведения групповых исследований и применением опросников и процедур, повышающих достоверность получаемых данных. Кроме того, обсуждался доклад *И.А. Количенко* (Краснодар) и *С.А. Никулиной* (Пятигорск), посвященный проблеме идентичности беременных женщин с оптимальным и неоптимальным типом отношения к беременности. Было отмечено, что изучался только когнитивный аспект идентичности — суждения и представления о себе в материнстве. В связи с чем авторам было предложено продолжить и расширить исследование. В рамках дискуссии по докладу *Г.Н. Лариной* и *С.В. Сарычева* (Курск) о свободе как свойстве группы в качестве перспективного направления исследования было выделено понимание связи свободы группы и этапов ее развития. В процессе обсуждения доклада *М.И. Логвиновой* и *С.В. Сарычева* (Курск) о диспозиционном и социальном оптимизме членов групп просоциальной направленности, проживающих в приграничном регионе в условиях кризиса, были заложены два перспективных аспекта развития исследования: 1) измерение оптимизма относительно конкретной группы, а не целой категории; 2) терминологический анализ социального оптимизма в соотношении с групповым доверием, групповой жизнеспособностью, групповой самоэффективностью, групповой действенностью/самодейственностью. В качестве перспективы дальнейших исследований в дискуссии по докладу *А.В. Сидоренкова* (Ростов-на-Дону) о функциональности группы и неформальных подгрупп по отношению к их членам было предложено провести анализ функций членов группы по отношению к группе и неформальным подгруппам, включить в анализ статусно-ролевые позиции, расширить объекты исследования.

На секции, посвященной вопросам организационной психологии и психологии управления, в связи с докладом *А.В. Карпова* (Ярославль) по проблеме цифровой социализации как фактора вузовской адаптации участники активно включились в дискуссию о том, нужна ли сейчас адаптируемость и какова связь дифференцированности и пластичности мозга. На секции по социальной психологии личности в изменяющемся обществе доклад *О.И. Титовой* (Красноярск), посвященный концептуальным позициям в вопросе построения гендерного типа личности, вызвал живой интерес и споры относительно выстраивания структуры концепта социального пола личности.

Дискуссия, которая развернулась на секции по политической психологии, касалась проявляющихся в современном мире вопросов оппозиционной

и неопозиционной полярности. В первом случае разговор затрагивал психологическую поляризацию, в том числе ценностно-аффективную, отношения к власти, средствам информационных технологий и проблемам специальной военной операции, а также противоречия отражения социально-политической реальности в цифровом пространстве. Неоднозначными также были оценки этнопсихологических и кросскультурных факторов формирования многополярного мира в современном политически заостренном мировом сообществе. Высказывались мнения, что любой субъект многополярного мира сегодня должен отличаться не только самобытностью, но и экономической самодостаточностью и способностью противостоять авторитарному давлению со стороны адептов однополярного мира. Участники дискуссии отмечали, что немало ценностей и позитивных традиций СССР и его политического и юридического преемника — Российской Федерации — должны лечь в основу при переходе нашей страны к многополярному миру, а также учитываться в межкультурных отношениях на постсоветском пространстве.

Отмечался **широкий вклад** научного руководителя Института психологии РАН, руководителя научного направления “Социальная и экономическая психология”, возглавлявшего соответствующую лабораторию около 30 лет, профессора, академика РАН и РАО А.Л. Журавлева не только в социальную и экономическую психологию, но и в разработку современной методологии и истории психологии (в докладе *В.А. Мазилова*, Ярославль); в становление отечественной организационной психологии и психологии управления (в докладе *В.П. Познякова*, Москва); в развитие сотрудничества ИП РАН с региональными научными центрами (в докладе *Е.Е. Гавриной*, Рязань).

В.А. Мазил (Ярославль) рассмотрел вклад А.Л. Журавлева в методологию психологии, показал результаты разработки ученым проблемы интеграции не только в научно-исследовательском и гносеологическом, но и в научно-организационном плане (в виде организации психологического сообщества). В выступлении *В.П. Познякова* (Москва) были подробно проанализированы разработки А.Л. Журавлева по проблемам психологии совместной деятельности и коллективного субъекта, представлена динамика его взглядов по этим вопросам. В докладе *Е.Е. Гавриной* (Рязань) обсуждалась история сотрудничества Академии ФСИИ России и Института психологии РАН (ИП РАН), осуществлявшегося с 2000-х годов: оно проявлялось в виде совместного проведения научно-практического семинара “Прикладная юридическая

психология” (который проходит на базе ИП РАН), издания журнала “Прикладная юридическая психология” (одним из учредителей которого является ИП РАН), а также подготовки совместных публикаций по социальной и юридической психологии.

Содержание конференции не только носило важный теоретико-методологический и историко-психологический характер, но также имело **практическое значение**: в частности, в докладе *Е.Е. Гавриной* (Рязань) были представлены результаты сотрудничества ИП РАН и Академии ФСИН по прикладной юридической психологии (разработка рекомендаций для прогнозирования и предупреждения значимых негативных социальных проблем), а в докладе *А.Л. Южаниновой* (Саратов) — формирование на базе социальной психологии междисциплинарной судебной социально-психологической экспертологии. Социальная психология как база медико-психологической помощи (понимание личности и мировоззрения пациента, определение оптимального стиля взаимодействия) прозвучала в докладе *Л.В. Миллер* (Москва). Анализ социально-психологических факторов адаптации россиян к актуальным экономическим, социальным, политическим условиям был представлен в выступлениях *К.М. Гайдар* (Воронеж), *А.Н. Татарко* (Москва). Программа психологического сопровождения цифровой трансформации организации с целью повышения ее эффективности была предложена *Н.В. Антоновой* (Москва). Анализу сопротивления инновациям был посвящен доклад *А.Ю. Саенко* (Москва) об отношении к беспилотному наземному транспорту. В рамках практико-прикладных исследований на секции “Актуальные проблемы психологии малых групп и межгрупповых отношений” поднимались вопросы сохранения семейного опыта, идентичности отдельных категорий граждан и коррекционно-реабилитационной работы с группами. Завершилась конференция проведением кибертренинга совместимости, работанности и командообразования (*Т.В. Нещерет*, Санкт-Петербург).

Перспективы дальнейших исследований в рамках социальной психологии и смежных с ней отраслей были обозначены в пленарном докладе *Т.А. Нестика* (Москва): вопросы управления совместной жизнедеятельностью в условиях неопределенности, влияния новых технологий на социально-психологические феномены, социально-психологических предпосылок целенаправленности коллективного субъекта, социального воображения, психологии нравственности, социальной психологии города, социально-психологических механизмов каскадной эскалации глобальных рисков, макропсихологического подхода к исследованию социальных явлений.

Таким образом, участники Международной юбилейной научной конференции “Проблемы социальной и экономической психологии: итоги и перспективы исследований” обозначили историко-психологический вклад отечественных специалистов в современную социальную и экономическую психологию и сформулировали следующие **направления дальнейшей совместной работы**: 1) продолжить обсуждение прикладных вопросов социальной психологии (в частности, юридической) на предстоящих заседаниях семинара “Прикладная юридическая психология”; 2) организовать сотрудничество лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН и кафедры психологии и педагогики РУДН в области кросскультурных экономико-психологических исследований; 3) провести научную конференцию, посвященную проблеме внутри- и межгрупповых отношений, совместно с Курским государственным университетом и лабораторией социальной и экономической психологии ИП РАН; 4) усилить связи теоретических разработок и практики исследований в области организационной психологии и психологии управления в цифровых российских компаниях, таких как Яндекс, Озон, ВКонтакте, Авито и др.; 5) в рамках будущих конференций рассмотреть методологию организационного консалтинга как относительно самостоятельного научного направления.

**INTERNATIONAL ANNIVERSARY SCIENTIFIC CONFERENCE
“PROBLEMS OF SOCIAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY:
RESEARCH RESULTS AND PROSPECTS”**

A. E. Vorobieva

*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.
Senior Researcher at the Laboratory of Social and Economic Psychology.
E-mail: aeVorobieva@yandex.ru*

Received 24.12.2023

Abstract. On December 7–8, 2023, the International Anniversary Scientific Conference “Problems of Social and Economic Psychology: Research Results and Prospects” was held at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow), dedicated to the 50th anniversary of the Laboratory of Social and Economic Psychology of the IP RAS and the 75th anniversary of RAS Academician A.L. Zhuravlev. The conference included plenary and seven breakout sessions, a master class and a round table. As a result, a collection of scientific papers was published. The conference made it possible to discuss the leading scientific problems of psychology, present breakthrough areas of research (the psychology of competition, socio-psychological understanding of collective and interpersonal solidarity, scientometric analysis combining bibliometric and thematic indicators), and outline prospects for further research and cooperation. Meetings of many sections were accompanied by active discussion on issues of methodology and concept development. Also, in a number of reports, the interdisciplinary and organizational-scientific contribution in the development of modern domestic psychology of A.L. Zhuravlev was presented.

Keywords: conference, modern research in psychology, prospects for psychological research, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

Подписано к печати	г. Формат 60 x 88 ¹ / ₈ . Уч.-изд. л. 17,0.
Дата выхода в свет:	г. Тираж 210 экз. Зак. . Цена свободная.

Учредители: Российская Академия наук (РАН),
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН.

12+

Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»:
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»:
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Свидетельство о регистрации в Министерстве печати и информации РФ № 0110161 от 04.02.1993

